

Е. П. Глушанин

**Военная
знать
ранней
Византии**

Барнаул
Алтайское книжное издательство
1991

Научный редактор: д.и.н., проф. Г.Е. Лебедева (ЛГУ)

Рецензенты: д.и.н., проф. Г. Л. Курбатов (ЛГУ)

Кафедра истории древнего мира и средних веков
Уральского государственного университета

Глушанин. Е.П. Военная знать ранней Византии. —
Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. — 246 с.

Издание осуществлено при техническом содействии (набор и верстка
компьютерные) малого издательского предприятия “День”.

ВВЕДЕНИЕ

Тема военной знати Поздней Римской империи и ранней Византии не является традиционной, часто исследуемой и дискутируемой в работах по социальной, политической и военной истории поздней античности. Исследовательский интерес прочно прикован по преимуществу к изучению высших гражданских сословий позднеримского общества: сенаторской аристократии и куриалов. Не обойдены вниманием и низшие слои свободного и независимого населения. В процессе активного изучения находятся различные социальные, профессиональные и административные группы IV—VI вв., особенно монашество, епископат, интеллигенция. Военную верхушку поздней античности анализировали в основном как армейский командный институт в рамках государствоведческо-правового и историко-социологического подхода¹. Социальная проблематика высших эшелонов военной организации в их связи с прочими сословиями и слоями, а также тенденциями политического развития общества IV—VI вв., достаточно долго находилась на стадии лишь постановки вопроса. О военной знати как социально-политической категории вспоминали чаще при общих оценках итогов кризиса III в. и диоклетиано-константиновых реформ в сфере социальной структуры. В этом смысле специалисты следовали за логикой схемы М. И. Ростовцева, который первым на общем фоне усиления военного элемента в социально-политической эволюции позднеримского общества на рубеже III—IV вв. акцентировал внимание на появлении новой политической силы, названной им (тем самым в научный оборот был введен специальный термин) военной аристократией². При

3

¹ Традиция институционального подхода восходит к Моммзену: Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen seit Diocletian // *Gesammelte Schriften*. B., 1910. Bd. 6. S. 206—283; Grosse R. *Römische Militargeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung*, B., 1920; Enlin W. Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches // *Klio*. 1930, Bd. 23. S. 306—325; 1931. Bd. 24. S. 102—147; 467—502; Hoepfner A. Les “magistri militum praesentales” au IV siècle // *Byzantion*. 1936. T. 11. P. 483—498; Demandt A. *Magister militum* // *RE*. 1970. Splbd. XII. Sp. 553—778; Hoffman D. Der Oberbefehl des spätrömischen Heeres im 4. Jahrhundert n. Chr. // *Actes du congrès international d'études sur les frontières romaines*, Mamaia, 6—13 sept. 1972. Bucuresti, Köln, Wien. 1974. S. 381—397; Rau W. *Die römischen Heermeister des 4. Jahrhunderts n. Chr. (mit einer prosopographischen Dokumentation)*. Nürnberg, 1974.

² Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. 2 ed. Oxford, 1957. P. 512: “Естественно, семьи высших офицеров стали в течение времени главным источником поставки офицеров в целом, и таким образом сформировалась новая военная аристократия (a new military aristocracy), которая, однако, никогда не стала замкнутой кастой”.

этом одни исследователи просто ограничиваются констатацией факта возникновения новой правящей элиты для эпохи домината ³. Для ряда других вопрос о балансе власти между основными социальными слоями позднеимперского общества вообще не стоит: единственным господствующим классом империи объявляется сенаторское сословие ⁴. Начиная с А. Джонса, часть авторов подчеркивает, что особенностью в образовании позднеимперской правящей элиты является слияние старой сенаторской и новой имперской знати ⁵. И лишь отдельные специалисты обращают внимание на то, что правящая верхушка империи в IV—VI вв. включала в себя как гражданскую, так и военную знать ⁶.

Особенностью многих работ, в которых так или иначе затрагивается вопрос о военной знати, является то, что они, главным образом, останавливаются на проблеме ее возникновения. Так, в свое время С. И. Ковалев полагал, что в результате армейских реформ Галлиена была основана “новая военная знать” в виде корпуса протекторов, из которого рекрутировалось “высшее имперское чиновничество”. Он сформулировал тезис о том, что главной социальной опорой домината была прошедшая через армию “военно-бюрократическая знать, экономически опиравшаяся на свои крупные поместья” ⁷, т. е. в историографии была сделана попытка уточнить ее некоторые характеристики. Ему же принадлежит положение о сознательном расслоении армии Галлиеном в результате реформ с целью выделения военной верхушки, которое повторила Е. М. Штаерман ⁸. Дальнейшее уточнение содержания термина “военная знать” в связи с проблемой ее возникновения делалось в работах по римской военной и политической истории III в. На смену общим традиционным стереотипам о роли армии и солдатских императоров как протагонистов сената приходят представ-

4

³ Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. La mise en place du régime du Bas-Empire (284—363). P., 1982. P. 385.

⁴ Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. С. 9.

⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. A Social, Administrative and Economic Survey. Oxford. 1964. V. 1. P. 106.

⁶ Alföldi G. Die Generalität des römischen Heeres // BJ. 1969. Bd. 169. S. 233—246; Demandt A. Der spätrömische Militäradel // Chiron. 1980. Bd. X. S. 609—636.

⁷ Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948. С. 676; 692.

⁸ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 480—481.

ления об усложнении структуры правящей элиты уже в северовское время. Г. Альфельди, анализируя эволюцию высшего командного состава армии во II—III вв., акцентирует внимание на том, что после Септимия Севера разделение между гражданской и военной знатью стало совершенно отчетливым. К III в., по его мнению, восходит возникновение “нового, чисто военного верхушечного слоя с решающим политическим влиянием”, характерного для поздней античности⁹. Иными словами, ведущей силой в политическом организме позднеримского общества была однозначно названа военная знать. В какой-то мере реакцией на этот тезис стало более осторожное мнение Г. Пфлаума о том, что, несмотря на складывание в последней трети III в. “нового слоя знати” — профессионального офицерства, выслуживавшегося из простых солдат, сенаторская аристократия не утратила своих политических прав¹⁰.

Таким образом, в итоге периодических постановок вопроса о позднеантичной военной знати специалистами по истории позднего принципата и раннего домината наметилось понимание, равно как и основа для дискуссии, проблематики преимущественно в одной плоскости: роль военной знати в политической организации IV—VI вв., ее реальное место в формировании политики государства, что в целом идет в русле достаточно традиционного направления в историографии, изучающего сходную тематику на материале Республики и ранней Византии. Мы говорим “сходную” потому, что специалисты по Республике и ранней Византии редко вычленяют воздействие на политику отдельных профессиональных военных групп (за исключением, пожалуй, позднереспубликанского ветеранства), рассматривая проблему, как правило, сквозь призму дихотомии “армия-общество”, и, реже, в рамках амбивалентной пары “армия-император”¹¹.

В известной мере к этому примыкает традиционная для антиковедения, особенно немецкого, тема о роли магистров войск варварского происхождения в политической жизни Поздней Римской империи, о засилье германцев в армии и при дворе, приведшем в конце концов к т. н. национальной реакции римлян, к движению антигерманизма в обеих

⁹ Alföldi G. Die Generalität... S. 245—246.

¹⁰ Pflaum G. H. Zur Reform des Kaisers Gallienus // *Historia*. 1976. Bd. 25. S. 117.

¹¹ Harmandt J. *L'armée et soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère*. P., 1967; Botermann H. *Die Soldaten und die römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats*. München, 1968; Campbell J. B. *The Emperor and the Roman Army 31 BC—AD 235*. Oxford, 1984.

частях империи в конце IV—начале V вв. Однако практически никто из исследователей не называет западноримские военные кланы германского происхождения военной знатью¹².

Для византинистов и специалистов по поздней античности достаточно долгое время исследование места армии в политике увязывалось с имеющим широкое хождение тезисом “войско делает императора”. Соответственно анализировалась роль армии как т. н. конституционной силы в коронационных церемониях и обряде избрания императора в походных условиях при пресечении династии и при узурпациях¹³. Армия в таких работах выступает как единый, внутренне не расчлененный по своим политическим симпатиям и движимый лишь корпоративным духом организм; подход, типичный при изучении политической борьбы от Цезаря до Августа. В этом смысле отчасти прав У. Кэги, что “систематическое изучение военного вмешательства в политические дела государства только началось”¹⁴.

Все это, однако, не означает, что место в обществе и государстве высокопоставленных ранневизантийских военных не исследовалось вообще. Напротив, одной из излюбленных тем византиноведения является история мятежей Гайны и Виталиана¹⁵, а также влияние при дворе и конфликты с императорской властью военных варварского происхождения, например, клана Аспаридов¹⁶. А. С. Козлов, рассмотревший в серии работ конкретные проявления и формы политической оппозиции правительствам ранней Византии, считает возможным говорить о достаточно пер-

¹² Литература об этом огромна. См. наиболее важные: Waas M. Germanen im Römischen Dienst im 4. Jahrhundert n. Chr. Bonn, 1971; Stroheker F. Germanentum und Spätantike. Zürich, 1965.

¹³ Sträub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 7—75; Enlin W. Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl // *Klio*. 1942. Bd. 35. S. 268—298; Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich. Darmstadt, 1970. S. 161—186.

¹⁴ Kaegi W. E. Jr. Byzantine Military Unrest 471—843. An Interpretation. Amsterdam, 1981, P. 2; Ср. замечание относительно средневизантийского периода — Haldon J. F. Ideology and Social Change in the Seventh Century. Military Discontent as a Barometer // *Klio*. 1986. Bd. 68. P. 139; “Вопрос о том, какую роль солдаты и офицеры сыграли в византийской политике и обществе, вовсе не является новым, особенно в связи с частыми военными мятежами, предпринимаемыми офицерами из так называемой военной аристократии, или в связи с бунтами по поводу платы и условий службы, имперской религиозной политики и т.п.”

¹⁵ Peeters P. Hypatius et Vitalien. Autour de la succession de l'empereur Anastase // *Mélanges H. Grégoire*. P., 1950. T. 2. P. 5—51; Albert G. Goten in Konstantinopel, Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr. Paderborn, 1984.

¹⁶ Козлов А. С. Содержание конфликта Аспара и Льва I // *АДСВ*. 1975. Вып. 11. С. 110—123.

манентно существующих “военно-варварской” и “военно-чиновной знати”, обогащавшейся через государственный аппарат и не связанной с полисными имуществами¹⁷.

Примечательно, однако, что в византиноведении почти отсутствуют работы, которые последовательно, без хронологических цезур, прослеживали бы развитие тех или иных групп на протяжении всего ранневизантийского периода, их реальное место в обществе и политике, как это было сделано, например, в случае с магистром оффиций М. Клаусом¹⁸ или с таким политическим феноменом, как евнухи¹⁹. Известное исключение составляет исследование о дворцовых схолах, из которых, как полагает Р. Фрэнк, пополнялась военная элита поздней античности²⁰. Отчасти это относится и к монографиям Р. Мак-Маллена о воздействии военных на повседневную жизнь населения Поздней Римской империи²¹ и У. Кэги о византийской военной смуте²². Но ни та, ни другая работы, вследствие нетрадиционности, впрочем, недостаточно мотивированной, избранных хронологических рамок, тем не менее не “закрыли” ранневизантийский период сколько-нибудь удовлетворительно²³.

На этом историографическом фоне в 1980 г. появилось единственное специальное исследование, претендовавшее на полное, во всяком случае, концептуальное, решение проблемы военной знати IV—VI вв., принадлежащее перу А. Демандта. Впервые к теме военной знати А. Демандт обратился в заключении к своей знаменитой работе о позднеримских магистрах войск. Основные положения своей концепции, выросшей из обработки большого просопографического материала, А. Демандт тезисно изложил вскоре после публикации своего “*Magister militum*”²⁴. Нарастание “феодалных черт в военном деле Поздней Римской империи” выводилось им из следующих посылок. В период

7

¹⁷ Козлов А. С. Основные черты политической оппозиции правительству Византии в 399—400 гг. // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 27.

¹⁸ Clauss M. *Der Magister Officiorum in der Spätantike* (4.-6. Jahrhundert). Das Amt und sein Einfluß auf die kaiserliche Politik. München, 1981.

¹⁹ Hopkins K. Eunuchs in Politics in the Later Roman Empire // *PCPhS*. 1963. V. 189. P. 62—80.

²⁰ Frank R. I. *Scholae Palatinae. The Palace Guards of the Later Roman Empire*. Rome, 1969. P. 167—199.

²¹ MacMullen R. *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*. Cambridge (Mass.), 1963.

²² Kaegi W. E. Jr. *Byzantine Military Unrest 471—843. An Interpretation*. Amsterdam, 1981.

²³ Это же справедливо для работ Дж. Холдона и Т. Брауна. — Haidon J. *Recruitment and Conscription in the Byzantine Army c. 550—950. A Study on the Origins of the Stratiotika Ktemata*. Wien, 1979; Brown T. S. *Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy A. D. 554—800*. Hertford, 1984.

²⁴ Demandt A. *Magister militum* // *RE*. 1970. Splbd. XII. Sp. 553—790.

после Константина I складывается “военная аристократия тем, что все меньше семей занимали все больше руководящих постов”. Начиная со Стилихона, все наиболее значительные магистры войск Западной и Восточной империи породнились между собой и образовали шесть замкнутых фамильных групп. Браки между военной и сенаторской аристократией были редки. Законные и незаконные возможности обогащения вели к складыванию значительных имуществ у видных военачальников и, далее, к активному патронированию ими колонов и содержанию частных букеллариев. Сосредоточение в руках магистров войск политического, экономического и военного могущества привело к тому, что они монополизировали сферу военного управления, разделив тем самым власть в империи с сенаторской аристократией, традиционно доминировавшей в гражданской администрации ²⁵.

В опубликованной в 1980 г. статье “Позднеримская военная знать” концепция А. Демандта, будучи расширенной и подкорректированной, приобрела законченную форму. В ней автор уже счел возможным говорить о едином, от Диоклетиана и до Юстиниана включительно, “военно-императорском руководящем слое”, состоявшем из породненных между собой в разных поколениях магистров войск обеих империй, императоров всех позднеантичных династий и ряда варварских племенных вождей. Последнее обстоятельство дало возможность этой особой правящей элите доминировать в дальнейшем и в средневековой Европе. Этот тезис логически подвел А. Демандта к увязыванию исследуемой им проблематики в постановочном плане с более общими теоретическими вопросами: “В военно-политическом верхушечном слое тем самым состоит социальный континуитет от поздней античности к раннему средневековью, который до сих пор не играл никакой роли в дебатах о континуитете, но, пожалуй, заслуживает внимания”. Отказываясь считать позднюю античность феодализмом и рассуждая об инфляции терминов, А. Демандт тем не менее находит то, что роднит, по его мнению, позднеримскую и раннефеодальную знать: доминирование личных связей над государственными структурами. По А. Демандту, проникновение личных связей не было для поздней античности чем-то новым; оно уже трижды имело место в предшествующие эпохи. Речь здесь идет о “продукте распада государственного авторитета: ранней царской власти, классической республики, августова принципата и теперь диоклетиано-константинова домината”, И резюмирует

²⁵ Demandt A. Feudalistische Züge im Militärwesen des spätrömischen Reiches // Bericht über die 29. Versammlung deutscher Historiker in Regensburg 3. — 8. Oktober 1972. Stuttgart, 1973. S. 65—66.

свою концепцию автор указанием на место и роль военной аристократии в позднеантичном обществе: “Позднеримская военная знать посредством своих фамильных связей, поместий и вооруженных свит достигла социального положения, которое обеспечивало ей наследственное политическое влияние”²⁶.

Таким образом, концепция А. Демандта в известной мере явилась логическим следствием и в какой-то степени завершением одного из сложившихся в историографии направлений и методов изучения места армейского командования в римском обществе и государстве. К сильным сторонам концепции относится стремление расширить “анкету” военной знати и увязать все ее параметры с общими социальными процессами Поздней империи: наследственным профессиональным корпоративизмом, варваризацией армии, структурными особенностями позднеантичного государственного аппарата и т.д. Но в той же мере, в какой концепция А. Демандта стала продуктом институционно-правового моделирования отдельных явлений позднеантичной социальной структуры и политической организации, она разделила и ряд свойственных этому методу недостатков. Прежде всего, модель военной знати А. Демандта в качестве особой постоянной правящей элиты строится методом одновременного увязывания (что, кстати, также постоянно делается в историографии) материала как разных эпох, так и разных регионов позднеантичной цивилизации, и, наоборот, эта идеальная модель экстраполируется в равной степени на все периоды существования обеих империй, без учета каких-то локальных особенностей и конкретно складывавшихся социально-политических ситуаций. Отсюда автору

²⁶ Demandt A. *Der spätrömische Militäradel*// Chiron. 1980. Bd. X. S. 609—636. Необходимо отметить, что в литературе достаточно тезисов, созвучных концепции А. Демандта. См. например, Jones A. H. M. *The Later Roman Empire...* V. I. P. 327: “Представляется, что крупные генералы предпочитали скорее быть властью за троном, чем самим занимать трон, очевидно, потому, что они боялись утратить контакт с войсками, если бы они сами были вынуждены исполнять тяжелую церемониальную рутину, возложенную на императора; Blockley R. C. *Constantius II and His Generals* // *Studies in Latin Literature and Roman History*. Bruxelles, 1980. V. 2. P. 484: “Конечно же, верно то, что генералы и их сыновья могли представлять серьезную опасность правящим императорам. В конце концов, большинство из императоров позднеримского периода могли бы возвести к военным свои карьеры, или карьере основателя их династий”. Большое количество наблюдений, в том числе и спорных, о роли в ранневизантийской политике V—VI вв. высших военных было сделано У. Кэш в его обобщающей, суммирующей многолетние исследования автора, работе о византийской военной смуте. — Kaegi W. E. Jr. *Op. cit* P. 14—63. Некоторые из них прямо совпадают с отдельными положениями концепции А. Демандта: “Владение постом *magister militum* сосредоточилось для большей части столетия (V в. — Е. Г.) у относительно небольшой группы семей”. — *Ibidem*. P. 20.

позднеантичная военная знать видится в качестве общеимперской и наследственно-стабильной.

Представляется, однако, что проблема позднеантичной военной знати является проблемой ее реальной исторической эволюции. Поэтому более оправданным методом ее изучения, на наш взгляд, должно быть поэтапное исследование положения армейской верхушки на фоне социально-политических, военных, экономических, административных изменений, протекавших в жизни империи с IV по VI вв. Просопографические сведения, иными словами, нуждаются в историческом комментарии.

Метод поэтапного анализа позднеантичной военной знати безусловно предполагает соотнесение изучаемого материала с какой-то определенной хронологической периодизацией и с имеющимися в науке представлениями как о стадийной сущности позднеримской цивилизации в целом, так и о содержании каждой отдельной фазы ее внутреннего развития. Меньшей сложностью в этом смысле представляется конечное увязывание выстроенной на основе всего исследуемого материала модели военной знати ранней Византии с общими оценками характера общества IV—VI вв., соответственно как еще античного, точнее позднеантичного ²⁷, либо уже феодального ²⁸. Гораздо труднее представляется наложение указанной проблематики на какую-либо из уже “наработанных” в историографии хронологических схем позднеримского и ранневизантийского общества, поскольку каждая из имеющихся схем избирает из широкого разброса как формальных, так и функциональных критериев лишь ту их часть, которая соответствует ее объекту анализа. В самом деле, при написании общих трудов по позднеантичной истории чаще всего хронология периодизируется веками, эпохами, правлениями отдельных императоров. Работы по социально-экономической истории IV—VI вв. оперирует такими фундаментальными категориями, определяющими ее внутреннее развитие, как, например, колонат, магнатское или императорское землевладение, производственная роль рабства. Исследования по политической истории измеряют время сменой правящих группировок, мятежами, завоеваниями и т. д. То же самое относится к административной (схизмы, соборы), военной

²⁷ Эта господствующая на сегодня точка зрения восходит, насколько мы можем судить, к работам М. В. Левченко. — Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VII вв. // В.С. М. - Л., 1945. С. 12—95. Подробнее историографию проблемы см.: Курбатов Г. Л. К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // ПССИСО. 1980. Вып. 3. С. 3—21.

²⁸ Липшиц Е. Э. Очерки по истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX вв. М. - Л., 1961. С. 23.

(нашествия, конфликты, армейские реформы), культурологической (“возрождения”, “золотые века”, “упадки”, “подъемы”), периодизационным схемам, которые зачастую плохо соотносятся друг с другом²⁹. Более всеобъемлющий, системный анализ позднеримской и ранневизантийской цивилизации с соответствующей “системной” периодизацией позднеантичной истории, не будучи относительно новым явлением в историографии³⁰, прокладывает себе дорогу медленнее, поскольку он прямо зависит от состояния современных динамично меняющихся представлений об отдельных реалиях и “срезах” общества IV—VI вв. Например, на уровне более четкого уяснения конкретных этапов сложного и длительного процесса размежевания позднеантичного Запада и Востока, требующего учета массы разнохарактерных факторов, концептуальная периодизация, как показало исследование А. Пабст о *divisio regni*, отраженном сознанием и идейными установками современников³¹, все еще далека от завершения. И тем не менее путем системного анализа в историографии достигнуто немало серьезных результатов. К ним можно отнести, например, убедительное доказательство Ж. Дагрона о том, что превращение Константинополя в имперскую столицу отнюдь не было “одноактным творением”³². Или работу А. Шастаньоля, продемонстрировавшую затяжной характер формирования основ режима домината, завершенность которого автор отнес не к диоклетиано-константиновым реформам, а к правлению Юлиана Отступника³³. Существенные результаты дал метод комплексной, перекрестной “атаки” на правление Юстиниана I, предпринятой итальянскими учеными³⁴.

В нашей историографии серьезные успехи в системном освоении ранневизантийской цивилизации связаны не в последнюю очередь с разработкой концепции позднеантичной стадии развития, понимаемой в качестве вполне самостоятельного исторического периода со свойственными только ему особенностями и этапами внутренней эволюции, к ко-

²⁹ См. например: Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 9: “...различные отрасли культуры зависели нередко от разных факторов общественной жизни страны, периоды культурного подъема или упадка не всегда совпадали с соответствующими этапами в экономическом и политическом развитии империи”.

³⁰ См. например: Каждан А. П. О построении истории византийской цивилизации: от И. Г. Краузе к А. Гийу // ВВ. 1977. Т. 38. С. 192—197.

³¹ Pabst A. *Divisio regni. Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen.* Bonn, 1986.

³² Dagron G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451.* Paris, 1974.

³³ Chastagnol A. *L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. La mise en place du régime du Bas-Empire (284—363).* Paris, 1982.

³⁴ *L'imperatore Giustiniano: storia e mito.* Milano, 1978.

торому нельзя подходить с мерками классического античного, либо раннефеодального общества³⁵. В рамках системного анализа был сделан важный вывод в отношении концептуальной периодизации: «позднеантичная “стабилизация” и подъем оказались на Западе более короткими (до 70-х годов IV в.), на Востоке относительное оживление деревни, подъем крупных городов продолжались до 80-х годов V в.»³⁶. Он сложился из синтеза наблюдений за реальной эволюцией ранневизантийских аграрных отношений, города и социальной структуры. В какой-то мере с этой социально-экономической концептуальной периодизацией совпадает ряд выводов, полученных при анализе политической истории ранней Византии, особенно в том, что касается крупных переломных хронологических рубежей. Например, положение о завершении формирования димов и резком обострении политической и религиозной борьбы именно в конце V в.³⁷. Довольно хорошо сочетаются с заметными изменениями в социально-экономической сфере и некоторые события истории позднеантичной армии. Адэрация воинских повинностей при Анастасии I (хрисотелия югов), думается, была прямым следствием завершения стадии позднеантичного подъема на Востоке.

С другой стороны, нередко ход событий военной и политической истории IV—VI вв. имел собственную логику, и, соответственно, периодизацию, независимую от социально-экономической, заставляя зачастую вносить существенные коррективы в естественную эволюцию последней. Так, адрианопольскую катастрофу вряд ли можно признать следствием слабости восточноримской экономики и, наоборот, войны Феодосия I с Западом и завоевания Юстиниана дорого обошлись и экономике, и внутривосточной стабильности. Так, изучение реального благосостояния куриалов показало, что оно пошатнулось именно в 80-е гг. IV в.³⁸, с чем, кстати, вполне увязывается и антиохийский “мятеж статуй”, и серьезный социально-политический кризис 395—400 гг.

Думается, не будет преувеличением сказать, что в наименьшей степени разработанной остается периодизация административной истории IV—VI вв., имеющая непосредственное отношение к теме позднеантичной военной знати.

³⁵ Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 11—24.

³⁶ Курбатов Г. Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 17.

³⁷ Подробнее см.: Козлов А. С. Политическая оппозиция правительству Византии в конце V в. // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул, 1988. С. 82—97.

³⁸ Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 141—142.

Несмотря на обилие работ по отдельным гражданским и военным административным структурам, преобладают в основном институционные описания, в которых довольно мало систем с точки зрения соотнесения их с основными процессами в социально-экономической и политической сферах. Основными вехами в позднеантичной административной истории продолжают оставаться в специальной литературе складывание режима домината в конце III — начале IV вв. и реформы Юстиниана 30-х гг. VI в. Представления о двухвековом “административном консерватизме” и даже “стагнации”, питающие теории византийского этатизма, долгое время единственно возможным методом исследования административной истории делали метод институционного моделирования. Многие работы по политической борьбе на самой вершине властной пирамиды ранней Византии, вне зависимости от того, делался ли акцент на конкретно-ситуационном либо социально-мотивированном характере этой борьбы, лишь укрепляли эти представления, поскольку демонстрировали завидную неизменность (за редким исключением, как, например, кратковременное создание коллегиальной префектуры Востока при Аркадии) основных административных структур государства в течение столетий, их внутреннюю независимость от конфликтов, одной из целей которых являлось как раз овладение ключевыми постами в империи. Лишь размах просопографических штудий в последние два десятилетия позволил, кроме ликвидации “обезлички” административной системы, нащупать некоторые ее связи с основными социальными процессами общества IV—VI вв., что, в свою очередь, заставило модифицировать институционный метод, превратить его в так сказать социально-институционный. Просопографические ряды любых административных уровней за крупные исторические периоды потребовали социально-исторического объяснения своей достаточно рельефно выступающей внутренней системы. Новый метод сразу продемонстрировал как свои блестящие возможности, так и “подводные рифы”. Если придерживаться, по преимуществу, предоставляемых им добавочных сведений институционного характера, а за социальной стороной сохранить только пропедевтические функции объяснения “институционных” результатов в конечном счете, своего рода “подгонки” их под схему наиболее общих социальных особенностей эпохи, то и вся масса нового материала лишь по-новому интерпретирует старые “институционные” теории. Ряд этих особенностей социально-институционного метода, как нам кажется, и нашли свое отражение во внутренне ни регионально, ни хронологически не делимой концепции А. Демандта о позднеримской военной знати.

Отвлекаясь пока от прочих фундаментальных параметров его концепции, следует отметить, что постулируемый им критерий непрерывной фамильной преемственности военной знати IV—VI вв. уже сам по себе для перепроверки предполагает разбивку истории ее существования в течение этого периода на ряд этапов. Изучение генезиса позднеантичной военной знати безусловно требует обращения к материалу эпохи кризиса III в. и обеих тетрархий, что вполне совпадает с общепризнанной периодизацией. Далее мы намерены, насколько это возможно, придерживаться такого принципа: вычленять в качестве этапов время правления двух следующих один за другим императоров для того, чтобы тем самым установить реальность функционирования фактора преемственности позднеантичной военной знати. Правление Аркадия должно быть расчленено на два периода по той причине, что их четко обозначил социально-политический кризис 395—400 гг. в плане его последствий для правящей элиты. Соответственно, и историческое комментирование прочих выработанных А. Демандтом параметров периодизированной подобным образом военной знати IV—VI вв. должно проводиться с максимальным учетом особенностей каждого из намеченных этапов. При этом мы хотели бы избежать впечатления, что наше исследование сводится только к критике концепции А. Демандта: обращение к тем же фундаментальным позициям “анкеты” позднеантичной военной знати объективно, поскольку немецкий ученый при создании структуры этой “анкеты” (но в рамках своего подхода к проблеме!) исчерпал в этом смысле почти полностью возможности источникового материала; тем не менее добавочные критерии, а также социальная и политическая атрибуция военной знати IV—VI вв. в ходе ее изучения, конечно же, не исключаются.

И, наконец, рассмотрение эволюции позднеантичной военной знати должно распадаться на два самостоятельных исследования — западноримской и ранневизантийской военной знати. В самом общем смысле это связано с разницей реального исторического пути и судеб Западной и Восточной Римской империй, с разницей переживания ими последней фазы античной цивилизации, с разницей экономического потенциала и особенностями социальной структуры, государственности, военной организации. В свое время А. Джонс настойчиво проводил мысль о существенной разнице между военными группами давления на правительство в Западной и Восточной империй, усматривая причину этого, однако, только в том, что Запад в большей мере, чем Восток, подвергался варварским нашествиям, по причине чего политическая роль западноримской армии и ее командования

была там неизмеримо выше ³⁹.

С проблемой метода прямо связан вопрос об объекте исследования и его терминологическом выражении. А. Демандтом не была дана административная дефиниция военной знати, точно определяющая тот уровень Rangordnung, сопричастность к которому делала офицера носителем знатности и давала ему возможность влияния на формирование политики государства. Ведь вряд ли возможно причислить к военной аристократии породненных между собой трибунов и препозитов легионов и в какой-то мере даже дуксов лимитанов. Хотя в составленной А. Демандтом стемме позднеримской военной знати фигурируют военные комиты и магистры армии, нетрудно из его работ сделать вывод, что к военной аристократии относятся лишь последние.

Можно ли называть высших военных (особенно тех из них, которые достигли своих постов, не обладая возможностями поддержки со стороны “фамильного лобби”) поздней античности знатью: считали ли ее аристократией современники или же специалисты просто обозначают ее условным общеисторическим термином ⁴⁰? Критерии приложения А. Демандтом понятий “знать” и “аристократия” по отношению к позднеримской военной верхушке — происхождение из этаблированных фамилий, земельное богатство, частные войска — показывают, что автор пользуется схемой, в большей мере свойственной средневековой ⁴¹, и, особенно, тем ее теориям, которые придерживаются положения о стагнации ⁴², и, соответственно, феодализации позднеантичных социальных отношений. При этом не было сделано попытки (избегание автором административных дефиниций в известной мере убеждает в этом) скоррелировать ее каким-то образом с накопленными в антиковедении представлениями о знатности в связи со службой антично-магистратского типа, что, конечно же, обеднило “анкету” военной знати. Х. Лекен, суммировав недавно результаты предшествовавших исследований об античных критериях принадлежности к руководящему слою, выделил следующие основные моменты, по которым эта принадлежность определялась. *Dignitas*, условно переводимая как ранг, но не просто “в

³⁹ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire...* V. I. P. 341—346.

⁴⁰ О понятиях “знать” и “аристократия”, как одних из основополагающих терминах истории и социологии см.: Conze W., Meier C. *Adel, Aristokratie // Geschichtliche Grundbegriffe*. В.-N. Y., 1971. Bd. I. S. 1—48; Kuchenblich L. *Adel // Das Fischer Lexikon. Geschichte*. Frankfurt/Main. 1990. S. 105—120.

⁴¹ О феодальной знати, как исторической категории см.: Warner K. F. *Adel // Lexikon des Mittelalters*. München, Zürich, 1980. Bd. I. Sp. 118—126; Evergates Th. *Nobility and Nobles // Dictionary of the Middle Ages*. N. Y., 1987. V. 9. P. 147—152.

⁴² Charanis P. *On the Social Structure of the Later Roman Empire // Byzantion*. 1944—1945. V. 17. P. 39.

смысле чисто функционального места в шкале, но все еще в специальном значении “ранга”, предоставляющего высокий социальный престиж». С ней тесно связано понятие *honor*; сочетающее в себе “степень социального почета и высоту политического поста». Но оба тесно взаимосвязанные понятия реализовывались через политическую функциональность, которую в каждом случае определяли потребности императорской власти. В целом же «взгляды на то, что составляет собственно “знать” и как должны были вести себя знатные, едва ли изменялись на протяжении столетий в Риме, как и в Римской империи. В особенности к этому относится комплексная связь между занятиями “общественных” должностей и социальным престижем. Кто достигал такого поста — обосновывал и проявлял тем самым свою принадлежность к аристократии». В этом смысле он справедливо подчеркивает решающее значение для позднеантичной имперской верхушки борьбы за достижение высших административных постов, называя ее тем самым служилой аристократией⁴³. Представления о знатности на “бытовом” уровне обобщил Т. Барнс на примере позднеимперских латиноязычных авторов: “Свидетельства из Поздней империи подтверждают мнение, что римская знать, так же как и в ранней империи, была открытым, а не замкнутым классом. На это указывает то, что *nobilitas* присуждалась (как это было и раньше) занятием высшей должности или должностей в римском государстве. Во время Поздней Республики и ранней империи термин *nobilis* (в его самом строгом смысле) резервировался за консулами и их потомками, был ли их консулат ординарным или суффиктным. В конце IV в. суффиктный консулат уже не учитывался, но знатности можно было достичь не только посредством ординарного консулата, но и став префектом претория или префектом города (либо в Риме, либо в Константинополе). Таким образом, это скорее квалификация для *nobilitas*, чем значение *nobilis*, которое подвергается значительным изменениям”⁴⁴. В приведенных построениях обоих ученых обращает на себя внимание сле-

⁴³ Löhken H. *Ordines Dignitatum. Untersuchungen zur formalen Konstituierung der spätantiken Führungsschicht*. Köln, Wien, 1982. S. 2—4; 148.

⁴⁴ Barnes T. D. *Who Were the Nobility of the Roman Empire?* // *Phoenix*. 1974. V. 28. P. 448; См. также Guiland R. *La noblesse byzantine. Remarques* // *REB*. 1966. V. 24. P. 40—41: “Византийская знать в целом является знатью функционеров в том смысле, что знатный титул придавался до известной степени функции и чаще всего представлялся в соответствии с функцией. Это не замкнутая каста, как в Риме, доступ в которую открывало только происхождение, это — социальный класс, доступный всем”. Структурный анализ отдельных причин элитарной мобильности в поздней античности см.: Hopkins K. *Elite Mobility in the Roman Empire* // *Past & Present*. 1965. V. 32. P. 12—26.

дующая особенность. Справедливо подчеркивая взаимосвязь между занятием государственных постов, степенью социального престижа и античной знатностью, оба специалиста избегают при этом общего обозначения этих постов термином “магистратура”, хотя сам тезис о преемственности основных, разумеется, с определенными изменениями, параметров римского типа знатности от Республики и вплоть до Поздней империи предполагает анализ эволюции этой фундаментальной категории в имперский период. В самом деле, если при Республике обретение общественно признанного статуса знатности было невозможно без достижения высших магистратур, то, может быть, следует внимательнее приглядеться к тому, сколько еще магистратского осталось в основе тех государственных постов империи, которые предоставляли их обладателям персональную знатность. Думается, что употребление Х. Лекеном и Т. Барнсом термина “должность”, а не “магистратура” отражает реальную ситуацию в историографии, где нет единства по вопросу о существовании магистратур в поздней античности. Часть специалистов однозначно отвечает на него отрицательно, что, на наш взгляд, является следствием соответствующего подхода к проблеме: на характер позднеримских органов управления они смотрят “республиканскими глазами”. В большей мере это свойственно немецкому антиковедению, которое главным критерием магистратур считает делегирование государственной власти народным собранием. Отсюда применительно к должностным лицам поздней античности обычно употребляют не “Magistraturen”, но современные термины “Beamte”, “Hochbeamte”, “Würdenträger”. Так, Б. Кюблер полагал, что в “иерархии диоклетиано-константиновой конституции магистратуры Республики не имели места и смысла”⁴⁵. По В. Кирдорфу, в результате государственных реформ Диоклетиана полностью были устранены понятие и система магистратур⁴⁶. В англоязычной литературе, наряду с применением нетехнических понятий “the administration”, “the offices”, имеют место и такие термины, как “the surviving senatorial magistracies”⁴⁷, а также осторожные положения типа: “В последиоклетиановой империи некоторые прежние магистратуры все еще существуют, но снизились почти полностью до почетных титулов”⁴⁸. Французские специалисты говорят как о “l'administration central et provinciale”, так и о сохранении

⁴⁵ Kubier W. Magistratus // RE. 1928. Bd. 14. Hlbbd. 27. Sp. 433.

⁴⁶ Kierdorf W. Magistratus // Der Kleine Pauly. München, 1979. Bd. 3. Sp. 880.

⁴⁷ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... V. I. P. 378.

⁴⁸ Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953. P. 571.

ряда, хотя и в значительной мере изменившихся, “les magistrats senatoriaux” и “les magistrats de Rome”⁴⁹. Чаще всего современная “чиновничья” терминология используется в качестве аналогов к таким понятиям позднеримского государственного права, как *administratores*, *dignitates*, *magistratus*, *potestates*, *militia*; магистратский характер, мыслимый все по тому же критерию делегирования власти народным собранием, за ними, как правило, не признается, но, напротив, все они подводятся под общий “знаменатель” категории позднеантичной бюрократии. Семантическому и структурному анализу в литературе подвергались позднеантичные реалии *dignitas* и *militia*⁵⁰, но, вследствие указанного “республиканского” подхода, фактически оставлены без внимания сущность понятий *magistratus* и *potestas* применительно к Поздней Римской и ранней Византийской империи.

При Республике, как известно, власть избранного комициями магистрата основывалась на двух фундаментальных, взаимообуславливающих принципах: *imperium* и *potestas*, — каждый из которых имел развитую внутреннюю структуру (*maius*, *par*, *minus*) и ряд потестарных параметров (*ius coercendi*, *edicendi*, *agendi* etc.); однако понятие и реалия *imperium* было шире и иерархически выше, чем *potestas*, поскольку включало в себя право военного командования⁵¹. Уже при Августе, тринадцать раз бывшем носителем консульского *imperium* (RGDA. 35), постепенно формировалась конституционная основа перехода на принципса как высшего магистрата, суверенитета римского народа. Учитывая, что при Республике более высокое место *imperium* “с развитием чиновничества вело к новому понятию должностной власти — *potestas*, которое... устанавливало отношения зависимости”⁵², при принципате вовсе не выглядело антиконституционным, противоречащим основным понятиям римского публичного права, то, что единственный и постоянный носитель трактуемого в самом широком смысле (Dig. I. 4. 1: *populus ei et in eum omne suum imperium et potestas conferat*) *imperium*, реализовывал *commendatio* по отношению к магистратурам, обладавшим,

⁴⁹ Chastagnol A. *Involution...* P. 186; 206; 211—218.

⁵⁰ Löhken H. *Ordines Dignitates...* S. 2—9; Noethlichs K. L. *Beamtentum und Dienstvergehen*. Wiesbaden, 1981. S. 20—31.

⁵¹ Литература о соотношении обоих понятий колоссальна; обзор основных концепций см.: Lübtow A. von. *Potestas* // RE, Bd. XXII, 1953. Sp. 1040—1046; Rosenberg A. *Imperium* // RE. 1916. Bd. IX. Sp. 1201—1211; Wieacker F. *Römische Rechtsgeschichte. Quellenkunde, Rechtsbildung, Jurisprudenz und Rechtsliteratur*. 1. Abschnitt; Einleitung-Quellenkunde, Frühzeit und Republik. München, 1988. S. 376—378.

⁵² Bleiken J. *Imperium* // Der Kleine Pauly. München, 1979. Bd. 2. Sp. 1382.

по сути дела, отныне только potestas. Суть изменений в магистратской системе при принципате сводится, на наш взгляд, к прекращению доступа обладателей potestas к реальному imperium maius. При Республике лицо, начавшее карьеру с потестарных ступеней (квестура, эдилитет), могло достичь imperium maius (консулат), будучи теоретически лишь ограниченным возрастными нормами lex Villia annalis. При принципате эта связь раз и навсегда была разорвана, хотя понятие магистратского империя как основы власти должностного лица и сохранилось в публичном праве. Реальностью стало наличие двух империев — принцепса и традиционных магистратур, сильно разнящихся друг от друга. Империй принцепса вобрал в себя изъятый у консулата imperium maius, пожизненный проконсульский империй⁵³ с правом обладаний им и в померии (Dio Cass. 53. 32. 5); он освящался и поддерживался auctoritas principis⁵⁴ и maiestas populi Romani. Постановления принцепса, отмечает Гай, имеют силу закона, т.к. ipse imperator per legem imperium accipiat (Gai. Inst. I. 5.). Магистратский империй ограничивался определенной провинцией (Dig. I. 18. 3), слагался перед воротами Рима (Dig. I. 16. 16) и был соподчинен империю принцепса: et ideo maius imperium in ea provincia habet omnibus post principem (Dig. I, 17. 8). Иными словами, иерархия двух империев при принципате стала модифицированным аналогом республиканского соотношения imperium maius и potestas. Ульпиан, например, империй проконсула провинции уподобляет potestas (Dig. I. 16, 1), отметив, что его инсигнии ограничиваются шестью (т.е. как у республиканских преторов) фасцами (Dig. I. 16. 14). Полномочия префекта Египта Август искусственно (ad similitudinem proconsulis) поднял до уровня империя (Dig. I, 17. 1). Поэтому считаем возможным говорить как о разрыве взаимообуславливающей связи imperium и potestas при принципате, так и о превращении de facto⁵⁵ прежних магистратов только в потестариев, служилую, по отношению к императору, знать, но не замкнутую, т.к. власть магистрата ограничивалась также и определенным (впрочем, не строго фиксированным) сроком.

⁵³ Подробнее см.; Jones A. H. M. The Imperium of Augustus // JRS, 1951. V. 41. P. 112 ff.; Last H. Imperium maius // JRS. 1947. V. 37. P. 157 ff.; Wickert L. Princeps // RE. 1953. Bd. XXII. Sp. 2270 ff.; Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.-Л., 1949. С. 395—397.

⁵⁴ Magdelain A. Auctoritas principe. Paris, 1947; Машкин Н. А. Принципат Августа... С. 384—391.

⁵⁵ Сам Август заметил: auctoritate omnibus praestiti, potestatis (разрядка наша. — Е. Г.) autem nihilo amplius habui quam ceteri qui mihi quoque in magistratu conlegae fuerunt (RGDA 34). Ср. критику Тацита: munia senatus magistratuum legum in se trahere (Tac. Ann. I. 2. 1).

Однако утверждение о том, что в эпоху принципата магистратуры утратили реальную власть, представляется проблематичным, поскольку их объем компетенций четко соотносился с соответствующей ступенью potestas — maior или minor. У Ульпиана (Dig. II. 1. 3) находим любопытное рассуждение: “Imperium бывает либо чистым, либо смешанным. Чистый imperium — это обладание gladii potestatem для наказания преступных людей, который называется также potestas. Смешанный imperium, каковому, сверх того, принадлежит iurisdictio, тот, который состоит в предоставлении наследственного имущества (полномочия претора. — Е. Г.)”. Иными словами, магистраты, получающие свою potestas только от принцепса (Dig. 48. 14. 1; 42. 1. 57), хотя и в усеченном виде, но сохраняли ius iurisditionis (Dig. 42. 1. 57), ius coercendi (напр. Dig. 48. 5. 15. 4), даже ius gladii (Dig. I. 18. 6. 8). Права, которых не имели при принципате магистраты-потестарии, но только носитель imperium, перечисляет комментарий Маркиана к закону об оскорблении величия: “Под этот же закон подпадает и тот, кто без приказа принцепса поведет войну, или произведет рекрутский набор, подготовит войско, и тот, кто оставит империю или войско римского народа...” (Dig. 48. 4. 3), т.е. все ограничения касаются той основы imperium (право верховного командования армией), которая и при Республике отличала его от potestas.

В известной мере эти правовые построения соотносятся с современными общими оценками римской государственности эпохи принципата. К. Николе подчеркивает, что при империи “и в праве, и в действительности как фикция и как реальность продолжали существовать слова и институты общины. Настолько, что римское государство, начиная с периода империи, будет всегда оставаться достаточно отличным от монархических, бюрократических и территориальных государств современной Европы (Франции старого режима, Австрии, Пруссии и т.д.), модель которых и вдохновляла германских теоретиков XIX в. (Маркса, Моммзена и др.), а никак не модель “античной гражданской общины”⁵⁶. По мнению А. Л. Смышляева, “в период принципата, как и раньше, собственно государственные функции окончательно не выделились из функций социальных, государство и общество (в античном его понимании) по-прежнему в значительной мере совпадали”⁵⁷, на чем, собственно, основывается феномен удивительной ма-

⁵⁶ Николе К. Римская Республика и современные модели государства // ВДИ. 1989. N 3. С. 99.

⁵⁷ Смышляев А. Л. Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности? // ВДИ. 1989. N 3. С. 101.

лочисленности римских управленцев для указанного периода.

Хотя эта четкая система точного распределения компетенций *imperium* и *potestas* в период кризиса III в. претерпела известные деформации, однако ее возрождение, разумеется, в новых условиях и с неизбежными модификациями, началось в ходе реформ Диоклетиана и Константина. Так, Г. Реш, проанализировав употребление республиканской магистратской терминологии в официальной титулатуре императоров, отметил, что “несмотря на тенденцию в третьем веке пропускать в надписях эти титулы, в пространной титулатуре правителей эти должности регулярно появляются вплоть до последней четверти 4 века”.⁵⁸ Иными словами, вновь возрождаются представления о том, что император управляет не подданными, но гражданами, которым предоставлено право аккламацией выражать одобрение или порицание властям (CTh. I. 16. 6). На этой базе развивается и функционирует одна из основополагающих концепций позднеантичной политической идеологии — конституционная теория, признающая статус главных политических сил общества за армией, сенатом и народом. Основные же модификации были связаны с процессом разделения гражданской и военной властей, а также с учреждением новых административных структур: без изменений осталось положение *imperium*, а на месте одного носителя *potestas* эпохи принципата появилось несколько позднеантичных потестариев. Иоанн Лид (De mag. II. 7), например, повествуя о реформе префектуры претория, отметил, что вместо одной крупной быстро возникло множество магистратур (πολλαὶ ἀρχαί). Прямым следствием постепенного увеличения на разных административных уровнях (от позднеримской провинции и вплоть до префектуры) обладателей *potestas* был процесс усложнения позднеантичной ранговой и титулярной системы.

Думается, что диоклетианова концепция престолонаследия была уязвима именно вследствие рассеяния *imperium*, распространения его более, чем на одного обладателя, и, наоборот, жизнеспособнее в этом плане оказалось единодержавие Константина, поскольку в большей степени укладывалась в русло антично-магистратских традиций государственности. Конструкция тетрархии затрудняла (если не препятствовала вообще) распространение процесса модификации потестариев в верхних эшелонах государственного управления; в результате реформ Константина это противоречие устранялось. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: ни в кодексе Феодосия, ни в кодексе

⁵⁸ Rösch G. *Onoma Basileias. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit.* Wien, 1978. S. 30.

Юстиниана термин *imperium* по отношению к власти должностных лиц, начиная с Константина, больше не применяется; используется, главным образом, *potestas* и *dignitas* (CTh. I. 5—33; VI. 4—19; CJ. I. 26—48; XII. 4—14). Окончательный (в смысле терминологического оформления) разрыв связи *imperium* и *potestas* стал не столько показателем усиления авторитаризма принцепсов, сколько следствием завершения уже *de iure* принципа разделения властей. Думается, что при принципате полномочия провинциальных наместников продолжали обозначать как *imperium* потому, что они исполняли функции и гражданской и военной власти, напоминая республиканских промагистратов⁵⁹. И, наоборот, разделение властных функций изымало из сферы компетенции гражданских и военных магистратов, чьи полномочия как бы “уполовинились”, часть гражданства провинций, что уже не укладывалось в традиционную концепцию *imperium*. Аврелий Виктор, например, именно с т.н. “эдиктом Галлиена” увязывает утрату сенатом империя (De caes. 37. 5—6). Не случайно поэтому, начиная с Константина, термин *potestas* вновь стал широко применяться в публичном праве (судя по индексу О. Граденвитца, в кодексе Феодосия он употреблен в 221 случае)⁶⁰, а более поздние кодификаторы апеллируют именно к конституциям Константина как юридической основе собственного законо-творчества (CTh. I. 1. 5—6).

В техническом значении в позднеримском законодательстве он употребляется в качестве понятия публичной власти должностных лиц разных уровней администрирования: *vicaria potestas* (CTh. I. 16. 5); *moderatoria et praesidia potestas* (CTh. I. 16. 8); *praefectoria potestas* (CTh. VII. 18. 8); *iudiciaria potestas* (CTh. VII. 18. 12); *magisteria potestas* (CTh. VII. 8. 16.). *Potestas* предоставлялась лишь носителем *imperium*: *ex imperiali numine iudex delegatus est; si a imperiali maiestate iudex delegatus non sit* (CJ. III. 1. 16). Несанкционированная передача *potestas* должностным лицом его легату каралась штрафом в 30 фунтов золота (CTh. I. 12. 8). В *Notitia Dignitatum* термин *potestas* применяется только по отношению к публичной власти магистров войск (Or. V. 67; VI. 70; VII. 59; VIII. 54; IX. 49; Occ. VI.

⁵⁹ См. замечание о республиканской эпохе: “*Imperium* не имели те должностные лица, которым были определены специальные компетенции, т.е. цензоры, эдилы, квесторы, избранные народом военные трибуны, флотоводцы, члены вигинтисексвирата, в то время как носителю *imperium*, по меньшей мере первоначально и в теории, предоставляется управление всем государством... *Imperium* обладали внутри римского государства только должностные лица самого государства. — Rosenberg A. *Imperium...* Sp. 1201—1202.

⁶⁰ Gradenwitz O. *Heidelberger Index zum Theodosianus*. B., 1925. S. 180.

86); его синонимом для гражданских дигнитариев служит *dispositio*. Думается, что такое специальное выделение полномочий армейских магистров только как *potestas* было связано с необходимостью подчеркнуть, что абсолютное право распоряжения войсками, *imperium*, принадлежит исключительно императору; магистры же обладали лишь соподчиненной ему *potestas*, и всякое покушение на самостоятельные действия в отношении армии, т.е. претензия на *imperium* подпадало, как мы видели, под закон об оскорблении величия и квалифицировалось как *usurpatio*.

Нетрудно заметить, что в законодательстве *potestas* часто является синонимом *dignitas* и *honor*, а последние, в свою очередь, нередко отождествляются с *magistratus* (CTh. VI. 9. 2; CJ. III. 1. 13. 8), т.е. представляется возможным поставить знак равенства между всеми этими терминами. Собственно, уже в словосочетании *cursus honorum*, пришедшем на смену *certus ordo magistratuum*, *potestas* равнялась *honor*. Законы IV в. прямо зачисляют в категорию магистратов, помимо муниципальных, преторов (CTh. VI. 4. 14), префектов претория и магистров войск (CTh. VI. 7. 2). В V в. из массы магистратов вычленили *maiores magistratus*, к которым относились префекты претория, префект Константинополя, магистры войск и магистр оффиций (CJ. I. 51. 11; ср. CJ. VII. 45. 13; *cognitionales... amplissimae praefecturae vel alicuius maximi magistratus*). Изъятие у префекта претория многих функций, сообщает Лид, вовсе не превратило его в малого магистрата (ἀρχοντα οὐ μικρόν), так же, как и так называемых стратилатов” (De mag. II.11).

В какой-то мере считать магистратами армейских магистров позволяют и данные Вегеция: “Но императорами к войску посылались легаты из бывших консулов, которым подчинялись легионы и все *auxilia* при упорядочении мира и необходимости войн, на место которых, как известно, ныне поставлены *inlustres viros magistratos militum*, которые управляют не только парами легионов, но и многими *numeri*” (Veg. Epit. rei mil. II. 9). Магистратские же (точнее, промагистратские) полномочия легатов провинций в историографии обычно не оспариваются. Конкретный путь этой замены прослеживается по Иоанну Лиду (De mag. II. 7): после реформы префектуры претория возникли многие магистратуры (πολλαί ἀρχαί). Среди них и военные, ибо “так называемые стратилаты (магистры войск. — Е. Г.) издревле обладали достоинством (τιμῆ) комитов и только достоинством (...комитами же италийцы называют друзей и совместно путешествующих, а свиту императора — просто κομῆτοιν), должность же так называемого магистра (оффиций. — Е. Г.), хотя и не магистратура (ἀρχή), приобретенная таким образом...”

Представляется, что в поздней античности объем делегированной публичной власти магистратам-потестариям был в самой своей основе определен гораздо четче, чем в эпоху принципата. Несомненно, это было естественным следствием распространения Каракаллой в 212 г. римского гражданства на всех свободнорожденных в империи. Потестарии IV—VI вв. имели дело с гомогенным в правовом отношении населением, и им не нужно было часто запрашивать императора (как, например, Плиний Младший Траяна) о том, как поступить с теми или иными категориями провинциалов-неримлян. Все основные права, иммунитеты, привилегии, регулярно уточняемые в центре, по отношению к разным слоям *honestiores* и *humiliores* им “спускались сверху” (напр. CJ. I. 14, 12. 1: *leges interpretari solo dignum imperio oportet*).

Сохранялась в позднеантичный период и тенденция ограничения периода полномочий магистратов-потестариев определенными сроками. В этом плане важны наблюдения А. Джонса: “Должности, как правило, занимались только на короткий период. Префекты города Рима между восхождением на престол Диоклетиана и смертью Гонория в среднем приходились по одному на каждый год. Проконсулы Африки приходились в среднем по одному на каждый год. Наместники Египта между 328 и 373 гг. занимали должность менее, чем по два года каждый, и, если опустить один, чрезвычайный срок в семь лет, среднее число понизится до восемнадцати месяцев. Спустя век префекты-августалы Египта занимали должность примерно по году. На высших постах государства движение сперва было не столь быстрым. Только одиннадцать человек занимали префектуру претория Востока между 337 и 369 гг., в среднем по три года, но в пятом веке норма снизилась до восемнадцати месяцев. Сходны цифры и для префектов претория Италии. Военные посты в целом занимались на более долгие сроки. *Duces* Египта отправляли свое командование от трех до пяти лет, так же, как и *magistri militum*. Исключения из этого правила редки и обычно указывают на то, что министр или генерал, которого они коснулись, осуществляли особое политическое влияние... Фундаментальной причиной быстрой сменяемости на официальных постах, как кажется, было то, что они скорее рассматривались обладателями и императором как награды (*honores, dignitates*), нежели как административная служба (*administrationes*)”⁶¹. Целому ряду потестариев определялись магистратские инсигнии, изображения которых сохранились в *Notitia Dignitatum*, а высшим дигнитариям предостав-

⁶¹ Jones A. H. M. *The Decline of Ancient World*. L., 1966. P. 145—146.

лялись, как и при Республике, четко фиксированные аккламации (CTh. VI. 9. 2).

Правовые источники позволяют говорить не только о сохраняющемся магистратском начале характера полномочий позднеантичных потестариев, но и то, что в глазах современников их верхушка считалась знатью. Право высшего слоя дигнитариев на первоочередное получение консулата, т. е. основного критерия *nobilitas*, было закреплено законодательно: *Universa culmina dignitatum consulatui cedere evidenti auctoritate decernimus* (CTh. VI. 6. 1). К имперской же верхушке, к первому классу ранговой иерархии относились префекты претория, префекты Рима и Константинополя и магистры войск (CTh. VI. 7. 1). В V в. за префектами претория, префектами Константинополя, магистрами войск и магистрами официй закрепляется привилегия преимущественного получения патрициата (CJ. XII. 3. 3) — высшей ступени официальной позднеантичной знатности. В этом плане данные законодательства смыкаются со свидетельствами анонимного автора руководства по военному делу, современника Юстиниана. Описывая социальный строй первой половины VI в., он выделяет в особую группу архонтов, отделенных не только от подданных, но и от сената, духовенства, мелких чиновников. Архонты заняты лишь управлением государством (Anon. III. 1—15). Частью политики как сферы управления и науки об искусстве государственного управления является стратегика, обслуживаемая стратегами (Ibid. IV. 1—3), т. е. стратеги приравниваются тем самым к архонтам, служилой аристократии империи.

Суммируя отраженные правовыми источниками наиболее общие конституционные черты позднеантичной армейской верхушки, считаем технически вполне оправданным применение для нее термина “военная знать магистратского типа”. Анализ реального исторического содержания этого термина от зарождения до упадка и будет задачей нашего исследования. Представляется также возможным ставить знак равенства между терминами “военная знать” и “военная элита” применительно к позднеантичной эпохе. В свое время А. П. Каждан, анализируя понятие феодальной знати, предлагал разграничить три термина: господствующий класс (совокупность эксплуататоров), знать (правовая категория, с которой связаны различные привилегии), и элиту, “верхушечный слой знати”, обладающий «какой-то долей публичной власти. Эта привилегия может быть “уделена” (делегирована) или присвоена, но может выразиться и в прямом соучастии в государственной власти»⁶². В изве-

⁶² Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 10—11.

стной мере общие принципы этой категориальной схемы можно проецировать и на позднеантичное общество, в котором была и своя знать, и своя элита. К первой относились, конечно же, различные социальные слои *honestiores*, привилегии которых были законодательно закреплены. Из *honestiores* же в основном формировались и разные уровни элиты — от провинциальной до имперской. При этом доступ в *honestiores* не был наглухо закрыт для представителей низших социальных слоев и разрешался даже детям либертинов (СЖ. XII. 1. 9), хотя, с другой стороны, целому ряду плебейских профессионально-корпоративных категорий было запрещено выслуживаться до любого ранга (СЖ. XII. 1. 6). К рангу имперской элиты безусловно должны быть отнесены магистры войск как носители делегированной им доли публичной власти и как входящие в консисторий прямые соучастники государственной власти. Вопрос лишь в том, были ли они исполнителями в своей, военной, сфере управления или навязывали свою волю императору при принятии тех политических решений, которые прямо к их компетенции не относились. Доминировали они или нет в имперской элите и какие средства позволяли им делать это; стали ли они стабильным социальным слоем вследствие того, что поколение за поколением наследственно утвердили за собой свое функциональное положение в политической системе? Тем самым мы вновь возвращаемся к затронутым А. Демандтом характеристикам позднеантичной военной знати.

И последнее: считаем своим приятным долгом выразить благодарность администрации Немецкой Академической Службе Обмена, стипендиатом которой автор был в 1987— 1988 гг., за возможность работать в библиотеках западногерманских университетов, что существенно содействовало созданию книги. Мы благодарны за критику, советы и великодушную помощь с материалами, немаловажную для нас в условиях работы в провинциальном университете, зарубежным коллегам: Ю. Дайнингеру, Д. Хоффманну, П. Херрманну, А. Камбилису (Гамбург), Г. Вирту (Бонн), А. Демандту, М. Клауссу (Западный Берлин), Х. Хайнену (Трир), П. Кнайслу (Ольденбург), А. Липпольду (Регенсбург), Ф. Пашу (Женева), Ф. Тиннефельду (Мюнхен), Ф. Кольбу (Тюбинген). Наша особая благодарность Г. Л. Курбатову (Ленинград) и А. С. Козлову (Свердловск), чьи замечания как при прочтении отдельных разделов, так и рукописи в целом во многом содействовали улучшению монографии.

ГЕНЕЗИС ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ВОЕННОЙ ЗНАТИ

Зарождение и оформление военной знати позднеантичного типа — результат длительного процесса трансформации армейских командных институтов эпохи принципата в течение кризиса III в., первой и второй тетрархии, реформ Константина I. Необходимость структурной ломки прежних институтов командования неоднократно выявлялась уже в ходе крупных кампаний I и II вв., демонстрировавших серьезное противоречие между потребностями новой постоянной армии, созданной реформами Августа, в офицерах-профессионалах высшего звена и установками принципата на превращение командования легионами в ступень сословно зарезервированного за сенаторами *cursus honorum*. В этом смысле реформы Августа остались незавершенными, а военная организация принципата в установленной им форме нормально функционировала лишь в мирные периоды. Сложившийся еще в период кризиса Республики персональный характер связи императора с армией в эпоху ранней Империи, исключал формирование устойчивых групп высшего профессионального офицерства. Императоры опасались мятежей не только со стороны легатов легионов, но даже (как показал пример Германика) со стороны своих родственников. Однако принципат довольно рано нашел средства, при помощи которых ему удалось снимать противоречия между потребностями профессионального военно-стратегического руководства, страхом перед возможной узурпацией со стороны удачливых полководцев знатного происхождения и необходимостью поддержания политического диалога с сенаторской аристократией. Провозгласив себя “восстановленной республикой”, принципат уже при Августе пошел по пути создания имперской служилой аристократии, включая в нее всадничество и старую сенаторскую знать. Хотя всадничество, как показали новые исследования, не противопоставлялось в рамках служилой знати старой сенаторской аристократии¹, уже начиная с Августа и вплоть до конца северовской династии сложилась практика, согласно которой наиболее крупные

¹ Brunt P. A. *Princes and Equites* // JRS. 1983. V. 73. B. 65; Alföldy G. *Die Stellung der Ritter in der Führungsschicht des Imperium Romanum* // Chiron. 1981. Bd. XI. S. 167; 175—176.

провинциальные легатства предоставлялись членам senatorского сословия. Несмотря на то, что в мотивах, стимулирующих службу senatorов принцепсу и империи, остается еще немало неясного ², очевиден тем не менее факт стремления ноблированной знати к формально республиканским почестям, которые принципат обусловил уже имперским по сути *cursus honorum*.

Частью senatorских карьер уже при Августе стали и старшие офицерские, немагистратские по характеру, должности в легионах — *tribunus laticlavus* и *legatus Augusti legionis*. Пребывание на этих должностях было кратковременным: молодые senatorы как бы проходили военную стажировку, приобретая опыт и своего рода служебный ценз для продолжения *cursus honorum*, состоящего из чередовавшихся армейских должностей и гражданских магистратур. Это было необходимо и потому, что провинциальные легаты одновременно являлись командующими расквартированными на территориях подведомственных им провинций легионов. Легаты преторских провинций, в которых дислоцировался один легион, автоматически совмещали должность легата легиона; в провинциях консульского ранга с двумя и более (но до пяти) легионами наместники осуществляли уже общее руководство войсками, легаты же легионов считались их заместителями и подчиненными ³. Политическая значимость провинциальных наместничеств прямо зависела от количества легионов и, соответственно, стратегической ситуации в регионе, что, с одной стороны, превращало двух- и трехлегионные провинции в венец senatorской магистратской карьеры, с другой — именно после такого легатства чаще всего предоставлялась одна из высших античных почестей — триумф. Подмечено, что “в сорока двух засвидетельствованных награждениях триумфальными почестями senatorам за военные достижения от Августа до Адриана двенадцать были предоставлены людям старых знатных фамилий; главным образом в течение первых пятидесяти лет периода” ⁴. Эта пропорция отражает с одной стороны, довольно тесное партнерство между принципатом и ноблированной аристократией при Юлиях Клавдиях, с другой — фиксирует процесс активного проникновения на должности senatorских карьер представителе новой знати, многие из которых влились в ее ряды через

² Dahlheim W. *Geschichte der Römischen Kaiserzeit*. München, 1984. 32—48; Campbell J. B. *The Emperor and the Roman Army 31 BC—AD 235* Oxford, 1984. P. 324—365.

³ Domaszewski A. von. *Die Rangordnung des römischen Heeres*. Bonn, 1908. S. 172—175.

⁴ Campbell J. B. *Op. cit.* P. 320.

военную службу. Последнее относится и к всадничеству⁵ и к *homines novi*, число которых как среди офицерства, так и среди новой знати заметно возросло, начиная с Флавиев. Военная служба стала для этих двух категорий также средством обретения консулата, который, как правило, предоставлялся уже легатам-преториям, т.е. наиболее способным офицерам, в том числе и невысокого социального происхождения (например, Гельвий Пертинакс⁶, Авидий Кассий), при ее помощи достигали статуса знатности. Однако в I—II вв. устойчивые династии высших офицеров не складывались: если сыновья военачальников, сумевших из простых солдат и центурионов подняться до senatorского достоинства, еще пытались сделать карьеру в армии, то их внуки, как правило, избегали военной службы⁷. Правительство, имея вполне профессиональный корпус офицеров в лице центурионов, примпилов и офицеров всаднического *cursus honorum*, обладало полудилетантской армейской верхушкой⁸.

Отчасти это противоречие в ходе крупных кампаний снималось с помощью института *amici et comites Augusti*, избиравшихся императорами из числа наиболее опытных администраторов и военных. Количество их, и особенно военных среди них, не было постоянным, но определялось характером и целями путешествий и походов императоров. Если при Юлиях-Клавдиях сенаторов внутри *comites* стремились как-то обособить от лиц другого происхождения (Suet. Tib.46: разделение *comites* на три класса *pro dignitate* с соответствующей разницей в оплате), то, начиная с Флавиев, *comites* становятся однородной в правовом отношении группой советников и сподвижников принцепса. Резкое увеличение опытных военных среди *comites* приходится на правление Марка Аврелия в связи с Маркоманнскими войнами и столкновением с Парфией⁹. По инерции исполъ-

⁵ Birley E. *The Equestrian Officers of the Roman Army* // Birley E. *Roman Britain and the Roman Army*. Kendal, 1953. P. 133—153.

⁶ Подробнее см.: Lippold A. *Zur Laufbahn des P. Helvius Pertinax* // ВНАС 1979/1981. Bonn, 1983. S. 173—191.

⁷ Alföldy G. *Die Generalität des römischen Heeres* // ВJ. 1969. Bd. 169. S. 240.

⁸ См. наблюдение об одной из причин длительного консерватизма этого явления у Malcus B. *Notes sûr la révolution du système administratif romain au IIIe siècle* // OR. 1969. V. 7. P. 234: “Даже человек, который обладал достаточно скудными военными знаниями, мог играть роль командира легиона, или наместника провинции, поскольку войска контролировались центурионами, заботливо сформированными по принципам старой римской школы, которая подчеркивала разницу между плебсом и знатью: центурион был доверенным человеком, взятым среди солдат; он, как хороший клиент, был обязан помогать своему командиру”.

⁹ См. перечень известных *comites Augusti* у Nalfmann H. *Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich*. Stuttgart, 1986. S. 244—253; о природе явления см.: Millar F. *The Emperor in the Roman World*. Ithaca, New York, 1977. P. 110—122; Brunt P. A. *The Emperor’s Choice of Amici* // *Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte, Festschrift für Karl Christ zum 65. Geburtstag*. Darmstadt, 1988. P. 39—56.

зование комитов в качестве паллиативного средства военной политики продолжалось и при Северах, хотя количество их и сократилось. Реформы Септимия Севера, резко повысившие шансы центурионата на продвижение по службе и увеличившие число всаднических *praefecti legiones*, тем не менее существенно не изменили принципы комплектования высшего военностратегического руководства. С одной стороны, *adlectio* всадничества, ставшее при Северах обычной практикой, довольно четко обозначило в сенате начала III в. *viri docti, litterati, φρονιμώτατοι* и *viri milites, στρατηγικώτατοι*, причем это членение сенаторов, карьеры которых больше были связаны или со службой гражданской в Италии или с военной службой в провинциях, соответствовало разнице в их социальном происхождении: *nobiles-homo novus*. С другой, просопографическое изучение северовского сената показало, что структура senatorского *cursus honorum* — чередование военных и гражданских должностей — осталась в основе нетронутой и потому “отчетливо выраженный тип военного в III в. должен был, как правило, рассчитываться на большее количество преторских легаций, чем раньше, поскольку имевшийся в наличии у императоров резерв способных и готовых к солдатскому ремеслу сенаторов стал заметно меньше”¹⁰.

В какой-то мере это обстоятельство в условиях периодического возникновения сразу нескольких фронтов подталкивало к частичным административным экспериментам, выливающимся в появление временных экстраординарных структур власти в провинциях. Принцепсы доверяли командование в комплексе провинций в первую очередь своим родственникам, либо лично возглавляли крупные экспедиции, опасаясь узурпации даже с их стороны. Усиливающаяся со второй половины II в. внешнеполитическая нестабильность вызывала повышенное беспокойство провинциального населения, требовавшего к себе большего внимания и новых мер обеспечения безопасности со стороны центрального правительства. Пропагандируемая принципатом, особенно во II в., забота о провинциях и персональный характер связи императоров и провинциалов породили особый социально-психологический феномен — стремление провинциального населения добиться возможно более постоянного присутствия в их регионах носителей императорской власти и инсигний, поскольку в этом оно ус-

¹⁰ Dietz K. *Senatus contra principem. Untersuchungen zur senatorischen Opposition gegen Kaiser Maximinus Trax*. München, 1980. S. 279.

матривало шанс выжить в условиях внешней угрозы¹¹. При возникновении или опасности возникновения нескольких фронтов все эти факторы вызывали к жизни императорскую коллегию, в которой изначально складывалась внутренняя иерархия, либо находившая выражение соподчинения в титулатуре (август-цезарь), либо маскировавшая отношения старшинства одинаковыми рангами¹². Уже первый пример такого рода (август Веспасиан — цезарь Тит; коллегию Гальбы — Пизона не учитываем, т.к. она просуществовала лишь четыре дня) отчетливо продемонстрировал переплетающуюся с династийными факторами военно-политическую необходимость ее возникновения. Провозгласив в конце 69 г. Тита цезарем, Веспасиан, сам выступив против Вителлия, оставил сына во главе войска, т.е. фактически с проконсульским империем, для завершения осады Иерусалима (Dio Cass. 66. 1. 1; Tac. Hist. II. 79; Suet. Tit. 6. 1: *particeps et tutor imperii*). Марк Аврелий избрал соправителем в 161 г. Луция Вера, “более пригодного для воинских дел”, женил на своей дочери и отправил воевать с парфянами (Dio Cass. 71. 1. 3); иными словами, Вер в ранге августа получил *imperium maius* над восточными провинциями империи. В этой модели были соблюдены все необходимые условия и для успокоения провинциалов, и для обеспечения лояльности экстраординарного командования: член императорской коллегии, имевший резиденцию в Антиохии (Dio Cass. 71. 2. 2), управлял Востоком и вел войну через своих комитов и легатов (SHA, Verus 7. 9). Однако вскоре после окончания войны и смерти Вера Марк Аврелий попытался ввести новый элемент в эту структуру власти, предоставив высший империй на Востоке лицу, не обладающему рангом ни августа, ни цезаря. Авидий Кассий, получивший полномочия Вера (Dio Cass. 71. 3. 1: τῆς Ἀσίας ἀλάσης ἐπιτρολεῦειν), был известен провинциалам как талантливый полководец и фактический командующий в парфянской войне 162—166 гг. (Ibid. 71. 2. 2). С достаточным основанием считают, что назначение Авидия Кассия *imperium maius* было мотивировано предполагаемым новым парфянским вторжением¹³. На вопрос, удался ли эксперимент Марка Аврелия по созданию экстраординарной военной

¹¹ Подробнее историографию проблемы см.: Hartmann F. *Herrscherwechsel und Reichskrise. Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit* (3. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt/Main, Bern, 1982. S. 140—142.

¹² Подробнее о примерах типа Марк Аврелий—Луций Вер см.: Pabst A. *Divisio regni. Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen* Bonn, 1986. S. 59—66.

¹³ Spieß B. J. *Avidius Cassius und der Aufstand des Jahres 175*. München, 1975. S. 28.

структуры в обоих ее вариантах — при замещении ее императором и провинциальным легатом, — думается, следует ответить положительно. В случае с Луцием Вером, помимо умиротворения провинциального населения, было быстро обеспечено оперативное руководство войсками целого региона, не запрашивая всякий раз разрешения Рима на каждую отдельную военную акцию. Эффективным и надежным оказался также опыт управления войсками Востока администратором, не связанным фамильными узами с правящим домом. Официальный статус Авидия Кассия был противоречив: будучи только легатом Сирии, он одновременно стал командующим, кроме сирийских, легионами других восточных провинций, т.е. фактически речь идет при том, что прочие легаты сохраняли свои функции гражданского управления, о разделении военной и гражданской власти на уровне целого региона. До известной степени это неизбежное противопоставление разных наместников явилось гарантией против узурпации. В самом деле, Авидий Кассий довольно долго сохранял лояльность (166—175 гг.) и на узурпацию в 175 г. его толкнуло прямое предложение Фаустины, жены Марка Аврелия, принять на себя власть ввиду того, что император тяжело болен и вскоре умрет (Dio Cass. 72. 22. 3). Сама узурпация была негативно воспринята на Востоке и среди легионов, и среди гражданского населения уже потому, что ни в центре, ни в провинциях не возник кризис власти. Именно ввиду узурпации Авидия Кассия, какой бы характер она ни носила, будущие императоры стремились избегать возрождения экстраординарных командований на Востоке.

Однако значение эксперимента¹⁴ для последующих и политико-административных мер правительства при складывании чрезвычайных военных ситуаций, и для самостоятельных поисков решения той же проблемы в провинциях было огромным. В известной мере, оба варианта административного эксперимента Марка Аврелия, активно использовавшиеся в конце II и в III вв., были прямыми прецедентами будущих моделей государственного и военного строя Поздней империи, существовавших либо в чистом, либо в смешанном виде. Наиболее законченным воплощением варианта Марк Аврелий-Луций Вер стала тетрархия; полномочия Авидия Кассия во многом напоминают будущие региональные магистерии поздней античности.

¹⁴ См. любопытное замечание И. Штрауба: “Эксперимент и импровизация играют в истории римской политики, в развитии институтов достойную внимания роль”. — Straub J. *Dignatio Caesaris // Sträub J. Regeneratio Imperii. Aufsätze über Roms Kaisertum und Reich im Spiegel der heidnischen und christlichen Publizistik.* Darmstadt, 1972. S. 54.

Практиковалась и такая форма экстраординарного командования, как направление префектов претория, которым фактически делегировался *imperium maius*, для решения крупной военной задачи, после чего они, как правило, возвращались в столицу. В этом собственно и состоит отличие от долговременных чрезвычайных полномочий (можно сказать, долгосрочной многофункциональной охраны целого региона), которыми обладал Авидий Кассий. В качестве одного из ранних примеров такого рода можно сослаться на миссию префекта претория Перенна при Коммодe во время войны в Британии (SHA. Comm. 6. 2).

Чрезвычайные командные посты периодически возникали во II в. в процессе временного складывания экспедиционных корпусов, состоявших из легионных вексилляций. Командующие этими корпусами обозначались как *duces*¹⁵ и фактически не были связаны ни с какими гражданскими структурами власти, подчиняясь только императору. Начиная с Северов, практика использования вексилляций учащается; в III в. военная необходимость приводила к тому, что вексилляции не успевали возвращаться в свои легионы, постепенно превращаясь в самостоятельные армейские единицы¹⁶. Соответственно экстраординарные должности командующих экспедиционными войсками постепенно становятся административной нормой. Этот процесс был характерен не только для формирующихся мобильных сил нового типа, но и для войск пограничья. В наиболее угрожаемых секторах границы правительство пошло на создание независимых от легатов провинций армейских подразделений и, соответственно, офицерства (также в ранге *duces*), как это было в Келесирии уже при Северах¹⁷. Таким образом, к началу III в. система чрезвычайных военных должностей, сглаживавшая недостатки полудилетантского армейского руководства империи путем привлечения наиболее опытных офицеров всаднического и более низкого социального происхождения, зарекомендовала себя в качестве довольно эффективного инструмента военной политики, что приводило к постепенной институтизации ее отдельных элементов. Септимий Север, например, распространил египетскую модель легионного командования, всадническую *praefectura legionis*, на ряд новообразованных

¹⁵ Примеры см.: Domaszewski A. von. Op. cit. S. 182—185; Saxer R. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian. Köln, Graz, 1967. S. 122—124.

¹⁶ Подробнее см.: Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. N 2. С. 57—58.

¹⁷ Pflaum H. G. Zur Reform des Kaisers Gallienus // Historia. 1976. Bd. 25. S. 113.

легионов¹⁸. Однако политический кризис, разразившийся после 235 г., фактически прервал процесс институтизации экстраординарных высших военных должностей при том, что практика их применения резко участилась и была распространена на большинство провинций. Затяжной характер кризиса вел к серьезной трансформации всей военной организации и в том числе ее высшего эшелона. Процесс “административной революции”, довольно скоро приведший к доминированию экстраординарных над конституционными командными институтами принципата, подстегивался взаимопереплетающимися реформационными мерами центрального правительства и спонтанными действиями провинциального населения и легионов, что соответствовало структуре политического кризиса 235—284 гг.

Солдатский мятеж против Александра Севера, как считают, явился отражением недовольства населения Иллирика тем, что центральное правительство не смогло обеспечить его безопасность от варварских вторжений. Исследование экономики и социальной структуры дунайских провинций выявило тесную взаимозависимость интересов мелкого иллирийского крестьянства и армии, в массе своей рекрутировавшейся из местного населения. Мир в регионе означал гарантированное развитие и аграрной экономики, и неземледельческих промыслов приграничных районов¹⁹. Общность интересов легионов и населения по необходимости гарантий безопасности их имуществ превратила армию Иллирика в серьезный фактор политической жизни империи. Так, в течение уже первой войны с Сасанидами переброшенные на Восток иллирийские легионы, узнав о том, что германцы в их отсутствие грабят дунайские провинции, потребовали от императора немедленного возвращения к местам их постоянного квартирования (Herod. VI. 4. 3; 7. 2). Раздраженные неэффективностью действий Александра Севера против германцев (Ibid. VI. 7. 9) солдаты выдвинули своего императора, чем был дан толчок длинной цепи локальных узурпаций, инспирируемых в известной мере также, по выражению А. Мочи, “регионально сгруппированной иллирийской военной хунтой”²⁰. Центральное правительство, овладев ситуацией после устранения Максимиана Фракийца, приблизительно до 244²¹

¹⁸ Lopuszanski G. La transformation du corps des officiers supérieurs dans l'armée romaine du I-er au III-e siècle après J. -C. // MEFR. 1938. V. 55, P. 158—165; Enßlin W. Praefectus // RE. 1954, Bd. 22. Sp. 1323.

¹⁹ Móscy A. Pannonia und Upper Moesia. London, 1974. P. 242.

²⁰ Móscy A. Pannonien und die Soldatenkaiser // ANRW, T. 2. Bd. 6. S. 569.

²¹ Fitz J. Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhunderts // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Köln, Graz, 1967. S. 115.

или 248 г.²² старалось обойтись без каких-либо заметных новшеств в военно-административном устройстве Иллирика, однако около указанного времени под давлением обстоятельств было вынуждено пойти на чрезвычайную и политически опасную меру: объединить ряд балканских провинций (обе Мезии, обе Паннонии, Дакию) в один оборонный комплекс, *ducatum*, с подчинением всех войск на их территории одному командующему. Отличие от прежних экстраординарных командований в этом регионе (Кв. Марций Турбон в 118 г. — SHA. *Hadr.* 6. 8; М. Клавдий Фронтон в 168—170 гг.) состояло не только в больших географических размерах, но и в длительном, настойчиво повторяющемся их употреблении. Но институтизация их не состоялась потому, что почти каждое такое командование завершалось уzurпацией.

Аналогичные процессы параллельно протекали на Востоке и в Галлии. Фактическим командующим в персидской кампании при Гордиане III был его тесть Тимезитей, обладавший довольно обширными полномочиями (SHA. *Gord.* 23—28). Филипп Араб в 244 г., возвращаясь в Рим, назначил своего брата Приска (*Zos.* I. 19. 2) *rector Orientis* (ILS. 8847; 9005), т.е. Восток был также превращен в оборонный комплекс. Примечательно, что и на Востоке предоставление империя не связывалось в первой половине III в. с наделением его носителя императорским титулом, очевидно, из опасения неизбежной, даже по принуждению со стороны провинциального населения, узурпации. Однако надежды провинциалов на харизму своих императоров и на Дунае, и на Востоке вели к повторяющимся новым провозглашениям и, соответственно, к гражданским войнам (*Zos.* I. 20—28)²³.

Оборонным комплексом стали и рейнские провинции. Постум при Валериане назван *Transrenani limitis ducem et Galliae praesidem* (SHA. *Trig. tyr.* 3. 9; *Aur. Vict. De Caes.* 33. 7; *Zos.* I. 38. 2: ἀρχὴν ἐν Κελτοῖς στρατιωτῶν ἐμπληροτευμένως). Учитывая известную некорректность терминологии SHA, полагают, что более точно полномочия Постума следует определить как *praeses Germaniae inferioris et dux vexillationum*²⁴.

Этот порочный круг (невозможность эффективной обороны региона без соединения всех его войск, что в условиях политической нестабильности вело к провозглашению их

²² Móscy A. Pannonien... S. 563.

²³ Исправленные списки и хронологию императоров и узурпаторов 235—284 гг. см.: Hartmann F. *Op. cit.* S. 64—66; Kienast D. *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie.* Darmstadt, 1990. S. 183—259.

²⁴ König J. *Die gallische Usurpatoren von Postumus bis Tetricus.* München, 1981. S. 53.

командующего императором) попытался разорвать Валериан, сделав Галлиена в 253 г. цезарем, а в 254 г., отправившись на Восток, оставил в ранге августа Галлиена управлять западными провинциями. Галлиен фактически сразу возглавил лично походы против варваров на рейнской границе, не передоверив войска и оборону региона в целом своим офицерам ²⁵. Одновременно продолжился процесс распределения императорской власти между ближайшими родственниками правящей фамилии, главным образом, с целью приближения императорской харизмы к политически нестабильным регионам. Валериана-младшего Галлиен провозгласил *Nobilissimus Caesar*, определив ему резиденцию в Сирмии; Салонина в том же ранге он отправил на рейнскую границу. Заметным новым явлением в военно-административной модели широкого использования цезарата стало назначение в качестве наставников к цезарям опытных офицеров и администраторов. Валериану-младшему был придан в качестве *tutor* наместник Панноний (SHA. Trig. tyr. 9. 1) Ингенуй ²⁶; Салонину, согласно SHA, — Постум (SHA. Trig. tyr. 3. 1), а по Зосиму (I. 38. 3), некий Сильван, в котором видят префекта претория с чисто гражданскими полномочиями, либо наделенного функциями особого командования ²⁷. В назначении *tutores* цезарям Галлиена состоит одно из отличий императорской коллегии Лициниев от диоклетиановой тетрархии. Другим отличием является, очевидно, сознательный отказ от политической адаптации, хотя случаев применить этот принцип как одно из средств стабилизации обстановки в провинциях было предостаточно. После смерти Валериана-младшего и Салонина Галлиен уже не пытался восстановить императорскую коллегию, что подтверждается его отношением к Оденату. Согласно греческой традиции, Галлиен приказал выступить на помощь (βοηθεῖν) правителю Пальмиры (Zos. I. 39. 1), назначив его στρατηγός λάσης ἀνατολής (Zon. 12. 24). Титулатуру Одената в знаменитой пальмирской билингве переводят как *corrector* (PLRE. I. 638—639) или *restitutor totius Orientis* ²⁸. Императором, Оденат после того, как он дважды победил персов, провозгласил себя сам ²⁹. 36

²⁵ Подробнее см.: Blois L. de. *The Policy of the Emperor Gallienus*. Leiden 1976. P. 1—24; Drinkwater J. F. *The Gallic Empire. Separatism and Continuity in the North-Western Provinces of the Roman Empire A. D. 260—274*. Stuttgart, 1987. P. 21—25.

²⁶ Fitz J. *Ingenuus et Régalien*. Bruxelles, 1965. P. 28—29.

²⁷ König J. *Op. cit.* S. 47; Howe L. L. *The Pretorian Prefect from Commodus to Diocletian (A. D. 180—305)*. Chicago, 1942, P. 81. N. 50.

²⁸ Подробнее см.: Шифман И. III. Сирийское общество эпохи принципата (I—III вв. н.э.) М., 1977. С. 289; Kienast D. *Römische Kaisertabelle...* S. 236—237.

²⁹ В SHA, наряду с враждебной Галлиену версией, приписывающей ему сознательное предоставление императорского титула Оденату и отсутствующей в других источниках, есть данные и об узурпации Одената. Галлиен провозглашает Одената: *Odenatum participare imperio Augustum vocavit* (Gall. 12. 1). Оденат присваивает себе императорское достоинство: *cum Odenatus iam orientis cepisset imperium* (Gall. 1. 1); *Odenatus... optinuit totius orientis Imperium* (Gall. 10. 1); (Ирод) *cum patre imperator est appellatus* (Trig. tyr. 15.

После смерти цезарей Галлиен ставку в урегулировании политических проблем сделал, главным образом, на военную силу. Процесс оформления походных сил империи вступил при нем в новую, решающую фазу. Вексилляции легионной пехоты фактически превращаются в независимые структуры, во главе которых были лица по преимуществу несенаторского происхождения, поскольку командование отдельными вексилляциями издавна было частью всаднического *cursus honorum*. Командирами легионов, после оттягивания из них вексилляций, постепенно становятся префекты из всадников. В этой связи, учитывая, что *comitatus* Галлиена состоял, главным образом, из вексилляций и *auxilia*³⁰, вряд ли можно говорить о решительном отстранении сенаторов от военной службы, что по Аврелию Виктору (*De caes.* 33. 34), было якобы сутью “эдикта Галлиена”³¹. В какой-то мере ускоренному процессу исчезновения сенаторов с командных постов армии содействовало и то обстоятельство, что Галлиен со своими экспедиционными войсками оперировал в основном на дунайском фронте: в силу военной и политической необходимости император был вынужден иметь дело с иллирийскими офицерами, многие из которых были низкого социального происхождения³². Обладая боевым опытом, они в обстановке нескольких фронтов делали головокружительные карьеры, как, например, Маркиан: протектор-трибун преторианцев-дукс-стратилат (*AE.* 1965. 114), или Волузиан,

5); *cum patre accepit imperium* (*Trig. tyr.* 16. 1). Оправдание узурпации Одената: *Nisi Odenatus...fessis Romanae rei p. viribus sumpsisset imperium* (*Trig. tyr.* 15. 1), а также *Gall. 3. 1—3*. Представляется возможным также в *latrones* у Аврелия Виктора (*De caes.: Orienti latrones seu mulier dominaretur*) видеть Одената с сыном, узурпировавших власть. О примерах употреблений *latro* в качестве синонима “узурпатор” авторами IV в. см.: *Q. Aurelii Symmachi v. c. Laudatio in Valentinianum Seniore* Augustum prior / *Introduzione, commento e traduzione a cura di F. del Chicca.* Roma, 1984. P. 203.

³⁰ Alföldi M. R. *Zu den Militärreformen des Kaisers Gallienus // Limes-Studien. Vorträge des 3. Internationalen Limes-Kongresses in Rheinfelden 1957.* Basel, 1959. S. 13—18.

³¹ Литература об “эдикте Галлиена” значительна. См. важнейшие: Blois L. de. *The Policy of the Emperor Gallienus...* P. 37—44; Porrà F. *L'editto di Gallieno e la divisione dei poteri nelle province imperiali // CS.* 1977. V. 14. P. 1—10; Arnheim M.T.W. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire.* Oxford, 1972. P. 35—37; Osier J. *The Emergence of Third-Century Equestrian Military Commanders // Latomus.* 1977. V. 36. P. 674—687.

³² Просопографические данные показывают, что в сенате эпохи Северов дунайские сенаторы составляли лишь 1,66 % — Dietz K. *Op. cit.* S. 271.

выслужившийся из центурионов до поста префекта претория и ставший ординарным консулом (ILS, 1332). Появление военных карьер нового типа, в свою очередь, обуславливалось и ускорялось периодическим возникновением дукатов и исчезновением должностей легатов легионов³³. Для предотвращения локальных узурпаций Галлиен пытался усилить персональную связь с иллирийским офицерством и своими походными войсками. С этой целью он гораздо шире, чем его предшественники³⁴, использовал институт *protectores Augusti*³⁵. Протекторат при Галлиене, как справедливо считают, стал своего рода необходимым условием для дальнейшей успешной карьеры, как военной, так и гражданской³⁶. И, наконец, в результате т.н. кавалерийской реформы Галлиена, сущность которой состояла в стягивании различных конных подразделений и организационном вычленении их в специальное крупное формирование походной армии³⁷, император не только получил эффективный военный инструмент, но и создал новые командные структуры, и в том числе командующего кавалерией, предшественника позднеантичного *magister equitum* (Zos. I. 52, 3; I. 40, 1; SHA. Gall. 14. 4; Aurel. 18, 1).

К концу правления Галлиена в результате ломки традиционных военных структур в дунайских провинциях сконцентрировались не только лучшие экспедиционные силы, фактически уже нового типа, но и основная масса опытного офицерства империи. Длительное присутствие энергичного Галлиена в Иллирике и его меры по обеспечению лояльности иллирийских военных имели серьезные последствия. Император не просто сплотил вокруг себя талантливых полководцев и открыл любому простому солдату и центуриону перспективу достижения социальных высот путем приобретения личного протектората, он произвел, вольно или невольно, перелом в настроениях иллирийского офицерства. Созная свою военную мощь и возможность на этой основе превращения в имперскую верхушку, они унаследовали от Галлиена универсалистскую идею. Примечательно, что, принявшись за дело восстановления *Imperium Romanum*, первые иллирийские императоры и не пытались

³³ Fitz J. *Legati legionum Pannoniae Superioris* // AAASH. 1961. V. 9. P. 159 f.

³⁴ Speidel M. *Guards of the Roman Armies. An Essay on the Singulares of the Provinces.* Bonn, 1978. P. 131—133.

³⁵ Современные представления о протекторате см.: Blois L. de. *Op. cit.* P. 44—47; Christol M. *La carrière de Traianus Muvianus et l'origine des protectores* // Chiron. 1977, Bd. 7. P. 393—408.

³⁶ Blois L. de. *The Policy...* P. 45—47.

³⁷ Speidel M. *Stablesiani* // Chiron. 1974. Bd. 4. P. 533—535; Simon H. G. *We Reform der Reiterei unter Kaiser Gallien* // *Studien zur antiken Sozialgeschichte. Festschrift für F. Vittinghoff.* Köln, Wien, 1980. S. 435—452.

изменить что-либо в той административной модели, которую Галлиен использовал в 260—268 гг.. Ни Клавдий Готский, ни Аврелиан, ни Проб не назначили себе цезарей, хотя узурпации имели место при каждом правлении³⁸. Любопытна и такая деталь: все эти императоры до своего провозглашения были командующими кавалерийской армией³⁹; престолонаследие по этому критерию выдерживалось до 282 г.. Все эти факты в известной мере позволяют говорить, что в последние годы правления Галлиена и при первых иллирийских императорах сложилась особая властная группа из высших офицеров иллирийского происхождения. Практически эту сравнительно небольшую группу служивших параллельно друг с другом и хорошо знакомых между собой офицеров можно считать исторически первым типом военной знати поздней античности. Их социальный “аристократизм” основывался как на безраздельном расположении ими императорской властью (Aur. Vict. De caes. 37. 5: “с этого времени утвердилось военное господство, а у сената был вырван империй и право провозглашения принцепса”), так и на том, что кадры высшей и военной, и гражданской администрации (их аналоги I—II вв. соответствовали лишь высшим ступеням сенаторских карьер) поставлялись из их среды, или, во всяком случае, с их одобрения. Особенно отчетливо это видно на примере восточных провинций. В 272 г. Аврелиан сделал *praefectus Mesopotamiae rectorque Orientis* некоего Марцеллиана (PLRE. I. 544), очевидно, одного из своих офицеров, участвовавших в походе против Пальмиры. Сирмиец Проб (родственник Клавдия Готского? — SHA. Prob. 3. 3—4), участвовавший в восточной кампании Аврелиана, полномочия *dux totius Orientis* получил, вероятно, от Аврелиана в 275 г., когда Марцеллин стал консулом; Тацит же только подтвердил это назначение (SHA. Prob. 7. 4). Проб, став императором, передал этот пост Сатурнину (PLRE. I. 370; 808), своему ближайшему соратнику (Zos. I. 66. 1: ἐπιτίθειος).

Исчезновение (или, точнее, истребление) этой группы военной знати было столь же стремительным, как и ее подъем. Удержать власть над воссоединенной империей, опираясь только на личную популярность в армии при отсутствии каких-либо защитных механизмов от узурпации, оказалось невозможно. В 282 г. опытный в делах гражданского управления Кар (SHA. Car. 5. 4) вновь возвращается к применению цезарата. Его сыновья провозглашаются цезарями; Карин был отправлен в Галлию, Ну-

³⁸ Hartmann F. Op. cit. S. 66.

³⁹ Клавдий — Zon. XII. 26; Аврелиан — SHA. Aurel. 18. 1; Проб — Aur. Vict. Epit. 36.

мериан вместе с отцом принял участие в персидском походе (Aur. Vict. De caes. 38. 1—2). Кар, иными словами, вернулся к модели цезарей Галлиена, видя бесплодность иллирийцев удержать власть только военной силой.

Со всем этим сложным политическим и военно-административным наследием кризиса III в. пришлось иметь дело Диоклетиану. Сложная конструкция первой тетрархии породила противоречивые оценки ее в литературе, чаще сдержанного и негативного характера. Недавно Ф. Кольб скрупулезно проанализировав строй власти тетрархии, пришел к выводу, что она была детально продуманным экспериментом в организации монархии. Тетрархия, по его мнению, явилась первым в римской истории случаем подлинной адоптивации, поскольку привлечение в императорскую коллегию наиболее способных людей осуществлялось путем сознательного исключения из престолонаследия ближайших родственников (например, Максенция, сына Максимиана, и Константина, сына Констанция Хлора). Диоклетиан, избравший с первых же месяцев правления модель *Augusti fratres*, сделал цезарей не просто *apparitores*, как полагал Аммиан (14, 11, 10), но подлинными младшими соправителями. Устойчивость системе придавала точно определенный (10 лет) срок правления Галерия и Констанция в качестве цезарей, после чего они получали августат. Будущие преемники должны были быть адоптивированы из числа наиболее талантливых офицеров: по одному в каждую из правящих фамилий — Иовиев и Геркулиев. Тетрархия, резюмирует Кольб, “была, с одной стороны, смесью из политического опыта и дальновидности, с другой — тенденции к систематизации”⁴⁰.

На нашем материале, добавили бы мы, конституционный эксперимент Диоклетиана был также и попыткой учесть все сложившиеся в течение III в. реалии, соединить их воедино. Видимо, сведение успеха первой тетрархии как устойчивой системы власти к тому, хотя и чрезвычайно важному, обстоятельству, что “в качестве политической концепции предписывалось длительное присутствие представителей императорского дома в особенно угрожаемых регионах”⁴¹, не совсем точно. В период формирования тетрархии иллирийская военщина была достаточно серьезным политическим фактором для того, чтобы ее можно было игнорировать. Конструкция политической адоптивации гарантией императорской власти через службу абсорбировала честолюбие наиболее опытных и популярных в армии

⁴⁰ Kolb F. *Diocletian und die Erste Tetrarchie. Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft?* Berlin, New York, 1987. S. 178.

⁴¹ Hartmann F. *Op. cit.* S. 195.

иллирийских офицеров; не случайно и первая, и вторая тетрархия включала в себя только иллирийских военных (Aur. Vict. De caes. 39. 26). Каждый август и цезарь имел собственный *comitatus* (Lact. De mort. 7. 4), обладал на него влиянием в силу персональной связи и обеспечивал его лояльность по отношению ко всей императорской коллегии. Впервые после долгого периода гражданских войн экспедиционные силы империи удалось объединить общей идеей и тем самым снизить уровень зависимости власти от армии. Не случайно в этой связи, что все немногочисленные узурпации эпохи первой тетрархии не поддерживались походными войсками. Не говоря уже о багаудских вождях Элиане и Аманде, о мятежах Ахилла в Александрии и Юлиана в Африке⁴², даже Караузий узурпировал власть, опираясь на флот (Aur. Vict. De caes. 39. 20; Eutrop. IX. 21).

Своеобразие государственности первой тетрархии породило специфический тип военной знати. К ней, безусловно, относились цезари, назначение которых обуславливалось как прямой военной необходимостью, так и расчетом на долгосрочную стратегическую программу⁴³. Впервые на долгую перспективу политической концепцией Диоклетиана намечалось регулярное использование цезарей как младших соправителей в императорской коллегии⁴⁴, т. е. они фактически вводились в конституционный механизм в качестве постоянного института государства, а не только наследников престола с камуфлирующим их реальный статус старой республиканской (в том числе *princeps iuventutis*) титулатурой. Институтизированный цезарат получил более или менее четко определенный объем полномочий. В свое время Ж.-Р. Паланк показал, что цезари тетрархии не обладали гражданской властью, т. к. не имели права на назначение высшей администрации и на самостоятельное законотворчество⁴⁵, а В. Сестон, проанализировав взаимоотношения августов и цезарей, метко назвал их “сотрудничеством командующих армиями и их легатов”⁴⁶. Недаром Аммиан,

⁴² Подробнее см.: Elbern St. Usurpationen im Spätromischen Reich. Bonn, 1984. S. 8—12.

⁴³ Ф. Кольб полагает, что военную необходимость как причину назначения цезарей можно принять только в случае с Констанцием Хлором, но не с Галерием. Поэтому Диоклетиан при создании цезарата руководствовался больше своей концепцией власти. — Kolb. F. Diocletian.... S. 71—72; 84—85.

⁴⁴ О происхождении термина “цезарат” см. Pabst A. Divisio regni. S. 42—46; О цезарате как институте принципата см.: Straub J. Dignatio Caesaris // Straub J. Regeneratio Imperii. Aufsätze über Roms. Kaisertum und Reich im Spiegel der heidenischen und christlichen Publizistik. Darmstadt, 1972. S. 36—63.

⁴⁵ Palanque J.-R. Collégialité et partages dans L'Empire Romain aux IV-e et V-e siècles // REA. 1944. V. 46. P. 48—49.

⁴⁶ Seston W. Dioclétien et la tétrarchie. P., 1946. P. 237.

стремившийся подобрать наиболее точный аналог цезарям первой тетрархии, в отличие от современных ему носителей этого ранга, употребил *ut apparitores... obtemperebant* (Amm. 14. 11. 10). Диоклетианова концепция цезарата предусматривала и точный срок длительности его для одного лица — 10 лет, т. е. в известной мере рассматривала цезарат как своего рода высшую имперскую магистратуру. Антично-магистратская традиция в плане социально-гражданственных характеристик отразилась и в титулатуре цезарей — *Proconsul, Pater Patriae*. Имела место и такая, разумеется, модифицированная, черта магистратур, как коллегиальность и привлечение к публичной ответственности за проступки. Аммиан (14. 11. 10) описывает любопытный случай, когда Диоклетиан в наказание за поражение заставил Галерия, облаченного в пурпур (= знаки высшего магистратского достоинства), пройти милю пешком на глазах у всего войска (= собрания имеющих в наличии римских граждан; *comitium imperii*, пользуясь выражением Тацита — Tac. Hist. I. 14). Этот модифицированный временем и обстоятельствами магистратский статус цезарей соединялся посредством присвоения им титула *pobilissimus* с официальной знатностью. Помимо адоптации цезари были породнены в рамках своих правящих фамилий (расчет только на сакрально-политическую родственную общность казался все же Диоклетиану не достаточным) с августами: Галерий был женат на дочери Диоклетиана (Lact. De mort. 7.9.); Констанций — на дочери Максимиана (PLRE. I.895). Таким образом, при первой тетрархии возник узкий верхушечный слой новой военно-императорской знати, фамильно и сакрально породненной, к которой, уже в качестве второго эшелона, примыкала столь же узкая группа префектов претория.

Безусловно, префекты претория и при первой тетрархии не относились к чистому типу *virī militares*, хотя в балансе их полномочий как наследие чрезвычайных обстоятельств III в. военные функции занимали довольно значительное место. Примечательно, что все немногие (CJ. V. 30. 2; 31. 9; 70. 4; VIII. 17. 9; VI. 24. 10) . императорские рескрипты по гражданским казусам на имя префектов претория первой тетрархии были изданы после назначения цезарей: префектов претория вновь возвращали к гражданскому администрированию. Иными словами, функционально цезарат первой тетрархии, очевидно, вырос непосредственно из тех черт префектуры претория, которые особенно отчетливо выступили на первый план во второй половине III в., а именно, наряду с постоянным сопровождением, все учащающееся замещение императора в походе с правом самостоятельного принятия решений ⁴⁷. В

⁴⁷ Howe L. L. The Pretorian Prefect from Commodus to Diocletian... P. 26—30.

этой связи представляется оправданным предположение при реконструкции карьер Констанция и Галерия, что перед их назначениями цезарями они были префектами претория обоих августов⁴⁸. Однако цезарат лишь частично “разгрузил” префектов претория от военных функций; и после 1 марта 293 г. им поручалось проведение крупных операций. Например, префект претория Асклепиодот в 296 г. отвоевывал у Аллекта Британию (Eutrop. IX. 22; Aur. Vict. De caes. 39. 42). Префекты претория и при первой тетрархии относились к высшему всадническому разряду *eminentissimi*⁴⁹. Любопытно, что консулат (соответственно и статус знатности), а вслед за ним и сенаторский клариссимат они за свои заслуги получали до назначения цезарей (Аристокбул в 285 г.; Ганнибалиан и Асклепиодот в 292 г. — CLRE. 105; 118); в 293—305 гг. префектов претория не делали даже суффектными консулами. Думается, это было сознательным актом: Диоклетиан возвышением цезарей стремился снизить значение префектов претория в государстве, ослабить их влияние, чрезмерно возросшее в течение III в. вплоть до того, что нередко судьба императоров была в их руках; Диоклетиан сам был свидетелем заговора префектов претория Апра и убийства им Нумериана⁵⁰. В результате наметилась тенденция к превращению после 293 г. префектов претория в гражданских чиновников, и, соответственно, к постепенному выбыванию их из категории военной знати империи.

Относились ли к военной знати первой тетрархии *duces*? Какой-то строгой организационной системы ни в региональной пограничной обороне, ни в ее командовании к моменту прихода Диоклетиана к власти не существовало. Поскольку именно командующие дукатами чаще всего становились узурпаторами в середине и второй половине III в., правительство по возможности стремилось как избегать создания дукатов, на что указывает практика назначения цезарей (Валериан-младший, Карин) и личное присутствие августов в угрожаемых регионах (Валериан, Галлиен, Аврелиан, Проб), так и менять их территориально-административную структуру, варьируя количество входящих в них провинций. В полномочиях региональных дуксов III в. прослеживается одна тенденция: будучи на-

⁴⁸ Barnes T. D. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge (Mass.), London, 1982. P. 37—38; Kolb F. *Diocletian...* S. 70—71.

⁴⁹ Hirschfeld O. *Die Rangtitel der römischen Kaiserzeit* // Hirschfeld O. *Kleine Schriften*. Berlin, 1913. S. 652, 656.

⁵⁰ Заговоры и убийства императоров III в. префектами претория см.: Каракалла — Dio. 79. 4. 1; 6. 4; Herod. IV. 12—13; Гордиан III — SHA. Gord. 29—30; Zos. I. 19. 1; Галлиен — SHA. Gall. 14; Zos. I. 40. 2—3; Zon. XII. 25; Нумериан — Aur. Vict. De caes. 38. 6; SHA. Car. 12. 1; Zon. XII. 31.

местниками лишь одной провинции (соответственно, обладая в ней военной и гражданской властью), они официально были командующими войсками и других сопредельных провинций⁵¹. Являясь всадниками — *perfectissimi*, дуксы второй половины III в. фактически замещали довольно высокие сенаторские должности, подчиняясь только императору. Такое положение сохранялось и при Диоклетиане до начала реформирования провинциального управления, в результате которого функции гражданской власти у дуксов изымались, а сами они превращались из командующих войсками регионов в *duces limitum*. Во многом этому способствовало уже реально сложившееся членение армии на походную и пограничную. Однако часть дукатов первой тетрархии, отныне приграничных, а не региональных, все еще включали в себя значительные территории. Так, Валерий Конкордий при Диоклетиане был дуксом обеих Германий и Первой Белгики, т.е. практически всего рейнского фронта, будучи при этом *vir perfectissimus* (PLRE. I. 219). При Константине же зафиксирован *dux limitis Aegypti et Thebaidos utrarumque Lybiarum* (ILS. 701) в том же ранге. Параллельно с ним существовали *dux limitis provinciae Scythiae* (ILS. 4103), *dux Pannoniae Secundae Saviae* (PLRE. I. 454), т.е. процесс трансформации региональной обороны и ее командования был более затяжным, чем реформирование провинциальной гражданской администрации, и в каждом секторе границы решался в зависимости от локальных обстоятельств. Политический вес дуксов по мере уменьшения их полномочий в провинциях, особенно вследствие разделения властей, неуклонно уменьшался. Серьезный удар по их престижу был нанесен после назначения цезарей в 293 г. Если крупные приграничные дукаты в восточных и рейнских провинциях существовали при первой и второй тетрархии, то во многом они ставились под контроль цезарей, которые со своими экспедиционными войсками оперировали именно в этих “болевых точках” империи (Галерий на Евфрате, Констанций на Рейне)⁵². Отсюда ясно, почему в тех регионах, которые еще недавно пережили узурпации Постума, Одената, Сатурнина, не было попыток антиправительственных мятежей. Диоклетиану тем самым удалось переломить опасную тенденцию локальных узурпаций со стороны профессиональных военных, и, как следствие, некогда могущественные дуксы откатывались на “задворки” политической жизни, оставшись до конца 60-х гг. IV в. в разряде *perfectissimi*⁵³. Поэтому,

⁵¹ Например, Авидий Кассий был наместником Сирии; Постум — президом Нижней Германии; Марцеллин и Сатурнин — префектами Месопотамии; Ингенуй — наместником Паннонии.

⁵² Barnes T. D. *The New Empire...* P. 58—64.

⁵³ Впервые дукс в ранге клариссимата зафиксирован в 369 г. — ILS. 7494; Законодательство обозначает их как *viri clarissimi* с 386 г. — CTh. XII. 1. 113.

думается, что к военной элите империи они, начиная с эпохи первой тетрархии, не принадлежали. Военная знать первой тетрархии в результате конституционного эксперимента Диоклетиана складывалась как группа командующих крупными подразделениями походных войск, которым уже в силу того, что они были членами императорской коллегии, подчинялись дуксы пограничной армии. Поскольку концепция политической адоптации Диоклетиана предусматривала периодическое обновление цезарей вне кровного родства, то и военная знать империи теоретически должна была изначально стать не фамильным кланом (речь в данном случае не идет о сакрально-политическом родстве Иовиев-Геркулиев) профессиональных офицеров, но открытой по своему характеру высшей административной группой военной организации.

После 305 г. политические установки Диоклетиана вступили в противоречие с тенденциями легитимизма внутри самой системы тетрархии, “потянув” за кризисом правящей конструкции общеимперский социально-политический кризис и, с неизбежностью, новый виток административной трансформации. По плану Диоклетиана, августы второй тетрархии назначили себе цезарей из опытных военных — Севера и Максимиана Дайя. Осуществлял ли подбор сам Диоклетиан, неизвестно, хотя вероятность его рекомендации довольно высока. Это отразилось уже в том, что оба цезаря были иллирийцами (*Aur. Vict. De caes.* 40. 1). Однако, если Север, как полагают, до своего назначения цезарем был префектом претория⁵⁴ (т. е. его карьера полностью соответствовала схеме тетрархии), то Максимиан Дайя был произведен в цезари прямо из трибунов (*Lact. De mort.* 19. 6). Дайя был племянником Галерия и, видимо, это сыграло решающую роль. Думается, Галерий, не обладавший авторитетом Диоклетиана, прибег для упрочения своего положения к элементам династийной политики. О Дайе он вспомнил, поскольку его сыну Кандидиану было в 305 г. лишь девять лет (*PLRE. I.* 178). Кандидиан, в свою очередь, был помолвлен с семилетней дочерью Дайи; свою дочь Максимиану Галерий в 305 г. выдал замуж за Максенция (*PLRE. I.* 576). Не исключено, что этот довольно прозрачный династизм Иовиев при жестком выполнении правил престолонаследия тетрархии у Геркулиев подтолкнул Константина и Максенция к узурпациям.

Утверждение примата кровнородственного легитимизма над принципом политической адоптации разрушило

⁵⁴ Barnes T. D. *The New Empire...* P. 39.

диоклетианову систему военной знати, поскольку в ходе кризиса второй тетрархии цезарат как высший имперский магистратский институт постепенно исчезает. Все законные и незаконные императоры претендуют на августат, что означало разрыв связей соподчинения и превращения императоров второй тетрархии в независимых друг от друга и соперничающих между собой командующих экспедиционными армиями. Причудливый титул *filii Augustorum* (Lact. De mort. 32. 5), определенный Константину решением конференции в Карнунте, отражал факт невозможности возвращения к цезарату первой тетрархии.

В борьбе против тетрархии Константин и Максенций с неизбежностью должны были искать поддержки у каких-то категорий населения империи, поскольку этот конфликт в конечном счете направлялся против основной социальной базы диоклетианова режима — иллирийских военных. Если Максенций опирался на различные слои городского населения Рима⁵⁵, то для Константина единственным вариантом оставалось сближение с провинциалами Галлии. Но если Максенций пошел на полный разрыв с тетрархией, не приняв в течение года даже ее официальных рангов — цезарь или август, но только традиционный римский титул *princeps*⁵⁶, то Константин некоторое время продолжал ассоциировать себя с Геркулиями, учитывая, видимо, их популярность в западных провинциях. Новым было то, что он последовательно дистанцировал себя от Иовиев. Так, в 307 г. по случаю политического брака Константина с Фаустой галльский панегирист, не обмолвившись об Иовиях, прославлял только *imperatores semper Herculii* (Pan. Lat. VII. 2. 5). Еще отчетливее это отразилось в изобретенной в 310 г. фальшивой генеалогии, согласно которой предком Константина считался Клавдий Готский; в ней уже нет речи и о Геркулиях. Генеалогия, думается, стала как результатом сближения Константина с Лицинием, так и стремлением не противопоставлять себя политически иллирийским военным в изменившейся ситуации. Компромисс в лице Клавдия Готского устраивал и иллирийцев, и галлов: для одних он был популярным полководцем, для других — единственным из иллирийских императоров, с чьим именем не связывались никакие карательные меры против Галлии⁵⁷.

Борьба с тетрархией, начавшись с идейно-политического разрыва, завершилась физическим истреблением родни

⁵⁵ Elbern St. Usurpationen... S. 60.

⁵⁶ Barnes T. D. The New Empire... P. 13.

⁵⁷ Подробнее о причинах возникновения генеалогии см.: Syme R. The Ancestry of Constantine // ВНАС 1971. Bonn, 1974. P. 244—251.

Иовиев и Геркулиев (Lact. De mort. 50—51), чем отсекалась возможность регенерации тетрархии в лице наследников ее создателей и открывался путь кровнородственному династизму Константина и Лициния. Соответственно, новая политическая система отвергала, во всяком случае в принципе, и диоклетианову модель имперской военной верхушки. Таким образом, преемственность позднеримской военной знати уже в стадии ее возникновения не состоялась ни по физическим, ни по политическим признакам. Но путь к утверждению нового типа армейской верхушки был противоречив и прямо зависел от политической стабилизации и от завершенности многостороннего процесса перестройки всей административной конструкции империи.

Следствием конференции 308 г. в Карнунте, прямого выдвижения на ней Лициния в августе ⁵⁸, фактической узурпации Максимиана Дайя (PLRE. I. 579) стало исчезновение института цезарата. В результате возникшего “вакуума” в военной верхушке автоматически возродились характерные для второй половины (но до тетрархии) III в. экстраординарные командования. В первую очередь это касается военных функций префектов претория. Уже Максенций, не имевший цезарей, в 310 г. поручил своему префекту претория Волузиану отвоевывать Африку (Aug. Vict. De caes. 40, 18; Zos. II. 14. 2); в 312 г. его префекту претория Помпейану было доверено ведение самостоятельной кампании под Вероной (Pan. Lat. IX. 8. 1). Роспуск преторианских когорт Рима Константином не означал, что префекты претория сразу и окончательно, были лишены военных функций. Самостоятельное командование между 313 и 317 гг. осуществлялось префектами претория Аннианом и Юлианом, что следует из их надписи: *edomitis ubique barbararum gentium populis ad confirmandam limitis tutelam...* (ILS. 8938). Лициний во время войны с Константином прибег фактически к методам Диоклетиана: в 316 г. он провозгласил цезарем дукса лимеса (Дакии) Валента (Exc. Val. 17; Aug. Vict. Epit. 40. 2; Zos. II. 14. 2; согласно данным нумизматики, он был августом — PLRE. I. 931). Очевидно, это было сделано с целью не допустить отпадения его войск на сторону Константина после поражения у Кибалы. И позже, в 324 г., Лициний назначил цезарем своего магистра оффиций Мартиниана (Zos. II. 25. 2; Aug. Vict. Epit. 41. 6). Таким образом, Лициний вернулся к политической адаптации, в то время как Константин был более последователен в династизме. Совершенно очевидно, что Лициния к этому вынудила только

⁵⁸ Chantraine H. Die Erhebung des Licinius zum Augustus // Hermes. 1982. Bd. 110. S. 486—487.

военная необходимость, поскольку его сыну Лициниану было в 324 г. лишь девять лет. Но в 317 г. провозглашение двенадцатилетнего Криспа, и особенно Лициниана (рожден летом 315 г.) и Константина-младшего (рожден в феврале 317 г.), цезарями (PLRE. I. 233; 510; 223) резко отличалось от политической адаптации тетрархии и не предусматривало для них роли военных *apparitores*. Примечательно, что и в Италии в 316 г. Константин стремился сделать цезарем своего зятя Бассиана, в то время как Лициний — своего друга, но не родственника, Сенеция (Ехс. Val. 15); т. е. династизм Константина очевиден и в этом случае.

В отношении своих цезарей Константин применил модель, практиковавшуюся еще Галлиеном: он определил им наставников из числа префектов претория⁵⁹. Думается, что именно им, а не цезарям, Константин доверил реальное командование войсками. В самом деле, трудно приписать авторство победы над франками, например, пятнадцатилетнему Криспу в 320 г.⁶⁰ Но многолетнее сотрудничество и совместные походы цезарей и префектов претория таили в себе опасность оформления этих удачливых в войнах тандемов в самостоятельную политическую силу. Вынужденное политическое убийство Криспа⁶¹, не исключено, мотивировалось его ориентацией на возрождение определенных элементов тетрархии. Еще И. Фогель предположил, что причиной гибели Криспа стало его напоминание отцу о необходимости добровольного, по образцу Диоклетиана и Максимиана, отречения ввиду приближающегося срока двенадцатилетнего правления Константина⁶². Думается, Крисп подпал под влияние своих наставников из офицерства, которых на борьбу за восстановление тетрархии подтолкнули недавние назначения цезарей из числа военных (Валент, Мартиниан) Лицинием. Казнь Криспа, открыто выразившего их взгляды, не ликвидировала самой базы оппозиции

⁵⁹ Palanque J. R. Les préfets du pretoire de Constantin // *Mélanges H. Gregoire* II. P., 1950. P. 483—491.

⁶⁰ Seeck O. Crispus // *RE*. 1901. Bd. 4. Sp. 1722.

⁶¹ Недавно Г. А. Полсандер, детально изучив историографию проблемы и источники, пришел к выводу, что вопрос о казни Криспа можно решить лишь гипотезой: “Если все источники — литературные, нумизматические, эпиграфические и археологические — рассмотреть вместе, то все они говорят нам убедительно, что Константин давал Криспу важнейшие поручения и питал самые высокие надежды в отношении него, включая, как мне кажется, наследование ранга августа сразу после 325 г. Ни в какое время Константин не принимал старшего сына ради младших законных. И нет данных о том, что пропасть между отцом и сыном росла медленно в течение лет. Крисп должен был совершить или, по крайней мере, был обвинен, какой-то особо шокирующий поступок, чтобы заслужить себе смертный приговор своего собственного отца”. — Pohlsander H. A. Crispus: Brilliant Career and the Tragic End // *Historia*. 1984. Bd. 33. P. 106.

⁶² Цит. по: Burckhardt J. *Die Zeit Constantins des Grossen*. Wien, 1880. S. 350. Anm. 642.

династизму в армии. Во всяком случае, так можно понять фразу Аврелия Виктора, что Константин назначил своего племянника Далмация цезарем вопреки серьезному противодействию военных (Aur.Vict. De caes.41. 15: *obsistentibus valide militaribus*)⁶³, стремившихся, видимо, к восстановлению политической адоптации и, тем самым, к обеспечению себе в перспективе императорской власти. Офицерство, на наш взгляд, воспротивилось провозглашению Далмация по причине отсутствия у последнего каких-то серьезных военных заслуг перед государством. Как минимум сочувствующим элементом в этой оппозиции были, конечно же, префекты претория, являвшиеся, по диоклетиановой схеме, прямой ступенью к цезарату.

Перед Константином, как и ранее перед Диоклетианом, встала задача сломить влияние префектов претория на армию. Но, в отличие от основателя тетрархии, Константин разрешил эту проблему в духе своей концепции кровнородственной преемственности власти. Он изъял у префектов претория функции армейского командования более решительно, чем Диоклетиан, и передал их не цезарям, которые отныне считались наследниками престола и членами правящего дома без перспектив на будущую власть, но специально учрежденному высшему командному институту — *magistri militum*. Такая реконструкция причин этой едва ли не самой важной из реформ Константина вполне согласуется с данными источников. Зосим (II. 33. 3), не объясняя в целом мотивов реформирования префектуры претория Константином, отметил, что “он ревностно старался принизить ее и другими способами”. Иоанн Лид (*De mag.* II. 10 = III. 40), описывая акт изъятия у префектов претория командования над дворцовыми школами и армией, подчеркнул, что для этого возникла необходимость (*ἀνάγκη γέγονε*). Оба (единственные!) источника единодушно отмечают сознательность и решимость этого шага Константина, его резкий разрыв с существующей административной практикой.

Значение реформы трудно переоценить: в результате ее была, наконец, найдена оптимальная, принципиально новая, модель административного устройства высших эшелонов власти империи, резко снизившая зависимость императоров от армии. Разделение властей на самом высоком уровне государственного управления “замыкало” все разнородные политические интересы на центральной власти, которая в

⁶³ См. понимание этого места Аврелия Виктора у Klein R. *Die Kämpfe um die Nachfolge nach dem Tode Constantins des Großen* // BF. 1979. Bd. 6. S. 108—109, где преувеличивается, абстрактно понимаемая, роль всей армии, включая и рядовых солдат, в вопросах престолонаследия при еще живом Константине.

значительной мере от них эмансипировалась. Тем самым была пресечена опасная тенденция рассеивания государственного суверенитета римского народа, перенесенного на императора, и сложилась реальная основа для проведения политики, в большей мере руководствовавшейся государственными интересами. Отсюда более предпочтительной формой престолонаследия становится кровнородственный династизм, напроочь отрицающий адоптивную диоклетианова типа. Разделение, уравнивание взаимозависимыми административными функциями, конкуренция гражданских и военных властей делали любую династию устойчивой. Эти факторы при пресечении одной династии “включали” выборный конституционный механизм, состоявший из высших чинов армии и гражданской бюрократии (который необходимо отличать от церемоний публичного провозглашения уже избранного императора), для того, чтобы дать жизнь другой. “Административная революция” завершилась: Константином был найден верный принцип балансировки государственного механизма, его преемники лишь отлаживали и совершенствовали систему. И, наконец, в результате реформы префектуры претория⁶⁴ возник новый тип гражданской и военной элиты, отличавшийся от прежних, выросших из экстраординарных властных структур кризисного периода, тем, что он более соответствовал традициям античной государственности. По сути дела, при Константине возникла тенденция к превращению региональных префектур и армейских магистериев в высшие имперские магистратуры, конечно, модифицированные временем и обстоятельствами, сочетавшие в себе коллегиальность, точно определенный объем административных функций, ограниченный срок полномочий. Назначение на эти посты было прерогативой императора, и уже это делало их открытыми по характеру. Императорская власть, “выстрадав” в качестве *modus vivendi* династизм в течение столетия экспериментов, стремилась во имя собственной устойчивости не предоставлять ни префектуры, ни магистерии членам правящей фамилии. Произошло как бы резкое разграничение законодательного суверенитета и исполнительной власти магистратур, очередное в римской истории: ближайшие родственники императора в силу династийно-легитимного принципа потенциально обладали частью перенесенного на императора суверенитета римского народа, соединение которого с одной из высших магистратур было чревато опасностью узурпации под легитимным знаменем.

⁶⁴ 64. Поэтапность подготовки и проведения реформы справедливо подчеркивает А. Шастаноль. — Chastagnol A. *L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. La mise en place du régime du Bas-Empire (284—363)*. P. 1982. P. 249—253.

Поэтому после возникновения региональных префектур и магистериев наметилась тенденция к резкому ослаблению власти цезарей⁶⁵, а также к постепенному исчезновению цезарата в качестве института соправительства. Более того, отсутствие цезарата именно в этом статусе является одним из основных признаков политической стабильности империи, даже в периоды пресечения династий⁶⁶.

И префектура, и магистерии были доступны через службу лицам любых социальных слоев свободного населения империи, что делало их высшими ступенями в гражданском и военном *cursus honorum*, существовавших после реформы Константина отдельно друг от друга. Приведем лишь несколько разновременных примеров гражданских и военных карьер. Флавий Аблабий, выходец из социальных низов Крита: мелкий чиновник канцелярии наместника Крита — викарий Азианы — префект претория при Константине и Констанции II (PLRE. I. 3—4). Максимиан, потомок карпов-дедитициев, сын табулярия провинциального оффикия: адвокат — презид Корсики — викарий Рима — префект Галлий при Валентиниане I и Грациане (PLRE, I, 577—578). Из простых солдат, соответственно, до магистра кавалерии и презентального магистра выслужились Арбицион (Amm. XVI. 6. 1) и Гайна (Soz. VIII. 4. 1). Начиная с правления Константина I (на наш взгляд, это было прямым следствием сложившегося в 307—312 гг. политического альянса Константина и галльской аристократии⁶⁷, в котором одна сторона была заинтересована в захвате власти, другая — в восстановлении своего социального престижа и влияния) с новой властью активно сотрудничала сенаторская аристократия, достигавшая высших должностей и консулата путем долгого *cursus honorum*. В этом плане достаточно сослаться на карьеру Симмаха, ставшего префектом Рима и ординарным консулом после длительной службы на разных уровнях гражданского управления (ILS. 2946). Константин не оттолкнул от участия в государственной власти и иллирийских

⁶⁵ А. Арнальди, суммируя свои наблюдения над цезаратом при тетрархии и Константине I, отмечает, помимо утраты цезаратом харизматического характера, эволюцию от младших коллег по императорской власти подчиненным “сотрудникам” с сильно ограниченной сферой полномочий. — Arnaldi A. Osservazioni sui Cesari di età constantiniana // *Rivista Italiana di Numismatica e Scienze affini*. 1981. V. 83. P. 75—86.

⁶⁶ В V в., например, кратковременное возрождение цезарата (в последние годы правления Льва I и в начале царствования Зенона) стало одним из показателей острого политического кризиса.

⁶⁷ Ср. Arnheim M. T. W. *The Senatorial Aristocracy...* P. 72; 169—170, где мотивы отношения Константина к галльской аристократии то объявляются непознаваемыми, то извинительным жестом за прохристианскую политику. Во всех случаях подчеркивается, что союза с галльской знатью добивался только Константин. Из рассуждений автора складывается впечатление, что галльской аристократии альянс был безразличен.

военных: исследователи отмечают, что ему удалось после 324 г. сломить универсалистски настроенную иллирийскую военную клику средствами дипломатии ⁶⁸, и, добавим, тем самым открыть перспективу службы в рамках новой имперской конституции. Таким образом, позднеримская служилая имперская знать после завершения административных реформ Константина, на длительную перспективу определивших ее структурные особенности, сформировалась не как феодализирующаяся, но все еще как античная, точнее позднеантичная, с учетом всех модификаций “административной революции”, по своему характеру.

Разумеется, новая имперская элита высших должностных лиц оказывала определенное воздействие на формирование политики государства; конечно же, в поздней античности, как и при любом монархическом устройстве существовал фаворитизм. Отсюда выявление степени такого влияния требует учета многих факторов: конституционного объема компетенций и их возможности воздействовать на решение проблем, сопредельных либо выходящих за круг полномочий определенной должности, реального баланса между высшими военными и гражданскими чинами в каждой конкретно складывающейся политической ситуации как в столице, так и в провинциях, системы правительственного контроля над отдельными магистратурами, армией и ее командным составом, а также способности ее реагировать и быстро находить ответ в критические периоды, и, конечно, целого спектра субъективных обстоятельств (малолетство и слабохарактерность императоров, влияние на них через жен и т.д.).

Изъятие военных функций у префектов претория, согласно Иоанну Лиду (*De mag.*, II. 10 = III. 40), проходило в два этапа: передача командования над гвардейскими подразделениями магистру оффиций, а над армией — *στράτηγος*. Полагают, что возникновение *magisterium officiorum* падает на период между 312 и 314 гг. ⁶⁹. Учреждение же армейских магистериев относят к последним годам жизни Константина ⁷⁰. На наш взгляд, это произошло вскоре после назначения Далмация цезарем в 335 г., когда Константину потребовалось резко ослабить ориентированное на восстановление тетрархии офицерство (*Aur. Vict. De caes.* 41. 15). А. Демандт предположил, что Константин создал посты магистров армии с целью придать опытных военных, ко-

⁶⁸ Móscy A. Pannonien und die Soldatenkaiser... S. 570.

⁶⁹ Clauss M. Der Magister officiorum in der Spätantike (4.-6. Jahrhundert), *Das Amt und sein Einfluß auf die kaiserliche Politik*. München, 1981. S. 12—13.

⁷⁰ Demandt A. Magister militum // *RE*. 1970. Splbd. XII. Sp. 560—562; Rau W. Die römischen Heermeister des 4. Jahrhunderts n. Chr. Nürnberg, 1974. S. 2—4.

торые могли бы руководить крупными операциями, своим сыновьям-цезарям. Однако это плохо согласуется с данными Зосима об учреждении императором только двух магистров — конницы и пехоты (Zos. II. 33. 3). Не засвидетельствованы магистры войск у сыновей Константина ни на момент его смерти, ни во время свидания Константина II, Константа и Констанция II в сентябре 337 г.⁷¹ в Паннонии, где, по счету А. Демандта, их должно было бы быть от трех до шести человек. Думается, что оба недавно созданных магистра находились при самом Константине, тем более что в последние месяцы своей жизни он готовился к крупному походу против персов (Fest. Brev. 26). Думается, что эти два магистра, которым, по Зосиму (II. 33. 3), были подчинены все войска империи, сыграли не последнюю роль в передаче власти сыновьям Константина. А. Демандт с достаточным основанием предположил, что первым Константиновым военным магистром был Флавий Урсус, германец, ординарный консул 338 г.⁷² На наш взгляд, не было случайным именно то, что для новой должности был избран германец, который в силу происхождения не только не мог претендовать на цезарат сам, но и видал основу своего благополучия в лояльности легитимной династии, чем становился естественным соперником, стремящимся к восстановлению диоклетиановой конституции, а также соперником префектов претория. Очевидно, Урсус был в числе *factio militaris* (Eutrop. X. 9. 1), устроившей резню потомства Констанция Хлора от Феодоры, за что и получил ординарный консулат. Для этого наследникам Константина пришлось отставить уже назначенного ординарным консулом на 338 г. Лоллиана (CLRE. 19). Эта *factio* поддерживала настрой солдат (Евсевий особо подчеркивает роль ταξιάρχων — Euseb. Vita Const. IV. 63; из контекста видно, что это были высшие командиры армии⁷³) за родных сыновей Константина против “партии двора”, возглавляемой Юлием Констанцием, сводным братом покойного императора, и префектом претория Аблабием⁷⁴. Иными словами, в ходе острого политического кризиса, последовавшего за неожиданной смертью Константина, в котором даже Констанций II выступил не ведущей, а ведомой силой⁷⁵, недавно созданный путем изъятия у префектов претория военных функций (чем была рассеяна оппозиция династизму в офицерских кругах) *magisterium*

⁷¹ Barnes T. D. The New Empire... P. 85—87.

⁷² Demandt A. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284—565 n. Chr. München. 1989. S. 268—269. Anm. 50.

⁷³ О широкой полисемии термина см.: Mason H. J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974. P. 163—164.

⁷⁴ Подробнее см.: Klein R. Die Kämpfe um Nachfolge... S. 112—115.

⁷⁵ Ibidem. S. 120.

militum решительно высказался за легитимно-династийный принцип имперской конституции, обеспечивавший ему право на жизнь. Но в ходе этого кризиса армейский магистерий проявил себя и достаточно серьезной силой, которую необходимо контролировать системой специальных мер.

По Зосиму (II. 33. 3), у префектов претория было изъято право командования армией и право военной юрисдикции, но были оставлены обязанности сбора военной анноны и снабжение ею солдат. В их компетенции была конскрипция и адэрация воинской повинности (CTh. VII. 13), а также право суда над ветеранами, коль скоро те становились после отставки частными людьми (CTh. VII. 20. 5). Согласно Иоанну Лиду (*De mag.* II. 10), в их ведении были оставлены также и оружейные фабрики. Армейские магистры были обязаны координировать с префектами претория любое передвижение войск, поскольку это было связано со снабжением и вооружением (CTh. I. 7. 1); что, в свою очередь, не позволяло бесконтрольно сконцентрировать в одном месте войска для попытки узурпации. Собственно, только конституционное право суда над военными и делало *magisterium potestas* магистратурой, а не чисто офицерской должностью. Однако до 365 г. воины, против которых были возбуждены иски по гражданским делам, подлежали суду провинциальных наместников (CTh. II. 1. 2), и только с 365 г. магистры имели право юрисдикции над военными по всем видам преступлений (CTh. IX. 2. 2). Видимо, до 365 г. указанный порядок юрисдикции распространялся и на дуксов, чья зависимость от гражданской администрации проявлялась по тем же параметрам, что и у магистра войск. В какой-то мере эта серьезная разница в административных функциях между префектами претория и магистрами войск и обусловила то первенство первых над вторыми в официальной иерархии, которое отразилось в *Notitia Dignitatum*. Другая причина состояла в том, что управленческие права армейских магистров довольно продолжительное время не «привязывались» к определенным регионам: магистры либо находились при императорах, либо направлялись с поручениями, напоминая до известной степени комитов эпохи принципата. Их «регионализации» препятствовало и то обстоятельство, что императоры IV в. довольно часто лично возглавляли походы. Тем не менее в официальной ранговой иерархии при константиновой династии армейские магистры были *virī clarissimi* и *comitiva primi ordinis*, как и префекты претория⁷⁶.

При Константиновой династии магистры войск, видимо, чаще входили в консисторий, чем префекты претория, ко-

⁷⁶ Единственным исключением был титул Руфина, родственника Констанция II, в 354 г. — CTh. XI. 1. 6: *vir clarissimus et illustris praefectus praetorio, parens amicusque noster*.

торые из-за службы в регионах часто отсутствовали в императорских резиденциях⁷⁷. Однако влияние магистров *in praesenti*, судя по источникам, было незначительным по сравнению с *comites consistoriani*: у них запрашивали мнение, главным образом, с точки зрения военной оценки сложных ситуаций. Аммиан (XV. 5. 18), повествуя о срочном собрании консистория по поводу узурпации Сильвана, отметил, что магистра Урзицина туда приглашали только в качестве военного эксперта; политические оценки происшедшему давали лишь гражданские чины, что соответствовало разделению функций по управлению государством. Примечательно, что армейские магистры при перечислении в законе 362 г. присутствующих в консистории, видимо, попали в разряд “*et cetera*” (CTh. XI. 39. 5), в то время как при Диоклетиане военные участвовали на равных с гражданскими dignitariями в совете принцепса: *admissi ergo iudices pauci et pauci militares* (Lact. De mort. 11. 6).

В литературе нередко переоценивается общность интересов провинциалов и армии в позднеантичную эпоху, которая якобы представляла собой питательную среду для узурпации; с этой точки зрения трактуются взаимоотношения императоров и магистров войск. Например, Р. Блокли считает, что “император должен был найти равновесие между централизаторскими тенденциями центральной власти (которая включала его самого) и местными интересами военных и провинций. Эта попытка найти равновесие, которое является характерной особенностью политической системы Поздней Римской империи, очевидна в отношениях Констанция II с его генералами”⁷⁸. Однако представляется, что начиная с Диоклетиана правительству удалось возвести довольно эффективный барьер как раз между интересами армии и провинциалов. Исследователи с большим основанием отмечают, что интересы военных являются ключом для понимания всего комплекса экономических мер тетрархии, которые надолго определили хозяйственную политику Поздней империи⁷⁹. Существенный объем натуральных поставок для армии (военной анноны, лошадей, одежды — CTh. VII. 4; 5; 6; 23; 24), часто без возможности их адэрации, разорительная, особенно для мелких хозяйств, конскрипция (CJ. X. 42. 8; 62. 3; Lact. De mort. 7. 3)

⁷⁷ Weiss P. Consistorium und comites consistoriani. Untersuchungen zur Hofbeamtschaft des 4. Jahrhunderts n. Chr. auf prosopographischer Grundlage. Würzburg, 1975. S. 32.

⁷⁸ Blockey R. Constantius II and His Generals // Studies in Latin Literature and Roman History. Bruxelles, 1980. V. 2. P. 472.

⁷⁹ Noethlichs K. L. Spätantike Wirtschaftspolitik und Adaeratio // Historia, 1985. Bd. 34. S. 102—116.

уже сами по себе создавали основу того, что “экономические интересы правящего класса, государственной казны, которые были тесно связаны с налогоплательщиками *coloni* и производящими рабами, а также интересы армии находились в устойчивом противоречии друг с другом”⁸⁰. В провинциях, несмотря на привилегии и усиленные льготы ветеранам со стороны правительства (предоставление земель, сельскохозяйственного инвентаря, налоговых иммунитетов — СTh. VII. 20. 3; 8; 9) с целью обеспечения резерва пополнения армии⁸¹, складывалась противоречивая ситуация: дети ветеранов всячески уклонялись от наследственной обязанности военной службы (СTh. VII. 22. 2; 13. 1—7), а куриалы от тягот муниципальных повинностей бежали в армию, откуда государство безуспешно изгоняло их на протяжении всего позднеантичного периода. В приграничных районах Диоклетианом фактически был восстановлен, хотя и в модифицированной форме, институт *territoria militaria*: земли без права отчуждения передавались *limitanei*, которые существовали на получаемую от государства аннону, но не обрабатывали эти земли сами⁸². Частное солдатское землевладение, разрешенное некогда Северами, под действием этих факторов в IV в. начало постепенно свертываться⁸³. Всеми этими мерами армия и провинциалы противопоставлялись друг другу экономически и в плане социального статуса, и неудивительно, что в источниках речь идет, главным образом, об их противоречиях, нежели об общности интересов. Жалобы провинциального крестьянства на солдатские насилия встречаются уже в архиве Абиннея (P. Abinn. 27—28). Фемистий повествует о грабежах воинов дунайских *фрурий* в отношении провинциального населения (Them. Orat. X. 136). Законодательство фиксирует постоянные конфликты из-за незаконного использования военными частных пастбищ (СTh. VII. 7. 3—5), произвол солдат на постоях (СTh. VII. 9; 11). Аммиан (XXII. 4. 7), говоря о правлении Констанция II, отметил: “Ведь в те времена даже воин по отношению к своим был наглецом и грабителем”. Наконец, в нашем распоряжении есть целая анонимная программа IV в. реформирования расходов на армию, столь обременительных для провинциального населения⁸⁴.

⁸⁰ Várady L. New Evidences on Some Problems of the Late Roman Military Organization // AAASH. 1961. Т. 9. P. 340—341.

⁸¹ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах // ВО. М., 1977. С. 152.

⁸² Глушанин Е. П. Военно-государственное землевладение в ранней Византии // ВВ. 1989. Т. 50. С. 14—25.

⁸³ Глушанин Е. П. Пограничная армия Византии IV в. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 202.

⁸⁴ Brandt H. Zeitkritik in der Spätantike. Untersuchungen zu den Reformvorschlägen des Anonymus De rebus bellicis. München, 1988. S. 103—121.

Складыванию отношений зависимости между магистрами войск и солдатами препятствовали в свою очередь ряд добавочных административных мер. Принцип подсудности солдат по гражданским искам президам провинций, установленный Констанцием II (Cth. II. 1. 2), “работал” против популярности магистров как защитников корпоративных воинских интересов. По мнению Ш. Воглер, назначение среднего командного состава армии (Cth. I. 8. 1—3) было именно Констанцием II отнесено к компетенции квестора священного дворца⁸⁵, что ставило препозитов и трибунов в зависимость от гражданской администрации, а не от магистров войск. Аммиан в “некрологе” Констанцию II следующим образом суммировал принципы его кадровой политики: “И не один дукс при нем не был повышен в клариссимат. Ведь они были, как мы это сами помним, перфектиссимы, и не прибегал к магистру конницы правитель провинции, и не позволял его вмешательства в гражданские дела. Но все военные и гражданские должностные лица всегда усматривали, по обычаю древнего уважения, вершину всех почестей в префектах претория. Будучи чрезвычайно осмотрительным в общении с войсками, он подчас был излишне мелочным оценщиком заслуг, распределяя дворцовые должности в какой-то мере как бы после тщательного взвешивания на весах и никто, случайный или неизвестный, не допускался при нем к руководству чем-либо высокопоставленным при дворе, но совершенно ясно было известно, кто после десятилетия намеревался управлять магистерием официий или щедротами (= государственными финансами. — Е. Г.) или чем-либо подобным. И чрезвычайно редко случалось, чтобы кто-то из военных переходил в гражданское управление, и, наоборот, лишь закаленные в боевых делах ставились во главе войск” (Амм. XXI. 12. 2—3).

Чем же мотивировался постоянный страх и подозрительность Констанция II в отношении своих военных, несмотря на очевидную эффективность системы правительственного контроля над армией? Думается, Констанций опасался узурпаций, когда в период своего единодержавия он был вынужден прибегнуть в обстановке возникновения нескольких фронтов к возрождению некоторых элементов тетрархии. В самом деле, в период раздела империи между сыновьями Константина I нет сведений о напряженных взаимоотношениях между Констанцием II и его магистрами; скорее наоборот. И дело здесь, очевидно, не в отсутствии столь

⁸⁵ Vogler Ch. Constance II et l'administration imperiale. Strasbourg, 1979. P. 220—221.

детального и современного эпохе источника, каким является Аммиан. Ровные отношения Констанция с его магистрами в 337—350 гг. во многом определялись тем, что он был только августом Востока и уже геополитически его шансы контролировать собственную военную верхушку были неизмеримо выше, нежели в масштабах единой империи. Сыновья Константина I в 337—350 гг. каждый имели собственную администрацию, в том числе и по двое магистров армии, специфицированных по родам войск ⁸⁶, т.е. уже для этого периода можно говорить о независимых друг от друга западно- и восточно-римской (=ранневизантийской) военной знати позднеантичного типа, изучение которых необходимо в силу разницы исторических судеб римского Запада и Востока, проводить раздельно. В этом смысле итоги кризиса 337 г. просто трудно переоценить: в результате его состоялся первый реальный раздел империи.

Сведения о магистрах войск Констанция II на период 337—350 гг. скудны, думается, по той причине, что император неоднократно сам возглавлял походы против персов, а магистры, фактические командующие, находились в его свите. Так, уже в 338 г. Констанций лично предводительствовал экспедицией по реставрации Арсака на армянском престоле ⁸⁷. В 343 г. он принял участие в кампании в Адиабене ⁸⁸. Осажденному персами Нисибису он в 346 г. лично направился на помощь ⁸⁹. Фест сообщает, что при Констанции произошло девять крупных сражений с персами, два из которых состоялись в присутствии императора (Fest. Brev. 27). Обе битвы с участием Констанция (343 и 348 гг.) ⁹⁰ произошли до восстановления единства империи, и, наоборот, остальные семь после этого. Отсюда не случайно, что информация об одном из первых магистров Констанция II Гермогене появилась в связи с исполнением им самостоятельного поручения императора: в 342 г. ему было приказано отправиться с восточной границы в Константинополь для изгнания оттуда епископа Павла; при попытке сделать это Гермоген погиб (Zos. III. 7. 6; Socr. II. 13).

Ровные отношения Констанция II со своими магистрами в известной мере подтверждаются и предоставлением им консулатов, что было, видимо, связано с победами над

⁸⁶ Об историографии тезиса см.: Demandt A. *Magister militum...* Sp. 564—566.

⁸⁷ Подробнее см. Barcelò P. A. *Roms auswärtige Beziehungen unter der Constantinischen Dynastie (306—363)*. Regensburg, 1981. S. 83—85.

⁸⁸ Seeck O. *Sapor* // RE. 1920. Bd. I A. Hlbd. 2. Sp. 2337.

⁸⁹ Seeck O. *Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahren 311 bis 476 n. Chr.* Stuttgart, 1919. S. 194.

⁹⁰ Принимаем хронологию и комментарий Т. Барнса. — Barnes T. D. *Imperial Chronology, A. D. 337—350* // *Phoenix*. 1980. V. 34. P. 163—164.

персами (в 344 г. Боноз или Саллюстий⁹¹; в 347 г. Евсевий). Магистру конницы Гермогену Констанций II подарил дом в Тире (Lib. Ep. 828). Трудно сказать, каковы были взаимоотношения императора с магистром конницы и пехоты Евсевием при его жизни и имел ли он большое влияние на Констанция, который уже после смерти своего магистра женился на его дочери Евсевии (PLRE. I. 300—301; 307—308). Влияние Евсевии на Констанция, засвидетельствованное все же в период объединенной империи, основывалось на сильной любви к ней императора (Aur. Vict. Epit. 42. 20). Персональный налоговый иммунитет, предоставленный в 360 г. имуществу покойного Евсевия (CTh. XI. 1. 1), явился частью императорских милостей по отношению к братьям жены Констанция II: Евсевию (наместник Геллеспонта в 355 г., наместник Вифинии в 356 г. — PLRE. I. 308—309) и Ипатию (сделавшему блестящую карьеру на Западе при Грациане PLRE. I. 448—449), которым их царственный зять даровал суффектный консулат в 359 г. (CLRE. 252—253). Примечательно, что патрициями Констанций их не сделал, да и карьера Евсевия, получившего свои должности, видимо, вскоре после свадьбы императора, была довольно скромной в рамках единой империи для того, чтобы, пользуясь родством, оказывать влияние на формирование политики.

Дети ни одного из магистров войск Констанция II, служивших в 337—350 гг. не унаследовали должностей своих отцов. Помимо упомянутых Евсевия и Ипатия, сделавших гражданскую карьеру, нам известен Геркулан, сын магистра конницы Гермогена, дослужившийся только до чина протектора (Amm. XV. 10. 2). Если уже при Константине I законодательство отмечает среди ветеранов бывших протекторов (CTh. VII. 20. 3), то следует признать, что протекторат перестал быть гарантией быстрого продвижения по службе; установка при назначении на высшие военные посты была сделана на персональный профессионализм. Кадровые изменения в армейской верхушке, вызванные действием субъективных факторов, чаще случались в периоды политической нестабильности.

Десятилетний период политической нестабильности в течение 50-х гг. IV в. начался не столько самим фактом узурпации Магненция на Западе, сколько открывшимися перспективами и сознательным стремлением Констанция II, отказавшегося признать власть Магненция (Zon. XIII. 7),

⁹¹ Разночтения в источниках породили три мнения о личности консула 344 г.: 1. Боноз и Саллюстий являются одним и тем же лицом — Фл. Саллюстием Бонозом (Demandt A. *Magister...* Sp. 564—565); 2. Боноз и Саллюстий — два разных магистра, получивших консулат в один год друг за другом (PLRE. I. 164; 798); 3. Саллюстий — магистр пехоты; Боноз не поддающийся идентификации однофамилец магистра конницы Боноза (CLRE. 222).

воссоздать единую империю. Механизм политического равновесия между римским Западом и Востоком, выработанный в ходе кризисов 337 и 340 гг., был нарушен и повлек за собой с неизбежностью новые административные эксперименты, в том числе в сфере военной иерархии. Стремясь не допустить распространения господства Магненция на Иллирик и Италию, Констанций санкционировал узурпации Ветраниона и Непотиана ⁹², будучи сам занят войной с персами. Обстоятельства провозглашения магистра пехоты Ветраниона 1 марта 350 г. убеждают в том, что Констанций уже в первые недели 350 г. решился на возрождение цезарата. Его сестра Констанция, по Филосторгию (III, 22), убедила Ветраниона провозгласить себя цезарем; император признал его соправителем и выслал инсигнии его достоинства. 15 марта 351 г. Констанций в своем лагере в Сирмии назначил цезарем Галла, своего племянника, и предписал ему охранять Восток от персов. Этот акт ранее (осень 350 г.) проделал и Магненций, наделив цезаратом своего брата Деценция с приказом оборонять рейнскую границу (Aur. Vict. De caes. 42. 2; Zon. XIII. 8). Фактически под давлением военно-политической необходимости возродилась тетрархия, причем Магненций в первые месяцы своего правления был готов признать Констанция *auctor imperii* ⁹³. Констанций избрал династизм, что привело к гражданской войне. Примечательно, что он при назначении Галла цезарем не адоптировал последнего, но выдал за него замуж свою сестру (Aur. Vict. De caes. 42. 1; Zon. XIII. 9). На наш взгляд, в применении цезарата Магненций и Констанций II придерживались соответственно моделей Диоклетиана и Константина. При Деценции, лично воевавшем против германцев (Amm. XVI. 12. 4), не засвидетельствован ни один магистр, и, наоборот, известно, что магистры Гайзон и Ромул сражались вместе с Магненцием при Мурзе (Zos. II. 52. 2); Деценций не имел при себе и наставников из префектов претория, т.е., был цезарем диоклетианова типа. Констанций определил цезарю Галлу в качестве советника и фактического командующего войсками Востока магистра конница Урзицина ⁹⁴. Тем самым, по сути дела, был создан первый региональный магистерий — *magisterium militum per Orientem* ⁹⁵. А. Демандт под-

⁹² Elbern St. Usurpationen... S. 49—50.

⁹³ Bastien P. Le monnayage de Magnence (350—353). Wetteren, 1964. P. 12—15.

⁹⁴ Именно в этом состоит отличие от диоклетиановой концепции цезарей, которые сами командовали армиями. Поэтому представляется неверным тезис Р. Блокли, что Констанций II вернулся при назначении Галла и Юлиана к диоклетиановым цезарям. — Blockley R. Constantius Gallus and Julianus as Caesars of Constantius II // *Latomus*. 1972. T. 31. P. 461.

⁹⁵ Enßlin W. Zum Heermeisteramt des Spättrömischen Reiches // *Klio*. 1930. Bd. 24. S. 110.

черкивает, что полномочия Урзицина как регионального магистра при цезаре Галле имели “импровизаторский характер”, а это “отделяет его от регионального генерала в более позднем смысле, чьей задачей является длительный надзор за угрожаемой областью”⁹⁶. Однако развитие региональной магистерии как государственного института в плане определения задач и объема компетенций началось практически одновременно с его учреждением. Сведений о территориальном ограничении полномочий магистра Востока нет, но можно предположить, что его власть распространялась на тот же регион, который был подвластен цезарю Галлу и, соответственно, префекту Востока. Видимо, сюда включались все области, подконтрольные Констанцию в период разделенной империи, в том числе Фракия и Малая Скифия, перешедшие к Констанцию после убийства Далмация, что, в свою очередь, объясняет длительное отсутствие упоминаний о фракийской магистерии. В региональной магистерии прекращается спецификация командования по родам войск: и пехота, и конница подчиняются одному магистру армии. Наконец, очевидно, между 351 и 354 гг. региональная магистерия получает свой официальный статус. Это следует из того факта, что в 354 (353?) г. Констанцием на имя префектов претория адресуются один за другим три закона, регулирующих статус чиновников из официальных магистров войск (C.Th. VIII. 7. 4—6). Возможно, следует говорить о преобразовании (расширении?) прежних официальных магистров конницы или пехоты. Несомненно то, что усложнение функций региональных магистров все в большей мере (особенно, после исчезновения цезарата) превращало их в магистратуры. Носителей этих рангов уже довольно трудно считать просто высшими офицерами-полковниками, они превращались в крупных региональных администраторов, которым делегировалась определенная доля публичной власти.

Думается, что учреждение региональных магистерий (за созданием восточного, в 356 г. последовало введение галльского магистерия⁹⁷) было вызвано не только сложным военным положением на Востоке и в Галлии, оно служило важным средством в политической концепции Констанция II: не дать возродиться цезарату диоклетианова типа и обеспечить равновесие в регионах ставшей единой империи между цезарями, префектами претория и магистрами войск. Наиболее отчетливо это проявилось в период пребывания в Галлии цезаря Юлиана. Юлиан должен был, по мысли Констанция, исполнять по преимуществу функции представительства правящего дома в Галлии;

⁹⁶ Demandt A. *Magister militum...* Sp. 571.

⁹⁷ Demandt A. *Magister militum...* Sp. 574.

реальная же власть была вручена префектам претория и магистрам войск. По Зосиму (III. 2. 2), отправив Юлиана в Галлию, Констанций “послал с ним Маркелла и Саллюстия, доверив там управление им, а не цезарю”. Префект Галлии Флоренций на попытку вмешательства Юлиана в дела гражданского управления ответил, что император ему предоставил верховную власть в регионе (Амм. XVII. 3. 4).

За время пребывания Юлиана в Галлии Констанций II ежегодно сменял магистров войск, сопровождавших цезаря (Урзицин — 355—56 гг.; Маркелл — 356—357 гг.; Север — 357—358 гг.; Лупицин — 359—360 гг.; Гомоарий — 360—361 гг.). Эту систему защиты императора от сговора между цезарем и магистрами армии можно объяснить следующим. 7 сентября 355 г. был убит Сильван, первым из магистров войск поздней античности (Ветранион в этом случае не в счет, поскольку его акция во многом была спланирована самим Констанцием) узурпировавший власть; 6 ноября 355 г. Констанций II провозгласил Юлиана цезарем⁹⁸. Император опасался, как бы другие магистры не последовали примеру Сильвана. Этот наиболее свежий образчик узурпации дополнялся, на наш взгляд, своеобразным раздражением императора на Урзичина, три года прослужившего при цезаре Галле. Очевидно, Аммиан в известной мере сгустил краски, намекая на то, что Констанций подозревал Урзичина в стремлении к узурпации. Раздражение императора, думается, обуславливалось тем, что Урзицин, исполняя свои обязанности при Галле, не сделал ничего для предотвращения роста самостоятельности последнего на Востоке и даже не донес на него. Причина же оговоров Урзичина Констанцию была не менее ясна, чем Аммиану: могущественному препозиту священной опочивальни Евсевию Урзицин отказался подарить свой дом в Антиохии (Амм. XVIII. 4. 3). В определенном смысле Констанция более устраивал при цезарях не политически нейтральный профессионал, а надсмотрщик из военных, как Лупицин и Гомоарий (PLRE. I. 520; 397). Благоволение Констанция к Барбациону основывалось на шпионаже и регулярных доносах последнего на цезаря Галла (Амм. XVIII. 3. 6); отсюда и назначение Барбациона, несмотря на слабые профессиональные качества, преемником магистра пехоты Сильвана (Амм. XVI. 11. 2—15). Только преданностью можно объяснить долготее (351—361 гг.?) пребывание на посту презентального магистра конницы Арбициона, которого (единственного из своих магистров войск 351—361 гг.) Констанций, видимо, за войну с Магненцием сделал в 355 г. консулом (CLRE. 245).

⁹⁸ Seeck O. Regesten... S. 201.

Надежность системы контроля над магистрами войск и их лояльность императору отразилась также в том, что Юлиан, планируя⁹⁹ узурпацию, искал поддержки не у офицерства, а у солдат. Уже цезарю Галлу, отправившемуся по вызову Констанция, фиваидские легионы через депутатов обещали верность и поддержку (Amm. XIV. 11. 15), одновременно продемонстрировав императору живучесть среди военных стремлений к возрождению тетрархии. Юлиан завоевывал авторитет у армии не только своими военными успехами, но стремился установить персональную связь между собой, солдатами и провинциалами даже ценой публичного компрометирования высших гражданских властей. Так, в споре с префектом Галлии Флоренцием Юлиан доказывал ему, что сумма трибута превышает государственные потребности (Amm. XVII. 3. 4). Заинтересованность Юлиана в их поддержке почувствовали рассчитывавшие на повышения и награды простые солдаты (Amm. XX. 5. 8), т.е. начала складываться тенденция политизации западноримской (в данном случае галльской) армии с неизбежным противопоставлением ее восточноримским войскам Констанция II. Юлиан резко форсировал эту тенденцию, нагнетая недовольство солдат приказом Констанция двинуться на Восток для войны с персами (Amm. XX. 4. 4—11).

Следствием узурпации Юлиана стало не просто назначение им нового командования галльской армии, но выдвижение на магистерские посты офицеров средних рангов; таким образом новый император рассчитывался с войсками, кроме традиционного донатива (Amm. XX. 4. 18), за поддержку. Германец Невитта, бывший препозитом кавалерийской турмы (Amm. XVII. 6. 3), стал магистром конницы Галлии (Amm. XXI. 8. 1—3). Флавий Иовин, ставший преемником смещенного магистра Иллирика Луциллиана (Amm. XXII. 3. 1), видимо, до узурпации Юлиана также относился к офицерам среднего командного звена.

Результатом политизации галльской армии и стремления Юлиана не восстанавливать против себя восточные войска умершего Констанция стало неизбежное нарушение политического равновесия в пользу военных¹⁰⁰. Новый император расправился только с наиболее одиозными фигурами гражданского управления прежнего режима, не наказав ни

⁹⁹ Аргументы в пользу планирования Юлианом узурпации, а не ее спонтанности см.: Müller-Seidel J. Die Usurpation Julians des Abtrünnigen im Lichte seiner Germanenpolitik // HZ. 1955. Bd. 180. S. 225—244.

¹⁰⁰ У. Кэги считает, что Юлиан пытался отстоять примат гражданского элемента в государстве тем, что он назначил первым консулом на 362 г. Клавдия Мамертина. — Kaegi W. E. Domestic Military Problems of Julian the Apostate // BF. 1967. Bd. 2. P. 249.

одного военного и не сместив магистров Констанция Агилона и Арбициона. Оба магистра были, наряду с Невиттой и Иовиным, привлечены к участию в судебном расследовании деятельности гражданской верхушки Констанция, демонстрируя тем самым, по замыслу императора, единство армии империи и непричастность офицерства к злоупотреблениям придворных; пропагандистский характер этой акции очевиден. Примечательно, что на заседаниях трибунала присутствовали трибуны легионов (Amm. XXI. 3. 1—2). В 362 г. Юлиан декларировал примат военных в государстве: *In rebus prima militia est* (CTh. VI. 26. 1). Этой декларацией и предоставлением Невитте консулата на 362 г., видимо, связанных с подготовкой персидской кампании, заигрывания Юлиана с армией ограничились. В текущих делах управления империей Юлиан имел дело со сваей гражданской верхушкой; военным же он не адресовал ни одного закона¹⁰¹. Консулом на 363 г. он назначил вместе с собой префекта Галлии Саллюстия; Аммиан особо подчеркнул почетность этого акта (Amm. XXIII. 1, 1).

При назначении после отставки Агилона и Арбициона командования восточной армии Юлиан, очевидно, стремился избежать ненужных осложнений и ориентировался на не служившее в Галлии в пору его цезарата офицерство Констанция II. Преемниками Агилона и Арбициона на постах магистров пехоты и конницы *in praesenti* стали Виктор и Гормизда; в ходе персидской кампании в ранг магистра был произведен Аринфей. В том, что они не были римлянами, угадывается желание Юлиана оградить себя от узурпации.

Симметрия западно- и восточноримской военной верхушки сразу выявилась после гибели Юлиана, продемонстрировав противоположность их уже сложившихся политических ориентаций: "... собравшиеся предводители войска, призвав командиров легионов и турм, совещались относительно избрания принцепса. И раздираемые бурными страстями Аринфей и Виктор и оставшиеся из придворных Констанция изыскивали кого-нибудь подходящего из своей партии; со своей стороны Невитта и Дагалаиф и галльская знать искали такого мужа из своих соратников" (Amm. XXV. 4. 1—2). Взаимное неприятие на основе осознания себя сформировавшимися целостными структурами западно- и восточноримские военные обнаружили и в ряде инцидентов уже после избрания августом Иовиана. Антиюлиановская кадровая политика Иовиана позволяет предположить, что новый император был ставленником "восточной партии", начав свою службу, как и его отец Варрониан, при Констанции II (PLRE. I. 461; 946). Всякие сведения о Невитте,

¹⁰¹ Seeck O. *Regesten...* S. 202—204.

военном лидере “западной партии”, исчезают из источников сразу после избрания Иовиана, очевидно, не подтвердившего его магистерий. Вслед за отставкой Невитты Иовиан решил отстранить и магистра конницы Галлии Иовина, предложив трибуну гентилев Малариху принять полномочия галльского магистерия. Маларих демонстративно отказался от предложенного ему поста (Amm. XXV. 8. 11), а тесть Иовиана Луциллиан, бывший при Констанции магистром Иллирика, смещенный Юлианом, но вновь восстановленный своим зятем в этой должности, был убит в Ремах солдатами, отказавшимися поверить в гибель Юлиана (Amm. XXV. 10. Поэтому в производстве Дагалаифа в магистры конницы (Amm. XXVI. 5. 2), думается, следует видеть стремление Иовиана успокоить западноримские войска.

После неожиданной смерти Иовиана вновь к жизни был вызван выборный механизм *potestatum civilium militiaeque rectores* (Amm. XXVI. 1. 3), вновь проявилось соперничество высших чинов Запада и Востока. “Западная партия” предложила вначале трибуна первой схолы skutариев Эквиция; “восточная партия” — родственника Иовиана Януария (Amm. XXVI. 1. 4). Обе кандидатуры были отклонены под тем предлогом, что один был слишком неотесан и необразован для императорского достоинства, другой в этот момент находился далеко. В конце концов это противостояние увенчалось компромиссом: императором стал трибун второй схолы skutариев Валентиниан. Западную сторону Валентиниан устраивал как потомственный западноримский офицер, сын военного комита Британии Грациана, имущество которого конфисковал Констанций II за то, что Грациан принял в своем поместье Магненция (Amm. XXX. 7. 2—3). Восточным римлянам в его биографии импонировало то, что Юлиан изгнал Валентиниана как христианина со службы (Soz. VI. 6. 3—6; Socr. IV. 1), а Иовиан не только восстановил его в ранге (Zon. XIII. 15), но и поручил сопровождать своего тестя Луциллиана на Запад (Amm. XXV. 10. 10). В основе компромисса, видимо, лежало соглашение высших должностных лиц Запада и Востока о том, что новый император избереет себе соправителя. По Зосиму (IV. I. 2), Валентиниана к назначению соправителя склонила армия и ближайшие сподвижники (τῶν δὲ στρατολέδων καὶ τῶν ἄλλων πρὸς αὐτὸν ἐπιτηδείως). Филосторгий сообщает (VIII. 8), что патрикий Датиан, влиятельнейший советник Констанция II, рекомендовал письмом префекту Саллюстию, Аринфею и Дагалаифу избрать императором Валентиниана. Очевидно, в послании Датиана, хорошо знавшего кадры армии и бюрократии (даже то, что Валент был братом Валентиниана), содержались план и условия компромисса обеим сторонам: раздел империи по парадигме Констант — Констанций II. Аммиан своеоб-

разно подтверждает эту версию уже тем, что энергично пытается ее опровергнуть. По его мнению, ошибаются те (*nonnulli existimarunt*), кто полагает, что свободное волеизъявление войск относительно немедленного избрания второго императора манипулировалось кучкой подкупленных (*paucis corruptis*) лиц (Amm. XXVI. 2. 4). Думается, что Аммиан, живя и сочиняя свой труд в Риме, будучи вынужденным отражать западную версию (ни один из латиноязычных источников не говорит о письме-рекомендации Датиана) избрания Валентиниана преувеличением политического сознания рядовой армейской массы, полемизирует с восточноримской, более реалистичной, версией. Фемистий например (со всеми скидками на жанр его панегирика) заметил по этому поводу: “Не думайте, о благородные, что воины являются господами такого хиротонирования, но свыше спустился приговор, свыше исполнилось провозглашение” (Them. Or. VI. 73). Однако в другом месте Аммиан приводит данные о том, что настрой войск на избрание Валентиниана поддерживался Эквицием (любопытная метаморфоза для недавно отставленного кандидата на престол) и Львом, *adhuc sub Dagalaifo magistro rationes numerorum militarium tractans* (Amm. XXVI. 4. 1—2).

В целом сведения Аммиана об избрании всех императоров в период 353—378 гг. показывают, что основная часть армии, т.е. солдатский и младший офицерский состав, лишь одобряла уже сделанный (в том числе и в спланированной Юлианом узурпации) выбор, ни разу не отклонив кандидата, предложенного имперской верхушкой¹⁰². С другой стороны, вряд ли приходится сомневаться в том, что только войско, как собрание римских граждан, в целом обладало правом формальной аккламации, без которой избрание императора было недействительным¹⁰³.

В историографии давно ведется полемика о трактовке ряда мест панегирика Симмаха по поводу пятилетнего юбилея правления Валентиниана I. Особенно по поводу фразы: *emeritum bellis virum castrensis senatus adscivit* (Symm. Or. I. 9). И. Штрауб полагал, что это единственное свидетельство об отказе сената от прав на участие в выборе императора, которые перешли к войску¹⁰⁴. Наметься понимание лексемы *castrensis senatus* как всего римского войска, избравшего в 364 г. Валентиниана императором.

¹⁰² См. комментарий Ф. Пашу к Zos. III. 30. 1 (обсуждение вопроса о преемнике погибшему Юлиану): “Зосим утверждает, что высшие офицеры объединились «с армией»; то, что явно невозможно”. — Zosime, *Histoire Nouvelle/Texte établi et traduit par F. Paschoud*. P., 1979. T. 2, Part. 1. P. 210.

¹⁰³ Straub J. *Vom Herrscherideal in der Spätantike*. Stuttgart, 1939. S. 15.

¹⁰⁴ Straub J. *Vom Herrscherideal...* S. 34.

О.Трайтингер считал такое отождествление невозможным, предложив под *castrensis senatus* понимать совет высших гражданских и военных чинов¹⁰⁵. А. Альфельди также выразил, сомнение в трактовке И. Штрауба, попытавшись понять, что заставило Симмаха произнести предательский по отношению к римскому сенату пассаж: “Такие допущения делались сенаторами только под давлением. Нормальным для них было презирать реальный баланс власти и продолжать распевать старую, сладкую песню. И в определенном отношении они были правы, делая так. Это был век, в котором абстрактная теория одерживала триумф над реальностью”¹⁰⁶. Недавно Ф. дель Кикка и А. Пабст категорично отвергли тезис О. Трайтингера, указав на то, что весь контекст девятой главы панегирика противоречит этому¹⁰⁷.

На наш взгляд, Симмах в своей искусно построенной речи позволил себе тонко съязвить в адрес императора, чьи отношения с сенатом были довольно прохладными. Опровергая упорный слух о борьбе факций (*murmura factionum*) после смерти Иовиана и неприятное для Валентиниана утверждение о том, что его избрание было делом немногих (*Symm. Or. I. 8*: “следовательно, ты был сохранен решением множества, чтобы никто не бормотал, что ты был выхвачен предварительным решением немногих”), Симмах по сути дела повторил ту же версию избрания Валентиниана, но в облагораживающих ее категориях конституционно-государственной теории. Согласно последней, вся масса римского войска — это народное собрание (*digna comitia imperii*) свободнорожденных, свободным волеизъявлением (*liberi decernebant*) избирающих себе принцепса, но одновременно они являются армией (*armati*), определяющей себе полководца (*ducem deligere*). Но по конституционным нормам до вынесения вопроса на народное собрание его должен одобрить сенат. Отсюда у Симмаха: до назначенного дня комиций (*concilii dies certus*) “ты был избран императором теми, которые (все) обдумали” (*Symm. Or. I. 8*), а “лагерный сенат одобрил¹⁰⁸ заслуженного в войнах мужа” (*Or. I. 9*). Поэтому считаем, что отожде-

¹⁰⁵ Treitinger O. *Rec. ad. Op.: Straub J. Vom Herrscherideal...// BZ. 1941. Bd. 41. S. 200. Anm. 1.*

¹⁰⁶ Alföldy A. *A conflict of Ideas in the Later Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I.* Oxford, 1952. P. 106.

¹⁰⁷ Q. Aurelii Symmachi v. c. *Laudatio in Valentinianum Seniore* Augustum prior/Introduzione, commento e traduzione a cura di F. del Chicca. Roma, 1984. P. 119; Quintus Aurelius Symmachus. *Reden/Herausgegeben, übersetzt und erläutert von A. Pabst.* Darmstadt, 1989. S. 183.

¹⁰⁸ Ф. Дель Кикка переводит *adscivit* как “a chiamare al polere”, т.е. “назвал для власти”. — Chicca F. del. *Op. cit.* P. 225; А. Пабст — “würdigem”, “wählen” или даже “kooppteren”, т.е. “удостаивать”, “избирать”, “кооптировать”. - Quintus Aurelius Syramachus. *Reden...* S. 132.

ствление *castrensis senatus* со всей армией неправомерно; это скорее те самые *pauci*, или, пользуясь выражением Аммиана, *potestatum civilium militiaeque rectores*.

Таким образом, бесплодность борьбы за реальный политический универсализм при отсутствии легитимного лидера подсказала правящим кругам Запада и Востока верный выход из сложной ситуации: 1) фактический раздел империи на два самостоятельных государства, 2) сохранение идеи универсализма римского мира только в качестве категории политической идеологии, 3) верность принципам константиновой конституции в каждой из частей империи. Механизм уравнивания властей константиновой конституции в ходе кризиса 363—364 гг. обнаружил свою жизнеспособность, явившись гарантом дальнейшего существования позднеантичного типа служилой имперской аристократии и позднеантичной формы монархии. Не случайно цезарат в ходе этого кризиса не возродился, а регенерировалась (но не возникла!) модель *Augusti pari iure*. Каждый из них имел собственную администрацию, в том числе военную. Началась эпоха ранневизантийской государственности и ее военной знати.

В бурный период единой империи 351—364 гг. так же, как и в 337—351 гг. не прослеживается ни одного случая преемственности магистерских постов по фамильному признаку, хотя и зафиксирована устойчивая тенденция к формированию наследственных офицерских кланов. Помимо упомянутых линияжей Грациан — Валентиниан, Валент; Варрониан — Иовиан, имеются сведения о детях магистра конницы Урзицина, служивших при Констанции II офицерами (Амм. XXXI. 13. 8), но так и не поднявшихся до высот военной иерархии. Вполне вероятно, что Констанций лично препятствовал монополизации армейских магистериев; во всяком случае, такой вывод напрашивается из “некролога” Аммиана, отмечавшего тщательное изучение императором кандидатур на высшие административные должности (Амм. XXI. 12. 2—3). Примечательно, что не формировались семьи офицеров (например, Магненций, Сильван — Амм. XV. 5. 16; 5. 33) варварского происхождения. Не исключено, что причиной этого были сравнительно поздние браки варваров, которые свою молодость посвящали по преимуществу службе и возможностям обогащения на ней. Достаточно показателен в этом плане брак Агилона с дочерью Араксия, префекта Константинополя при Прокопии, Ветианой, который состоялся уже после отставки Агилона с магистерского поста; это следует уже из того, что Ветиана осталась вдовой в юном возрасте (PLRE. I. 954; 94).

Судя по источникам, магистры Констанция, Юлиана и Иовиана были людьми не только невысокого (чаще даже

низкого; Ветранион, например, был необразованным — *Aur. Vict. De caes.* 41. 26) социального происхождения, но и не обладали значительными имуществами. Исключение в этом плане составляет только Сабиниан, магистр конницы Востока в 359—360 гг. (*Amm. XVIII. 5. 5: bene numatus*). Евсевий и Урзицин имели дома в Антиохии (*PLRE. I. 308; Amm. XVIII. 4. 3*), хотя считать их куриалами нет оснований. Констанций за преданность “подкармливал” своих магистров: дарил дома (*Lib. Ep. 828*), позволял обогащаться на конфискациях (*Agat. XVI. 6. 1*). Ветранион после сложения императорских инсигний удалился в Прусу (*PLRE. I. 954*), где, видимо, император подарил ему поместье. Барбациону была передана часть имущества Сильвана: рабы и, видимо, какая-то утварь (*Amm. XVIII. 3. 2*). Аммиан рассказывает, что при дворе Констанция царило вечное ожидание поживы среди гражданских и военных должностных лиц; в числе последних особенно выделялся Арбицион (*Amm. XVI. 8. 13*). На отказ служить Прокопию узурпатор приказал конфисковать богатое убранство дома Арбициона, чем оставил последнего без средств к существованию (*Amm. XXVI. 8. 13*). Все это позволяет утверждать, что магистры войск при Константиновой династии, если и обладали недвижимостью, то вряд ли были сколь-нибудь заметными землевладельцами, а следовательно, их богатство не позволяло им содержать собственные вооруженные свиты и оказывать тем самым давление на правительство или на гражданские властные структуры в провинциях в личных и корпоративных интересах.

Необходимо несколько уточнить термин “собственные вооруженные свиты”, являющийся важным в анкете военной знати, предложенной А. Демандтом. Как мы видели, он, хотя и не привел их вероятную численность, считал их достаточными для проведения независимых акций и противодействия властям. Такие свиты состояли издавна (как, например, у народного трибуна Клодия) из клиентов и, реже, вооруженных рабов. Прислуга из рабов у военной верхушки, конечно, была, и количество ее зависело не только от богатства высших офицеров, но и, от связанных с их служебным положением особенностей. Магистры войск имели резиденции в преториях, там же и проживали. Претории охранялись регулярными солдатами, откомандированными в качестве оффикиев магистрам и, следовательно, необходимости в специальной вооруженной страже из рабов не было. С другой стороны, сомнительно, чтобы у армейских магистров, выслужившихся из солдат или младших офицеров, складывалась своя обширная клиентура и прежде всего потому, что военная знать в первой половине IV в. не конституировалась в качестве узкого социального слоя, но стала в результате реформ

Константина открытой по характеру высшей административной группой военной организации.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЗНАТЬ В 364—400 гг.

Летом 364 г. Валентиниан I и Валент, достигнув предместий Наисса, приступили к практической реализации раздела империи. Валент получил фактически те провинции, которыми в 337—350 гг. управлял Констанций II (Zos. IV. 3. 1). Там же, в Наиссе, были разделены войска¹ и их командование, а чуть позже в Сирмии — гражданская администрация. Персональное распределение армейских магистров летом 364 г. стало завершением их ориентации и вхождения в “западную” и “восточную партии”, впервые наметившиеся при избрании Иовиана. С Валентинианом на Запад отбыли Иовин, Дагалаиф, Эквиций; с Валентом на Востоке остались Виктор, Аринфей, Лупицин (Amm. XXVI. 5. 2—6). Началась эпоха независимой ранневизантийской государственности² и военной знати.

Приход к власти после смерти Юлиана паннонских военных, на первый взгляд, как будто должен был создать благоприятную атмосферу для усиления фамильных связей и формирования вокруг императоров властных групп из родственников и земляков. При Иовиане такая тенденция действительно наметилась: он поспешил назначить своего тестя Луциллиана, впавшего при Юлиане в опалу, магистром пехоты и кавалерии. Видимо, он же произвел своего родственника Януария в магистры или, скорее, в комиты Иллирика (PLRE. I. 454), который, кроме того, рассматривался в качестве возможного преемника Иовиану (Amm. XXVI, 1. 4—5). Однако, если не считать демонстративного отказа франка Малариха принять от Иовиана магистерий, никаких других серьезных изменений в военном руководстве не произошло.

В первые месяцы правления Валентиниана I, как и при обстоятельствах его провозглашения, роль паннонского окружения также выступает довольно рельефно. Так, паннонцы Эквиций и Лев активно поддерживали настрой армии на

¹ О военно-стратегических целях раздела см.: Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969. Bd. I. S. 122—127.

² О парадигме государственно-правовых аспектов раздела см.: Pabst A. Divisio regni. Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen. Bonn, 1986. S. 83—85.

избрание Валентиниана (Амм. XVI. 1.6). В первое время после избрания Валентиниан окружил себя земляками: далматинец Урзакый — магистр оффиций, сискиец Вивеций — квестор дворца (Амм. XXVI. 4. 4), но одновременно прослеживается стремление императора не производить немедленной “смены караула” на прочих высших военных и гражданских постах.

До сих пор в историографии разделяется мнение А. Альфельди о том, что в окружении Валента паннонцы были представлены в еще большей степени³, мнение, основывающееся на упоминании *factio Petronii* Аммианом. Однако анализ верхушки гражданской администрации Восточной империи 364—365 гг. позволяет говорить как раз об обратном. Прежде всего в этой *factio* паннонцем был лишь Петроний. Вознесенный на пост префекта Востока с помощью Петрония Небридий был уроженцем Этрурии (PLRE. I. 619); префект Константинополя Кесарий происходил из Киликии (PLRE. I. 168); магистр оффиций Деценций также был уроженцем восточных провинций (PLRE. I. 244). Примечательно и следующее: Аммиан, не упускавший случая подчеркнуть, что то или иное лицо в окружении императора было земляком Валента, не упоминает в этой связи квестора дворца, комита священных щедрот, которые, видимо, также не были паннонцами. С другой стороны, просопографические данные позволяют твердо вывести одну закономерность: все эти люди в той или иной мере в свое время конфликтовали с юлиановым режимом, либо обладали известным влиянием (комит священных щедрот Иовин, магистр оффиций Деценций) при дворе Констанция II. Очевидно, именно эти заслуги и стали для них лучшей рекомендацией при новом правлении (впрочем, еще и при Иовиане), и, следовательно, кадровый курс Валента в сфере гражданской администрации с самого начала основывался скорее на политических, нежели на этнических симпатиях. Иными словами, костяк антиюлиановской “восточной партии” здесь остался нетронутым, став одним из зримых примеров реального политического раздела империи после 364 г.

Те же принципы персональной политики прослеживаются и в верхних эшелонах военной администрации. Лупицин получил подтверждение своего магистерия, на котором он находился еще при Констанции II. Юлиан, как известно, сместил его как шпиона Констанция и позже даже арестовал; в должности Лупицина восстановил еще Иовиан (PLRE. I. 520). Магистры Виктор и Аринфей не лишились

³ Alföldi A. *A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire*. Oxford, 1952. P. 17; Jones A. H. M. *The Later Roman Empire... V. I*. P. 141.

своих рангов как получившие их от Юлиана, видимо, потому, что они решительно встали на сторону “восточной партии”, заслужив доверие ее гражданских лидеров. Единственным же паннонцем в военном руководстве в первые месяцы правления Валента был комит доместиков Серениан (Amm. XXVI. 5. 3), вскоре убитый Марцеллом (Amm. XXVI. 10. 1).

То, что фактически верхушка гражданской и военной администрации в 364—366 гг. состояла главным образом из представителей режима Констанция, во многом предопределило поддержку Валента восточными провинциями в восстании Прокопия, тем более, что последний слишком явно демонстрировал стремление опереться на приверженцев Юлиана: например, назначение галлов Фронемия и Евфраксия соответственно префектом Константинополя и магистром оффиций (Amm. XXVI. 7. 4)⁴. Если же учесть, что курии Фракии поддерживали Прокопия, “связывая свое недовольство политикой Валента с надеждами хотя бы на частичный возврат к политике Юлиана, к укреплению положения и значения курии”⁵, то представляется возможным говорить о существовавшей тенденции известных противоречий между регионально сгруппированными фракциями куриалов и муниципальной аристократии ранней Византии. Встав на сторону муниципальной верхушки восточных провинций и снискав ее поддержку в ходе восстания Прокопия, Валент на протяжении всего своего правления оплачивал выданный им “политический вексель”⁶. При расставленных таким образом акцентах вряд ли приходится говорить о паннонском засилье при Валенте, в том числе и в военной администрации. Стремительное сближение и ориентация Валента на “восточную партию” стали причиной организации против него заговоров со стороны остатков проюлиански настроенного офицерства. Во всяком случае, только с этим, на наш взгляд, можно увязать упоминание Аммиана о покушении на императора скутария Саллюстия (Amm. XXIX. 1. 15—16), который действовал, видимо, не в одиночку: *ferrumque...adactum a militariibus* (выделено нами. — Е. Г.), что, в свою очередь, лишь укрепляло альянс Валента с выдвинутыми эпохи Констанция II.

Так, Аринфей и Виктор оставались на своих постах, несмотря на свой, видимо, преклонный возраст, вплоть до

⁴ О причинах неприятия политики Юлиана верхушкой восточных провинций см.: Курбатов Г. Л. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия (365—366 гг.) // ВО. 1961. С. 64—92.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ Глушанин Е. П. Система набора солдат в ранневизантийской армии IV в. (К вопросу о некоторых аспектах социальных отношений и социальной политики Византии в IV в.) // ПССИСО. 1984. С. 3—22.

гибели Валента; оба были пожалованы консулатом. Интересно, что оба приняли участие в военных операциях при Валенте, не считая похода под Адрианополь, только один раз — в готской войне 366—369 гг. Но при этом они дважды привлекались к исполнению дипломатических поручений, т.е. к сфере, подконтрольной магистру оффиций: заключение мира с Атанарихом в 360 г., переговоры с персами об армянских делах в 377 г. И в то же время на Востоке в 70-е гг. воевал лично Валент вместе с комитом Траяном и дуксом Вадомарием (Amm. XXX. 1. 18—21) и, видимо, с магистром Востока Юлием (PLRE. I. 481) и комитом Сатурнином (PLRE. I. 877), хотя прямых свидетельств участия двух последних в персидских походах нет. Иными словами, складывается впечатление, что Валент действовал, как некогда Констанций II, лично предводительствуя войсками, а Аринфей и Виктор значительную часть времени проводили в Константинополе, либо в Антиохии, будучи там стражами режима Валента. При этом император, вследствие их варварского происхождения и, главным образом, участия обоих в подавлении восстания Прокопия, мог не опасаться серьезного сближения их с какими-либо оппозиционно настроенными группами населения. Все это, вне сомнения, свидетельствует о большом доверии Валента по отношению к Аринфею и Виктору, но, однако, полностью отсутствуют факты, которые говорили бы об их серьезном влиянии на императора и наличии у них реальных возможностей сделать это.

Прежде всего, не прослеживаются их родственные отношения ни друг с другом, ни с императорской семьей или прочими представителями военной элиты; известно лишь, что Виктор был женат на дочери Мавии, правительницы сарацин (PLRE, I. 958). Увеличил ли этот брак его вес при дворе, однозначно ответить трудно. В целом же ни сам Валент, ни его военное руководство не породнились между собой. Представляется, что в этом проявились принципиальные установки Константиновой конституции. Например, Аммиан, отмечая достоинства Валента, писал: “Всегда настороже и боявшийся, чтобы никто не вознесся выше, прикрываясь родством с ним” (XXXI. 14. 1). В “некрологе” Валентиниану I он подчеркнул, что император также предпочитал оставлять своих родственников частными лицами, либо, в крайнем случае, наделять их средними постами (XXX. 9. 2). После восстания Прокопия Аммиан лишь одного родственника Валента: трибуна Эквиция, исполнявшего в 378 г. обязанности *cura palatii*. Очевидно, его положение при дворе вряд ли было сколько-нибудь заметным, поскольку он упомянут только один раз и в связи с тем, что его должны были выдать готам в качестве заложника, а другого родственника у императора

просто не оказалось (XXXI. 12. 15). Пресловутая вседозволенность трибуна Нумерия в плане отношений родства проблематична: дружба его и Валента до 364 г. не может считаться достаточным свидетельством даже в пользу землячества (XXIX. 2. 17).

Таким образом, военная верхушка при Валенте не могла оказывать существенного влияния на выработку политического курса, пользуясь родственными отношениями с императором. Не случайно поэтому они не упоминаются при решении важных внутренних проблем государства и, наоборот, всюду на первом месте представители гражданской администрации, как, например, в деле нотариуса Феодора. Законы Валента адресованы только гражданским чинам. Отсюда напрашивается вывод, что Валент не произвел серьезных изменений в социальном положении военной элиты и продолжил политику Констанция по недопущению вмешательства военных в гражданские дела. Единственным бросающимся в глаза новшеством было то, что, по сравнению с правлением Констанция, магистры подолгу не сменялись на своих постах: Виктор и Аринфей (363—379 гг.), Юлий (371—379 гг.). Представляется, что император продлевал пятилетний срок магистериев этих своих военачальников по истечению очередного периода полномочий. Несомненно, это было платой за верность: Юлий, например, будучи в 365 г. военным комитом Фракии, был репрессирован Прокопием (Amm. XXVI. 7. 5). Однако, вольно или невольно, при Валенте создался порожденный политическими причинами прецедент длительной несменяемости в военном руководстве, плохо по этому параметру совместимый с магистратской моделью.

Но этим новшеством положение военной элиты при Валенте и ограничилось, причем фамильной монополизации высших военных постов не возникло. О наследственности службы в офицерской среде при Валенте вообще известно довольно немного. За исключением одного случая, у нас нет сведений о детях ни одного из магистров 364—378 гг., как и неизвестно точное социальное происхождение последних. Твердо установленным может считаться только один факт: сын магистра Урзицина, служившего еще при Констанции, Потенций в канун Адрианополя был трибуном промотов (Amm. XXXI. 13. 18). В этом свидетельстве Аммиана, видимо, отразилось уважение к его бывшему командиру, однако подозревать его в “фигуре умолчания” по отношению к отпрыскам других высших офицеров нет оснований, тем более, что он мог бы знать их лично. Скорее все же при Валенте наследственность службы в офицерских семьях традиционно складывалась на низших уровнях военной организации, и, наоборот, можно, на наш взгляд, говорить о своеобразном дефиците командного резер-

ва. Об этом, например, говорит приглашение Валентом, при возникновении чрезвычайных обстоятельств после 376 г., популярного на Западе комита Себастиана и производство его в магистры пехоты (Amm. XXXI. 11. 1). О назначенных в 377 г. магистрами Профутуре и Траяне Аммиан заметил, что “хотя оба... были высокомерны, но неспособны к войне” (Amm. XXXI, 7. 1). После первого же поражения место Профутура, вообще исчезнувшего из источников, занял Себастиан ⁷, Траян был отставлен (XXXI. 11. 1), но позже восстановлен в ранге (XXXI. 12. 1). Сатурнина в 377 г. возвели временно (*ad tempus*) в магистры конницы (XXXI. 8. 3), хотя он также не имел боевого опыта, будучи при Констанции в должности *cura palatii* (Ibid. XXXI. 3. 7). Примечательно, что, несмотря на вызванную чрезвычайными обстоятельствами необходимость удвоения числа магистров ⁸, Валент ни в чем не изменил принципам своей персональной политики: Себастиан происходил из Вифинии, был дуксом Египта при Констанции; Сатурнин ⁹ был репрессирован Юлианом; Траян был дуксом, затем комитом Армении.

При Валенте не произошло, очевидно, никаких серьезных сдвигов в административной инфраструктуре верхушки военной организации; исследования А. Демандта показали, что Валент воспринял и оставил без изменений до 376 г. административную схему магистров Констанция и лишь готское восстание заставило отступить от нее ¹⁰.

Немногое нам известно и о наличии состояний у имперской военной верхушки при Валенте. Виктор и Сатурнин имели близ Константинополя собственные проастии (PLRE. I. sub. nn.); не исключено, что ей могли обзаводиться легче те из них, которые долго исполняли функции регионального командования, что уже само по себе создавало благоприятную атмосферу для втягивания в хозяйственные отношения подконтрольных провинций. Офицерство могло владеть землями и в частном порядке, будучи уже в отставке. Помимо упомянутых проастиев Виктора и Сатурнина, известно, что землями владел магистр Грациана Сапор (Lib. Ep. 957). Однако, на наш взгляд, для военной верхушки это явление было распространено и практиковалось весьма незначительно, по сравнению с солдатами и младшим офицерством.

⁷ Enßlin W. Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches // Klio. 1931. Bd. 24. S. 129.

⁸ Demandt A. Magister militum... Sp. 708.

⁹ Demandt A. Magister militum... Sp. 705; PLRE. I. 921 числит Траяна в 367 г. дуксом Египта.

¹⁰ Demandt A. Magister militum... Sp.708—709.

Уже в эпоху принципата (в подавляющей массе в Египте) зафиксирована солдатская земельная собственность ¹¹, продолжавшая существовать и в ранне-византийский период. Согласно источникам, основной массой военных посессоров были солдаты (CTh. VII. 20. 4) и низшее офицерство (как, например, Фл. Виталиан и Фл. Абинней) ¹² постоянных гарнизонов дукатов. В этом плане примечателен закон 386 г. на имя префекта-августала: “Мы приказываем твоему оффикию и оффикиям исполняющих обязанности наместников провинций все налоги по провинциям Фиваиде и Августамнике взysкивать, собирать, в конце концов, принуждать таким образом, чтобы, если в упомянутых провинциях были военные посессоры, с них в таком же размере взysкивалось через военный оффикий” (CTh. I. 14. 1). Думается, что на дуксов этот закон реального воздействия не оказывал, поскольку они не только в нем не упомянуты, но и в качестве глав военных канцелярий вряд ли стали бы обращать его против себя. Поэтому вопрос о том, были ли дуксы, равно как и военные комиты, в числе военных посессоров, довольно проблематичен. С другой стороны, регулярные перемещения командующих пограничной армией во второй половине IV в. ¹³, видимо, делали непривлекательными для многих дуксов приобретение земельных имуществ по месту службы вследствие слабых возможностей контролирования их хозяйственного функционирования в случае назначения их в новые, более удаленные от прежних, дукаты. Отсюда следует, что местная, провинциальная, военная элита предпочитала обогащаться, используя возможности государственного аппарата.

Одним из таких средств был так называемый “военный патронат”, спектр оценок которого в историографии весьма широк: от безоговорочного признания до не менее безоговорочного отрицания. Спорными продолжают оставаться и реконструкции тех конкретных механизмов, которые позволяли реализовываться военному патронату как специфической форме позднеантичных патроциниев. Целый ряд исследователей не сомневаются в том, что экономическая мощь офицерства в качестве провинциальных землевладельцев была той основой, на которой процветал патронат. Давно практикуются и схемы, пытающиеся

¹¹ Lewis N. Soldiers Permitted to Own Provincial Land // BASF. 1982. V. 19. 143—148; Wierschowski L. Heer und Wirtschaft. Das römische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfactor. Bonn, 1984. S. 74—87.

¹² Rémondon R. Militaires et civils dans une campagne égyptienne au temps de Constance II // Journal des Savants. 1965. P. 140—141.

¹³ Согласно А. Джонсу, в среднем один раз в три года. — Jones A. H. M. Op. cit. V. I. P. 381.

обобщить эволюцию военного патроната в IV в., который “обнаруживается сначала у низших рангов около середины IV в. в папирусах Абиннея, достигает ко времени Либания средних рангов, а в 399 г. в кодексе Феодосия называются в качестве *patroni* также *magistri militum* и *comites*”¹⁴. Представляется, однако, что более пристальный анализ всех трех составленных в одной концепции данных в отдельности выявляет их разнородность, крайне слабую взаимосвязь, позволяющую сомневаться в общих выводах концепции. Например, изучение применения термина *patron* в архиве Абиннея в 11 папирусах, в которых он прослеживается (P. Abin. 4; 25—29; 31; 34—37), показывает, что он использовался в качестве формулы обращения младших по званию и низших по социальному статусу к старшему, даже без тени намека на отношения патроциния-патроната. Как правило, он применялся в кратких отчетах эпимелетов и актуариев военной анноны (P. Abin. 4; 26; 29), наборщиков рекрутов (35), доверенных лиц Абиннея (25; 36—37), в служебных рекомендациях (31), просьбе об отпуске сына (34); в двух случаях — в жалобах деревень на насилия солдат (27—28), находящихся под командованием Абиннея, с угрозой обратиться в город за помощью к своему землевладельцу и препозиту Кастину, т.е. о военном патронате в этом собрании папирусов вообще нет речи. Папирологи полагают, что полисемия слова “патрон” не позволяет рассматривать его как индикатор патроциниев, за исключением того случая, когда оно прямо ассоциируется с “*geuchos*”. По наблюдениям И. Ф. Фихмана, во всем обширном собрании оксиринских папирусов имеется лишь одно упоминание военного в качестве патрона, а именно в P. Оху. XII. 1424 от 318 г.¹⁵ Хотелось бы отметить, что и литературным источникам не чужда такая же семантика термина “патрон”, исключая отношения патроциниев. Так, Аммиан сообщает, что протектор Антонин, некогда преуспевающий купец, обратился к магистру Урзицину: *patron et dominus* (Amm. XVIII. 8. 5).

Все еще спорными в оценочном плане продолжают оставаться данные Либания из речи “О патроциниях”. В компромиссной гипотезе Ж.-М. Каррье реконструкция исходит из того, что военные выступали патронами лишь собственных колоннов и держателей. Антимилитаристская же риторика Либания, сильно абсолютизирующая отдельные факты, была обусловлена конфликтом “муниципальной аристократии и военной плутократии” из-за колоннов, бе-

¹⁴ Demandt A. Der spätrömischen Militäradel... S. 631.

¹⁵ Fikhman I. F. Les “patrocinia” dans les papyrus d’Oxyrhynchus // Actes du XVe congrès international de Papyrologie. Bruxelles, 1979. Part IV. P. 189; 194.

жавших от гражданских собственников к военным¹⁶. Компромиссным в концепции Ж.-М. Каррье продолжает оставаться допущение того, что военные (не ясно, какого уровня) превратились в землевладельцев, конкурирующих с куриалами. Однако сведений о крупных перемещениях земельной собственности, которые позволили бы на руинах муниципального землевладения возникнуть крупным массивам бывших офицеров, либо военных, находящихся на службе, нет. Тем более о таких крупных новых поместьях, владельцы которых могли бы себе позволить в силу богатства и влияния патронировать по отношению к колонской округе. С другой стороны, справедливо подмечено, что в “*De patrociniis*” не упоминается, “что генералы действительно становились собственниками защищаемых ими земель”¹⁷. И уж во всяком случае данные знаменитой речи Либания плохо стыкуются со сведениями архива Абиннея в плане нарастающего развития в IV в. военного патроната.

Столь же непросто обстоит дело и с упоминанием высшего офицерства в качестве предоставляющих патроцинии под 399 г.: “Мы определяем, чтобы тот, кто пытался предоставить патроцинии, какого бы он ни был достоинства: магистра ли обоих родов войск, либо комита, или из проконсулов, викариев, августалов, трибунов, или сословия куриалов, либо какого-то прочего достоинства...” (СТh. XI. 24. 4). Хотя военные и обладали определенными властными позициями, делавшими их защиту привлекательной для населения, отмечают специалисты, с другой стороны, “при чтении юридических источников не возникает впечатления, что использовавшийся военными патронат был тем, что доставляло правительству заботу. Офицеры, гражданские, чиновники, частные лица названы беспорядочно, без того, чтобы какая-то группа была пожалована особым вниманием”¹⁸. Трудно предполагать, чем было мотивировано это огульное предупреждение потенциальным патронам, но единичные случаи предоставления переименованными лицами патроциний вряд ли можно оспаривать. Обращает на себя внимание в этом перечне отсутствие верхушки гражданской администрации империи, как если бы она никогда не была связана с патроциниями: префекта и комита Востока, магистра оффиций и прочих комитов

¹⁶ Carrié J. -M. Patronage et propriété militaires au IVe s. Objet rhétorique et objet réel du discours Sur Les Patronages de Libanius // BCH. 1976. V. 100. P. 169—174.

¹⁷ Liebeschuetz J. H. W. G. Antioch. City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 206.

¹⁸ Krause J.-U. Spätantike Patronatsformen im Westen des Römischen Reiches. München, 1987. S. 76.

консистерия. Если же законодатель исходил из того, что присутствие их в окружении императора исключало для них возможность предоставления патронатных, то это, очевидно, справедливо и для презентальных магистров. Строго говоря, подозревать в злоупотреблениях, связанных с патронатом, из высших военных можно было бы только магистра Востока Модерата за заботу и защиту поместья Талассия (Lib. Ep. 1057). Можно ли считать этот случай примером типичного¹⁹ патроната, нанесшего ущерб государству, или просто дружеской услугой Модерата, контекст письма Либания не позволяет ответить однозначно. С другой стороны, в Модерате вряд ли возможно видеть и того, названного ретором стратегом, офицера, к защите которого около 390 г. прибегли колонны Либания (Or. 47. 13). И последнее: на наш взгляд, указанный закон от 10 марта 399 г. не имел конкретного адресата из высших военных. Как показал Г. Альберт, в 399 г. Евтропий сосредоточил верховное командование армиями Восточной империи в своих руках, удалив всех магистров и оставив их посты вакантными²⁰. Занимавший же должность магистра Востока в 396—398 гг. Симпликий (PLRE. II. 1013—1014), насколько это видно из содержания изданных на его имя законов (CTh. VI. 4. 29; VII. 7. 3; VIII. 5. 56), пользовался большим доверием правительства Евтропия. Анализ же запретительных и императивных предписаний должностным лицам в кодексе Феодосия показал не только их противоречивость, но также и то, что “государи так открыто заявляли об их законодательной недостаточности и недееспособности для прошлого, настоящего и будущего (!) и поднимали указание на эту слабость до, так сказать, служебной инструкции... Понятия как “абсолютность” и “непогрешимость”, не могли поэтому играть большую роль в законодательно-административной области для позднеримской императорской власти и идеологии”²¹. Во всем этом, как представляется, и кроется разгадка “ничейной” конституции от 10 марта 399 г.

И все же военный патронат был реальностью, учитывая хотя бы то, что закон 360 г. свидетельствует, что в Египте патронат представлялись дуксами (CTh. XI. 24. 1). О периодичности его и размахе можно лишь догадываться; при этом источники свидетельствуют о том, что шансы низшего состава офицерства в этом смысле были не велики.

¹⁹ Обзор терминологии см.: Krause J.-U. Op. Cit. S. 3—5.

²⁰ Albert G. Stilicho und der Hunnenfeldzug des Eutropius // Chiron. 1979. Bd. 9. S. 621—645.

²¹ Noethlichs K. L. Beamtentum und Dienstvergehen. Zur Staatsverwaltung in der Spätantike. Wiesbaden, 1981. S. 55.

Рост же состояний военной элиты, центральной и местной, в минимальной степени связывался с земельными имуществами, но в большей мере с вымогательствами, взятками, спекуляциями собственными привилегиями. Примечательно отсюда противопоставление языческой истриографией офицерам-стяжателям тех военных, которые обнаруживали презрение именно к деньгам: таковыми выведены Себастиан (Eunap. fr. 47), Баутон (Zos. IV. 33. 2), Промот (Zos. IV. 51. 3), Арбогаст (Zos. IV. 53. 1). А отсутствие крупных земельных имуществ у высших офицеров ранней Византии второй половины IV в. лишало их экономической возможности содержать собственные вооруженные свиты. В этой связи гораздо больше соответствует действительности тезис, что “на местном уровне, в городе или сельской округе таких провинций, как Египет и Сирия, наличествовала тенденция, что богатые гражданские имели больше влияния, чем военные. Процесс милитаризации провинциальной жизни не был завершен”²².

Одним из главных последствий адрианопольской катастрофы, наряду с гибелью лучших походных сил Востока²³, стала практически полная смена военного руководства, что уже само по себе не позволяет говорить о едином, в плане преемственности, слое военной знати. Часть военачальников пала в битве, другая постепенно была отстранена Феодосием (Виктор, Юлий); из магистров Валента дольше всех на службе оставался Сатурнин. Военная катастрофа обернулась серьезными политическими последствиями для молодой ранневизантийской государственности: фактически распалась (частью вследствие гибели под Адрианополем, частью из-за деморализации) “восточная партия”, отстаивавшая реальную независимость Восточной империи от Западной. Валент, как известно, перед сражением оставил под защитой стен Адрианополя во главе с префектом (Востока Абургием? — PLRE. I. 5) свой походный консисторий (Amm. XXXI. 12.10).

Очевидно, первые месяцы после катастрофы они оставались там, не имея возможности влиять на военный ход событий в Константинополе или в Антиохии. Развал “конституционного совета” высших военных и гражданских чинов империи, дисбаланс властных структур, прямое вмешательство Запада в дела Востока стали прямым следствием изоляции остатков режима Валента. В самом деле, магистр Востока Юлий осенью 378 г. без согласования с кем-либо²⁴

²² Kaegi W. E. Jr. *Byzantine Military Unrest...* P. 19. К сожалению, нам не доступно: Price R. M. *The Role of Military Men in Syria and Egypt from Constantine to Theodosius II.* Diss. Oxford, 1974.

²³ О масштабах катастрофы см.: Hoffmann D. *Op. cit.* Bd. I. S. 455—458.

²⁴ Критику версии Евнапия-Зосима о причастности сената к избиению готов см.: Zosime. *Histoire Nouvelle: Texte établi et traduit par F. Paschoud P.*, 1979. T. II. Part 2. P. 389—391.

отдал приказ об уничтожении готов в Малой Азии (Amm. XXXI. 16. 8); жена Валента Домника распорядилась вооружить еще недавно бунтовавший против ее мужа (Amm. XXXI. 11. 1) народ Константинополя (Soz. VII. 1. 2; Socr. V. 1); Грациан вмешался посредством посылки своего магистра войск Сапора в дела антиохийской церкви (PLRE. I. 803). Но самым серьезным последствием адрианопольской катастрофы для ранневизантийской государственности стало прямое назначение нового августа Востока Грацианом, что означало отстранение прежде правящих восточноримских кругов (так и не сумевших оправиться от деморализации и неразберихи в течение пяти месяцев после гибели Валента) от выборов “своего” императора. Отсюда новый император прибыл на Восток независимым и полновластным хозяином, принес с собой собственное видение решения проблем, беспрепятственно сменив курс в религиозной федератской, внешней и персональной политике, формируя императорскую верхушку по своему усмотрению. Эту новую имперскую гражданскую и военную элиту, вследствие ее сильной ориентации на императора и игнорирования ряда восточноримских политических традиций, мы предлагаем называть феодосианцами.

В сфере военной администрации новыми людьми для Восточной империи стали Рихомер, Арбогаст, офицеры франкского происхождения, посланные Грацианом на помощь Валенту и Феодосию (Zos. IV. 33). Думается, что их заметное положение в военном аппарате в первые годы правления Феодосия было обусловлено следующими обстоятельствами: они, видимо, не были причастны к интригам против Феодосия-старшего²⁵ и, главное, были представителями западноримской военной знати, из среды которой вышел новый август Востока. Не вступая в дискуссию “за” или против реального существования при Феодосии властной группы из испанцев, на наш взгляд вполне правомерно говорить, что в военном окружении императора лидировали выходцы из западноримской военной знати в целом, но не испанской ее ветви²⁶. Для Византии же все они были западными римлянами, олицетворением политической практики западного двора, хотя с прибытием на Восток они и оторвались фактически от своих корней и на время превратились в ранневизантийскую военную элиту, в какой-то мере деформировав прежнюю модель.

²⁵ Подробнее см.: Demandt A. Der Tod des Alleren Theodosius // *Historia*. 1969, Bd. 18. S. 616—625.

²⁶ Строго говоря, полной монополией испанцы не обладали и в гражданской администрации. - Matthews J. F. Gallic Suppoters of Theodosius // *Latomus*. 1971. V. 30. F. 4. P. 1073—1099.

Но феодосианская военная знать, как собственно и гражданская, не состояла исключительно из западных римлян: император умел подбирать и талантливых офицеров восточного происхождения. Так, когда после заключения мира с готами в 382 г. Сатурнин сложил свои полномочия, новыми магистрами, видимо, вскоре ²⁷ были назначены Тимасий и Промот. Оба служили при Валенте командирами небольших подразделений походной армии ²⁸ и, вероятно, при Феодосии принимали участие в ликвидации военных последствий адрианопольского кризиса ²⁹. Не исключено, что Тимасию при таком быстром, совершенно невероятном при Валенте продвижении по службе помогли родственные связи, поскольку, как считается, он мог быть родственником императрицы Флаккиллы ³⁰. И, наоборот, Промот выдвинулся благодаря своим боевым заслугам. Во всяком случае, в 391 г., после ссоры обоих магистров с влиятельным Руфином, Тимасий остался при дворе, Промот переведен во Фракию, где погиб (Zos. IV. 51. 1—3). Если принять во внимание также факт, что Абундаций, назначенный магистром в 392 г., служил еще при Грациане и позже был в почете у Феодосия (Zos. V. 10. 1), то, видимо, можно предположить, что Феодосий в кадровой политике, насколько это было возможно, отдавал предпочтение офицерам западноримского происхождения, либо служившим ранее в войсках Запада.

В новой военной элите определенное место занимали варвары, что было одним из негативных последствий адрианопольского кризиса. Но нероманизованные варвары-магистры недолго занимали свои посты (Модарес, Бутерих), и в целом Феодосий, видимо, стремился не допускать их к вершинам военной иерархии ³¹.

В отношении восточного магистерия, думается, император пошел на компромисс, продиктованный здравым смыслом. Хотя и здесь как будто не видно военных, тесно связанных с предыдущим правлением, но, с другой стороны, ни один

²⁷ Demandt A. *Magister militum...* Sp. 713.

²⁸ Тимасий: στρατιωτικῶν ἡγεσιμένω ταγμάτων. — Zos. V. 8. 3.

²⁹ Промот: ὁ στρατηγὸς τῶν κατὰ Θράκην λεξῶν. — Zos. IV. 35. 1.

³⁰ Chastagnol A. *Les espagnols dans l'aristocratie gouvernementale à l'époque de Theodose // Les empereurs romains d'Espagne*. P., 1965. P. 288—290. Гипотеза Д. Мэттьюза о том, что Тимасий имел солидный вес в армейских кругах до избрания Феодосия, все же не находит опоры в источниках; связи его с Сиагриями столь же проблематичны. — Matthews J. F. *Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364—425*. Oxford, 1975. P. 95.

³¹ Глушанин Е. П. О некоторых причинах появления антиварварских настроений в общественно-политической мысли Византии конца IV—начала V вв. // АДСВ: проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 14—25.

из офицеров западноримского происхождения не стал при Феодосии магистром Востока (Хеллебих, Модерат, Аддей). Западный римлянин на этом сложном посту с неизбежностью столкнулся бы с массой непонятных ему традиций, проблем, вплоть до открытых проявлений оппозиционности. Однако все указанные магистры Востока не были просто нейтрально настроенными профессионалами, они были феодосианцами. В этой связи примечательно, что после смерти Феодосия, в пору изгнания феодосианцев с высших постов военной администрации, параллельно со ссылкой Тимасия (Zos. V. 8. 3—9) и Абундация (Zos. V. 10. был лишен магистерия также Аддей, замененный уроженцем Пентаполя Симпликием (PLRE. II. 1013).

В начале 383 г. в Британии произошла узурпация Максима, событие, прямо затронувшее всю политику, том числе и персональную, Феодосия I. После гибели Грациана Феодосий стал нуждаться в сильном федератском корпусе, а после обострения отношений с Максимом стал готовиться к войне с Западом. Причем, по нашему мнению в своем отношении к будущему Западной империи Феодосий руководствовался идеей воссоединения обеих империй под своей эгидой. Этот курс, для реализации которого императором бросались восточноримские ресурсы, мы предлагаем называть политическим универсализмом³².

В ходе подготовки к войне с Максимом Феодосий не только ужесточил налоговое бремя, требуя адэрации повинностей (Lib. Or. XIX. 25; CTh. VIII. 4. 17),³³ но и столкнулся с открытым проявлением недовольства со стороны населения восточных провинций, апогеем которой стал антиохийский “мятеж статуи”. Поэтому, нуждаясь прочном тыле, он подыскивал кандидатуру на пост префекта Востока из лиц восточноримского происхождения, которая, по мысли императора, стала бы символом единения граждан, управляя во время его отсутствия. После долгих колебаний Феодосий остановился на ликийце Татиане, служившем еще при Констанции II и бывшем при Валенте комитом священных щедрот, но после 380 г. не занимавшим никаких должностей (PLRE. I. 878). В ряду префектов Востока при Феодосии он один был представителем гражданской администрации прежних правлений; все прочие были уроженцами и выходцами из Западной империи: Неотерий, Флор, Постумиан, Кинегий, Руфин (PLRE. I. sub nn.)³⁴. Префектом Константинополя импе-

³² Подробнее см.: Gluschanin E. P. Die Politik Theodosius' I. und die Hintergründe des sogenannten Antigermanismus im Oströmischen Reich // *Historia*. 1989. Bd. 38. Hf. 2. S. 230—231.

³³ Подробнее см.: Liebeschuetz W. J. C. op. cit. P. 164; Petit P. *Libanius et la vie municipale d'Antioche au IVe siècle après J. -C.* Paris, 1955. P. 146.

³⁴ Восточные римляне из числа сотрудничавших с феодосианцами западноримского происхождения, в отличие от последних, допускались, как правило, лишь к второстепенным постам имперского управления: Северин — комит частных дел и священных щедрот; Евтихиан — комит священных щедрот; Прокул — комит священных щедрот и префект Константинополя. Даже этот краткий перечень позволяет говорить, что восточ-

ратор сделал Прокула, сына Татиана, издавна сотрудничавшего с феодосианским режимом и хорошо зарекомендовавшего себя во время “мятежа статуй” (PLRE. I. 746—747). Не исключено, что в Прокуле Феодосий надеялся иметь противовес в случае нелояльных действий Татиана. Однако события, произошедшие в период отсутствия императора в Константинополе, обманули ожидания Феодосия. Именно в период вынужденных для Феодосия компромиссов (388—391 гг.) постепенно вырабатывается вновь стиль независимой восточноримской, антифеодосианской по духу, политики. Татиан и Прокул правили, опираясь на своего рода *factio* из земляков, мало заботясь о том, понравятся ли их действия отсутствующему императору. Прокул ввел новый порядок распределения анноны среди схолариев Константинополя (CTh. XIV. 17.10). Татиан без какого-либо разрешения учредил ряд новых налогов и повинностей для городского плебса и предпринял ряд антиклерикальных мер (CTh. XII. 1. 131; XI. 1. 23; XVI. 2. 27; 28; IX. 40. 15; XVI. 3. 1). Самостоятельность его дошла вплоть до несанкционированных Феодосием проскрипций (CTh. IX. 42. 12; 13). Правление Татиана было восторженно воспринято Либанием, подчеркнувшим, что антиохийская курия наконец вздохнула свободно (Lib. Ep. 840). Татиан быстро сошелся с остатками режима Валента: например, известное влияние на него оказывал бывший префект Востока Абургий (Lib. Ep. 906; 960).

Возвращение Феодосия из Италии означало начало реакции на возродившуюся “восточную партию”. Со своих постов постепенно были удалены Татиан и Прокул, причем последний был вскоре казнен (Eupar. fr. 59); со службы изгнаны были ликийцы — земляки Татиана (CTh. IX. 38.9)³⁵. Законы Татиана были отменены (CTh. X. 22. 3). Заметно стремление феодосианцев не выпускать из-под своего контроля пост магистра оффиций: вслед за Кесарием и

норимским коллаборационистам, несомненно, лучше западных римлян знакомых с реалиями финансовой системы Востока, Феодосий предуготовлял роль “громоотвода” своей налоговой политики. С другой стороны, за исключением Небридия в 386 г., пост префекта Константинополя на протяжении правления Феодосия замещали представители знатных семей Востока. Думается, что во второй половине IV в. эта должность носила публично-правовой, титулярный характер, отражавший как реальное место Константинополя в империи, так и константинопольского сената, главой которого был префект. — Ср. Dagron G. Naissance d'une capitale. P., 1974. P. 251—254.

³⁵ О хронологии и отражении этих событий у Клавдиана см.: Barnes T. D. The Victim of Rufinus // CQ. 1984. V. 34. F. 1. P. 227—230.

Руфином магистром официий в 394—395 гг. был Марцелл креатура Руфина; Аврелиан же был смещен с этого поста вслед за устранением Татиана, не пробыв на нем и полгода³⁶. Наиболее серьезной особенностью феодосианской реакции после 391 г. стало то, что на важнейших административных постах появились галлы, прибывшие с Феодосием³⁷. Несомненно, это не могло не вызвать озлобления знати восточных провинций, столь грубо отстраненной от власти; можно сказать, что причины будущего социально-политического кризиса 395—400 гг. были, тем самым, лишь углублены.

Очевидно, от политики непринятия Феодосием восточной знати (внешне это выразилось даже в том, что император не посещал восточных провинций³⁸) выиграл, прежде всего, Константинополь, все больше приобретающий черты подлинной столицы империи. И именно в Константинополе большая часть высших офицеров-феодосианцев приобретала имущества³⁹, что, в свою очередь, при наличии в нем гвардии вряд ли было совместимо с возможностью содержания ими частных вооруженных свит. Неприятие знати восточных провинций Феодосием отразилось и на военной верхушке; оторвавшись от Запада, на Востоке она не приобрела прочных социальных связей, что вело к ее замкнутости и, с другой стороны, неприятию ее муниципальной аристократией ранней Византии. Фактически только смерть какого-либо магистра открывала в военной элите вакансию, заместить которую уроженцы восточных провинций тем не менее не могли. Таким образом, причиной длительной несменяемости (а, следовательно, и деформации магистратской модели) высшего военного руководства при Феодосии, как и при Валенте, были, прежде всего, политические факторы, что также вело к дефициту командного резерва, проявившемуся в 396—399 гг.

Отсюда неудивительно, что от происходящих в начале 90-х гг. IV в. перемен в государственном аппарате почти полностью в стороне остались военные: только на место погибшего Промота стал Стилихон, ушедший вскоре на Запад. Фактически в 395 г. военная элита ранней Византии была представлена Абунданцием, Тимасием, Аддеем, смещение которых Евтропием, наряду с кратковременным возвышением и падением Гайны и Фравитты, привело к полному обновлению военного руководства. Следовательно,

³⁶ Clauss M. *Der Magister officiorum...* S. 121—122; 148—149; 167—170.

³⁷ Matthews J. F. *Galic Suppoters of Theodosius..* P. 1073—1099.

³⁸ Seeck O. *Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahren 311 bis 476 n. Chr.* Stuttgart, 1919. S. 251—283.

³⁹ Janin R. *Constantinople byzantine.* P., 1964. P. 421; 417; 358; 352; 477.

ни о какой наследственности и преемственности военной элиты IV и V вв. говорить не приходится. Известно, что детей имели Тимасий и Промот (Zos. V. 9; 3. 1), но их не видно в офицерском корпусе Аркадия или Феодосия II. Кроме Стилихона, никто из крупных военачальников не установил прямых родственных связей с правящей династией, т.е. с этой позиции они вряд ли обладали влиянием на императора. С другой стороны, брак Стилихона с Сереной не стал гарантией его стремительной военной карьеры⁴⁰, которая по срокам аналогична карьерам других магистров. Примечательно, что до назначения Стилихона магистром источники почти ничего не сообщают о нем и тем более о его влиянии при дворе; даже Клавдиан смог посвятить этому периоду жизни Стилихона лишь несколько строк (Claud. Laus Ser. 190—193).

Однако именно при Феодосии социальное положение ранневизантийской военной элиты до известной степени упрочилось. Прежде всего, Феодосий повторил ранговый закон Валентиниана I об уравнивании магистров войск с префектами претория и города (CTh. VI. 7. 2). Отсюда с неизбежностью встает вопрос о том, действовал ли реально этот закон при Валенте на территории Восточной империи: иначе не совсем ясно, зачем спустя восемь лет понадобилось его повторять. Не следует ли в этом случае говорить о копировании западноримской политической практики западноримскими военными, ощутившими необходимость правового закрепления своего социального статуса? Думается, что прямым следствием этого закона было дарование ряда привилегий магистрам, которых они не имели при двух предыдущих правлениях на Востоке: предоставление квартиры после отставки (CTh. VII. 8. 3), освобождение от *munera sordida* (CTh. XI. 16. 18), право пользования *cursus publicus* (CTh. VIII. 5. 44), участие в судебных процессах через представителя (CJ. II. 12. 25).

Очевидно, этим новации Феодосия по отношению к военному руководству ограничились. Серьезных изменений в административно-функциональной инфраструктуре магистров войск, которые давали бы им какие-то рычаги воздействия на выработку политики, не произошло. Мы в полной мере разделяем сомнения А. Демандта в правомерности трактовки сведений Зосима (Zos. IV. 27) об увеличении числа магистров Феодосием с двух до более чем пяти, в духе концепции всеобъемлющей реформы высшего командования⁴¹. Вряд ли прав Л. Варради, усматривающий во фразе Паката: “Тогда ты делишь свои войска

⁴⁰ О карьере Стилихона см.: Mazzarino S. *Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio*. Roma, 1942. P. 100—103; Enßlin W. *Op. cit.* S. 143.

⁴¹ Demandt A. *Magister militum...* Sp. 720—723.

натрое, вследствие чего и смущаешь возросшим страхом дерзость врага⁴² — подтверждение указанному месту Зосима, а, следовательно, отражение факта учреждения трех региональных и двух презентальных магистериев⁴². Думается, что здесь речь скорее идет о конкретном плане, тактике кампании 388 г. Отсюда довольно проблематичными выглядят выводы Д. Хоффманна об окончательном организационном вычленении презентальных армий, имевшем место, по мнению автора, в 388—391 гг., как следствие командной реформы Феодосия⁴³. Ф. Пашу, комментируя это место Зосима и датируя его 379 г., отметил, что Зосим просто констатировал факт пропорционального увеличения расходов на содержание возросшего числа магистров, поэтому нет необходимости соотносить с данными *Notitia Dignitatum* двукратное напоминание Зосима об изменении количества армейских магистров с двух и “до более чем пяти”⁴⁴. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на следующее: сведения того же Зосима показывают, что назначение командующих в походах против Максима и Евгения было вполне традиционным и вовсе не говорит о создании презентальных армий, состоящих из обоих родов войск. В 388 г. Тимасий был поставлен во главе пехоты, а Промот — конницы (*Zos. IV. 45. 2*); в 393 г. командиром кавалерии сначала был Рихомер, затем Стилихон (*Zos. IV, 55. 2—3*), командиром пехоты Тимасий (*Zos. IV. 57. 2—3*). Ситуация с вычленением презентальных армий, соответственно, реформирование высшего военного командования прямо зависели от исхода кампании 393—394 гг. и последующего соперничества западного и восточного дворов. В свое время О. Зеек, анализируя оборонное положение Востока в тот момент, когда основные его силы были задействованы в походе против Евгения, отмечал его критичность: Аркадий не мог сколько-нибудь серьезно противодействовать варварским вторжениям именно в силу того, что Феодосий увел с собой основную массу походных войск⁴⁵. По мнению А. Джонса, “Феодосий оставил после себя только магистра Востока и одного презентального магистра, и что три других командования были поспешно симпровизированы”, отметив, однако, что только Евтропий “создал организацию военного командования, которую мы находим в *Notitia*”⁴⁶. В другом месте А. Джонс предполагает, что Абунданций (который был одним из военачальников, не связанных с магистерием Востока, мог остаться в Кон-

⁴² Pan. Lat. XII. 33. 2—3; Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens. 376—476. Amsterdam, 1969. S. 46.

⁴³ Hoffmann D. Op. cit. Bd. I. S. 505—510.

⁴⁴ Zosime. Histoire Nouvelle... Т. II. Part. 2. P. 392—393.

⁴⁵ Seeck O. Arkadies // RE. 1893. Bd. I. Sp. 1145.

⁴⁶ Jones A. H. M. Op. cit. V. I. P. 178; V. 3. P. 33. N. 10.

стантинополе) получил отставку с поста магистра уже в 393 г. для того, чтобы продолжить службу уже в консistorии при Аркадии (PLRE. I. 5). Но в любом случае речь не может идти о наличии под столицей особых презентальных войск до 395 г.

Думается, что лишь после возвращения византийских войск с Запада создалась возможность расквартировать вокруг столицы особые части, подконтрольные презентальным магистрам. По всей видимости, первыми такими презентальными магистрами нового типа (имеющими собственные армии, а не являющимися верховными командующими пехоты или кавалерии, что по характеру их реальных полномочий сильно напоминало комитов августов эпохи принципата) стали Гайна и Лев, назначенные Евтропием командовать двумя походными группировками, дислоцированными по обе стороны Геллеспонта в 399 г. (Zos. V. 14. 1—2).

В связи с этими обстоятельствами встает вопрос о характере отряда, который охранял Руфина в 393—395 гг. Клавдиан называет его частно-клиентским (Claud. In Ruf. II. 76: *armata clientum agmina privatis*), стремясь создать впечатление, что официальные силы отвернулись от временщика. “Галльская хроника” сообщает: “Когда Руфин Босфоританец достиг вершины службы, он, не терпевший, чтобы ему предпочитали Стилихона, был убит им же после того, как гуннская стража, которой он поддерживался, была побеждена“ (MGH AA. T. 9. 650. 34). Обычно в историографии это оценивалось как первый в ранневизантийской истории случай использования частной свиты из букеллариев высокопоставленным должностным лицом. У. Либешютц заметил недавно, что ставить этот пример в один ряд с букеллариатом крупных землевладельцев нельзя; Руфин просто обладал телохранителями как лицо, управляющее Востоком во время отсутствия императора.⁴⁷ На наш взгляд, это были не столько телохранители Руфина, сколько какой-то временный паллиатив охраны дворца и частично города, поскольку они ни словом не упомянуты Клавдианом при описании убийства Руфина (Ibid. II. 40). Руфин, видимо, не без санкции Феодосия или Аркадия сформировал этот отряд в чрезвычайных обстоятельствах ослабления центрального мобильного резерва империи, а это уже само по себе свидетельствует в пользу военно-государственного института, а не вооружен-

⁴⁷ Liebeschuetz J. H. W. C. *Generals, Federates and Buccelarii in Roman Armies around AD 400 // The Defence of the Roman and Byzantine East. Oxford, 1986. P. 469.*

ной свиты частного лица. Примечательно, что в создании этого отряда высшие военные никакой роли не сыграли.

В литературе издавна дискутируется вопрос о природе влияния Гайны на армию, с помощью которой он оказал сильное давление на правительство, добившись отставки Аврелиана. В последнее время наметилась тенденция (прежде всего, в работах Г. Алберта и У. Либешютца) объяснять этот феномен следующим образом: армия Гайны состояла из федератов, набранных не на основе договоров племен с империей, но принятых на службу лишь на неопределенный, но не на длительный срок, индивидуально. Учитывая слабую гарантию их возможности продолжать службу столь долго, сколько бы они хотели, складываются личные связи между полководцем и завербованными им федератами. На этой основе складывается протобукеллариат, либо даже “чистый” букеллариат.⁴⁸ Приглядимся, однако, внимательнее к карьере Гайны для того, чтобы определить, насколько указанная концепция соответствует действительности. Гайна начал службу простым солдатом (Soz. VIII, 4. 1), что подразумевает как его незнатность, так и отсутствие у него в начале карьеры отряда соплеменников. Сделав быструю карьеру благодаря личным качествам и заслугам, он в походе против Евгения был командиром федератов.⁴⁹ Подчиненность Алариха Гайне в этой кампании привела к трениям между ними⁵⁰ и, видимо, к разрыву с готской родовой знатью. Отсюда доверие у римлян и назначение Гайны на посты более высокие, чем представителей готской знати, оборачивалось для него восприятием его как предателя готских интересов у широких масс варварских федератов. Личный престиж Гайны, несомненно, упал еще больше, когда он вместе со Стилихоном воевал против мятежного Алариха, и это, наряду с известными потерями в контингентах под его командованием, сильно сократившимися в результате ухода основной массы федератов после смерти Феодосия, резко снизило для него возможности вербовки варваров в свои отряды. В источниках также нет свидетельств о предоставлении Стилихоном Гайне каких-либо субсидий для пополнения его сил. Да это бы противоречило и логике политики Стилихона, отправляющего по требованию Аркадия византийские войска в Константинополь. Поэтому практически невозможно говорить о большом числе вар-

⁴⁸ Liebeschuetz J. H. W. C. *Generals...* P. 463—473; Albert G. *Goten in Konstanlinopel. Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr.* Paderborn, 1984. S. 140—147.

⁴⁹ Официальное место в римской армии см.: Demandt A. *Magister...* Sp. 733; Hoffman D. *Op. cit.* Bd. I. S. 32; Várady L. *Pannonien...* S. 82.

⁵⁰ Várady L. *Op. cit.* S. 78—82.

варов в византийских войсках накануне их возвращения домой. Если же остатки федератов после ухода основной массы их во главе с Аларихом в 394 г. в Иллирик и были в армии Стилихона-Гайны, то вовсе не прослеживается организационное вычленение их в так называемую “частную армию”. Зосим, описывая поход против Евгения, федератский корпус Гайны четко обозначает как τοὺς δὲ συμμαχούντας... βαρβάρους ὑπὸ Γαίνῃ (Zos. IV. 57. 2), но, сообщая о возвращении восточноримских войск в Константинополь, свидетельствует лишь о регулярных οἱ στρατιῶται, называя Гайну ἡγεμόν (Zos. V. 7. 4)⁵¹. В этой связи нам представляется неприемлемой гипотеза Г. Алберта о том, что Гайна еще до убийства Руфина имел значительный отряд собственных Privatsoldaten⁵².

В Константинополе после возвращения византийских войск Евтропий предпринял чистку военного руководства империи, избавляясь от феодосианцев: магистры Абунданций, Аддей, Тимасий смещались со своих постов и были отправлены в ссылку (Zos. V. 9—10). При этом евнух продемонстрировал свою ориентацию на остатки режима Валента тем, что по его инициативе судьями над Тимасием были назначены Сатурнин и родственник Валента Прокопий (Zos. V. 9. 2—3). Во имя предотвращения притязаний Стилихона на общее командование вооруженными силами Запада и Востока, Евтропий сосредоточил руководство восточноримскими войсками в своих руках⁵³. В условиях столь явно выраженного антиуниверсализма Гайны, обладающий репутацией человека Стилихона, был отодвинут в тень и при назначениях на вакантные военные должности, на которые Евтропий поспешил выдвинуть хотя и неопытных, но своих людей. В течение трех лет в услугах Гайны не нуждались даже феодосианцы, сотрудничавшие в силу обстоятельств в то время (коллегиальная префектура Евтихиана-Кесария) с Евтропием, и уж тем более их противники. Следовательно, ни о каком росте частного, ни материального, ни военного, имущества Гайны говорить не приходится. Содержание отряда букеллариев, если можно себе представить наличие таковых у невлиятельного бывшего офицера, а ныне частного человека, не обладавшего крупным состоянием, для Гайны было бы просто не под

⁵¹ Семантику термина см.: Mason H. J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexikon and Analysis. Toronto, 1974. P. 150: “Typical examples in Roman contexts often suggest legati legionum...”; Zosime. Histoire Nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1989. T. 3. Part. 2. P. 209: ἡγεμόνες (στρατιωτικοί): officiers en général; ἡγεμόν: legatus legionis, magister militum, comes rei militaris, tribunus.

⁵² Albert G. Goten... S. 107—108.

⁵³ Albert G. Stilicho und der Hunnenfeldzug des Eutropius // Chiron. 1979. Bd. 9. S. 639.

силу⁵⁴. В этой связи заслуживает особого внимания одно место у Зосима: “Гайна же, не удостоенный чина, приличествующего старшему стратегу (= магистру. — Е. Г.), был не в состоянии утолить дарами варварскую ненасытность. Больше же его терзало, что все деньги шли в дом Евтропия” (Zos. V. 13. 1). На наш взгляд, Зосим, описывая столетие спустя мятеж Гайны, пытался разрешить противоречие между незначительностью Гайны при Евтропии и его небывалой мощью спустя несколько месяцев с помощью литературных приемов: давнему замыслу Гайны захватить власть противодействовала извечная варварская алчность. Примечательно, что церковные авторы, знавшие эпос “Гайния”, вообще не упоминают о какой-нибудь частной свите Гайны и проблемах ее снабжения. И, наоборот, об активности Гайны по внедрению верных ему людей на командные должности презентальной армии (Socr. VI. 6: ἐπιτηδείους τῶν στρατιωτικῶν ἀριθμῶν; Soz. VIII., 4. 1: ἐπιτηδείους συνταγματάρχας καὶ χιλιάρχους) они сообщают после (а не до, как у Г. Алберта) назначения его *magister militum praesentalis*, причем, как видим, речь идет об офицерах, а не о готских солдатах. Сообщение же обоих авторов (Socr. VI. 6; Soz. VIII. 4. 1) о приглашении Гайной целого народа, видимо, следует понимать как аллегория (во многом порожденную использованием ими эпоса “Гайния”, с присущими этому жанру гиперболами) на объединение с гревтунгами Трибигильда. Гораздо реалистичнее в этой связи фраза Синезия, очевидца назначения Гайны магистром: “Человек, носящий звериные шкуры, командует имеющими хламиды” (De rengo 20). Следовательно, против правительства Аврелиана выступила под командованием Гайны регулярная римская армия и часть боеспособных подразделений гревтунгов Трибигильда, после того, как последний отъединился от Гайны. Цели обеих частей воинства Гайны, конечно, были разными. Мятежные гревтунги надеялись добиться от правительства перевода их из дедитициев в статус федератов⁵⁵. Отсюда только на этой сиюминутной основе строились их отношения с Гайной, который их не только не на вербовал в мирный период, но и не мог самостоятельно, как собственных букеллариев, содержать. Римская часть взбунтовавшейся армии с помощью умелой пропаганды, после разгрома бездарного презентального магистра Льва, представителя Евтропия, была сориентирована Гайной на остатки феоосианцев из числа гражданской знати⁵⁶.

⁵⁴ Это вынужден был косвенно признать и Г. Алберт: “Итак, кажется, что последовательно проведенной и удовлетворительно устроенной системы содержания войска свиты Гайны не существовало”. — Albert G. Goten... S. 143.

⁵⁵ Albert G. Goten... S. 93—94; Claud. In Eutrop. II. 319—324.

⁵⁶ Gluschanin E. P. Die Politik... S. 244—245.

Таким образом, в целом возникновение презентальных армий на первом этапе их существования увеличило шансы военных на вмешательство в процесс выработки политики. Но поскольку подобные возможности основывались на потенциальном использовании государственных вооруженных сил, то, несомненно, их реализация зависела от целого комплекса объективных и субъективных условий конкретной политической ситуации. С другой стороны, контроль над презентальными армиями с момента их создания превратился в серьезную политическую проблему для правительства ранней Византии.

Итак, существовала ли в ранней Византии 364—400 гг. военная знать как устойчивая социальная группа? Весь изученный материал скорее позволяет говорить об обратном. Как и в эпоху раннего домината, она продолжала оставаться высшей административной группой военной организации, не замкнутой и не наследственной по своему характеру, до создания презентальных армий практически лишенной рычагов воздействия на выработку политики государства. На ее состав, реальное место в государстве и политической системе в 364—400 гг. серьезное влияние оказывали политические факторы: своеобразие режимов Валента и Феодосия I, борьба универсалистской и антиуниверсалистской тенденций развития восточноримской государственности. Диаметрально противоположность режимов Валента и Феодосия I тем не менее привела к сходному результату в формировании имперской военной элиты: деформации магистратской модели вследствие резкого снижения степени ротации офицерства на постах армейских магистров; фактор личной преданности и зависимости императора от собственного окружения стал превалировать над общегосударственными интересами. Возникла опасная тенденция к превращению военной верхушки в неотъемлемую часть режима, что в условиях нестабильности вело к принятию ими независимых политических решений и даже к мятежам. Отсюда перед правительством встала проблема предотвращения роста политизации военных, что, в конечном итоге, означало борьбу за сохранение принципов конституции Константина I. На практике же предстояло воссоздать модель правительственного контроля за армией, разработанную при Констанции II.

ВОЕННАЯ ВЕРХУШКА РАННЕЙ ВИЗАНТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V В.

Кризис 395—400 гг. стал важным рубежом в политическом, административном и военном развитии ранней Византии, которая вступила в V в. со в значительной мере разбалансированным государственным механизмом. Появление новых военных и административных реалий вызвало неоднозначную реакцию на них у правящих кругов Константинополя и потребовало серьезных усилий по приведению их в соответствие с конституционными принципами. Думается, что наибольшее неприятие и настороженность по отношению к себе снискали презентальные армии, сформировавшиеся как государственный институт в 395—399 гг., поскольку вскоре после своего создания они “преподнесли себя” как одно из самых эффективных средств в борьбе за власть. На наш взгляд, вопрос, быть или не быть презентальным силам, отразился на судьбе Фравитты, победителя Гайны. Конечно, в ходе восстания Трибигильда и мятежа Гайны личный состав обеих презентальных армий значительно сократился. Гайна, ставший после гибели Льва во главе всех презентальных сил империи, был отбит Фравиттой при попытке переправиться через Геллеспонт войсками восточного магистерия. Не исключено, что, вслед за обретением Фравиттой ранга *magister militum praesentalis*¹, подразделения, принявшие участие в подавлении мятежа, также стали частью новой презентальной армии. Очевидно, в судьбе самого Фравитты главным было не то, что “после Гайны правящая группировка не доверяла любым авторитетным полководцам-готам”². Интрига против Фравитты и его казнь (Eunap. fr. 85) произошли в обстановке всеобщей подозрительности и страха перед возможным повторением мятежа со стороны командующего презентальной армией, кто бы он ни был по происхождению. Достаточно оказалось того, что Фравитта, будучи презентальным магистром, открыто выступил по адресу одного из крупных антифеодосианцев комита священ-

¹ Demandt A. *Magister militum* // RE. 1970. Splbd. XII. Sp. 736.

² Козлов А. С. Основные черты политической оппозиции правительству Византии в 399—340 гг. // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 30.

ных щедрот Иоанна. Фравитта обвинял Иоанна в том, что именно он способствовал вражде между императорами (Аркадием и Гонорием), т.е. высказывался в категориях концепции политического универсализма. Не ясно, представлял ли Фравитта интересы какой-то группы или язвительно напомнил Иоанну о недавнем прошлом от своего имени, но это стоило Фравитте жизни.

Недоверие к презентальным силам в известной мере выявилось при отражении набегов исавров в 404 г.: Аврелиан просто не бросал их в бой, хотя ситуация, была серьезной. Согласно Зосиму (V. 25. 2), исавры еще раньше захватили область, охваченную некогда восстанием Трибигильда; возможно, они превратили Памфилию в свой плацдарм. Филосторгий (XI. 8) сообщает, что против исавров действовал гарнизон Кесарии Каппадокийской, т.е. правительство, видимо, вначале надеялось обойтись только местными силами, не отправляя презентальных войск, поскольку это напоминало бы о сходных обстоятельствах начала мятежа Гайны. Арбазакий, которого Зосим (V. 25. 2) назвал стратегом, был отправлен позже, когда стало очевидным, что только местными силами исавров выбить не удастся. А. Демандт осторожно заметил о нем: “После кончины Фравитты известен еще только один офицер, который мог бы стать магистром армии”³. Д. Мартиндейл полагает, что Арбазакий был военным комитом (PLRE. II. 127). Вследствие нечеткости терминологии Зосима⁴, Арбазакия можно считать также и вакантным магистром, но, во всяком случае, не командующим презентальной армией.

Все эти факты, наряду с практически полным отсутствием информации о *magistri praesentales* после казни Фравитты, приводят к мысли о том, что, вероятно, в 401—408 гг. должности придворных магистров не замещались, а командующим презентальными армиями (скорее, даже только одной) был непосредственно сам император. В этом не было ничего неожиданного, поскольку незадолго перед тем, Евтропий также сконцентрировал в своих руках командование презентальными силами (396—399 гг.)⁵. Иными словами, от идеи о целесообразности существования вокруг столицы презентальных армий правительство не отказалось.

³ Demandt A. *Magister militum...* Sp. 736.

⁴ См. например, индекс к терминологии Зосима, составленный Ф. Пашу. — Zosime. *Histoire Nouvelle/Texte établi et traduit par F. Paschoud*. Paris, 1989. Т. 3. Part. 2. P. 210—211: *strategos*: désigne souvent un *magister militum*; plus rarement un *comes rei militaris*, exceptionnellement un *praefectus classis*, un *praepositus numeri Abulcorum*, un *tribunus comilum sagittariorum Armeniorum*. Ailleurs, le *terrae* désigne globalement des officiers supérieurs ou généraux au grade non précisable durant la période antérieure aux réformes constantiniennes.

⁵ Albert G. *Stilicho und der Hunnenfeldzug des Eutropius // Chiron*. 1979. Bd. 9. S. 621—645.

Более того, по мнению Ж. Дагрона, “своей военной политикой императоры IV и V веков, таким образом, ремоделировали империю вокруг Константинополя”⁶. У. Кэги, размышляя о причинах снижения роли армии в политической жизни Византии в V в., считает самым важным в этом “фактическую неприступность местоположения и обороны Константинополя”, защищавших его от мятежей полевой армии⁷. Думается, что последний тезис не совсем точен, поскольку в ходе мятежа Виталиана столицу не спасло удачное географическое расположение. Основным в официальной военной политике, на наш взгляд, было все же восстановление, а также дальнейшее совершенствование прежней системы ответственного контроля над кадрами армии, зависевшее от многих обстоятельств.

Складывается впечатление, что Аркадий и его советники в 401—408 гг. воздерживались от всяких административных экспериментов в отношении армейского командования, что помимо субъективных факторов имело известные объективные основания: пережившая в конце IV в. ряд крупных войн и мятежей ранневизантийская военная организация была ослаблена и нуждалась в восстановлении ее прежнего количественного уровня. Заметно, что правительство было озабочено формированием новых армейских подразделений. Так, в 396 г. были изданы один за другим два закона на имя презида Фригии и викария Азианы об ужесточении протостасии (CTh. XI. 23. 3—4). Малала счел необходимым специально выделить, что “тот же Аркадий создал собственный легион (ἀρῑθμὸν), который назвал Аркадиакими” (Malala. 349). Все эти факторы отразились на реальном, ослабленном по сравнению с эпохой Феодосия I положении военной знати ранней Византии. Учитывая, что после 401 г., в связи с уходом Алариха и борьбой за Иллирик с Западом, Византия долго не восстанавливала иллирийский магистерий, а фракийский при Аркадии не существовал⁸, следует признать, что в 401—408 гг. военная верхушка была фактически представлена лишь магистрами Востока. О них для этого периода также имеется крайне противоречивая информация. Так, преемником Фравитты в должности магистра Востока А. Демандт считает Пульхра, о котором, кроме имени, ничего не известно: ему адресован закон (CJ. XII. 33. 3), содержание которого, исходя из текста, не дает возможности определить, западный он или восточный. Согласно А. Демандту,

⁶ Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantiaople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974. P. 108.

⁷ Kaegi W. E. Jr. Byzantine Military Unrest 471—843. Amsterdam, 1981. P. 19.

⁸ Demandt A. Magister militum... Sp. 737.

при Стилихоне вряд ли мог быть издан любой закон на имя какого-либо западного магистра ⁹. Однако в свое время еще Г. Халоандер, Я. Куяций и Л. Руссар авторство этого закона приписывали не Аркадию, а Диоклетиану и Максимиану, мотивируя тем, что Пульхр не известен по другим источникам ¹⁰. Это мнение выдающихся правоведов заслуживает внимания; правда, мы предложили бы иной метод атрибуции. Указанную конституцию на имя Пульхра необходимо сравнить с близкими ей по содержанию конституциями времени Аркадия с одной стороны, и Диоклетиана и Максимиана — с другой. Предписание Пульхру наблюдать за тем, чтобы в армию не набирались против своего желания колонны (СJ. XII. 33. 3), явно противоречит законам Аркадия об ужесточении протостасии (СTh. XI. 23. 3—4), и, наоборот, аналогично следующим правилам конскрипции Диоклетиана и Максимиана: “Если тот, кто был вместе с отцом призван к бремени протостасии, ныне находится под отеческой властью, пусть освобождается от обязанностей этого рода, поскольку кажется несправедливым, чтобы из одной и той же фамилии и дома двое прикреплялись к тем повинностям. Тех же, о которых известно, что они были освобождены от отеческой власти, а также вышли из фамилии, ты должен без промедления удерживать” (СJ. X. 62. 3). Тем более малоправдоподобно, чтобы префекты Востока после мятежа Гайны и в обстановке подозрительности по отношению к высшим военным позволили бы узурпацию магистрами армии части своих компетенций, поскольку, как правило, контроль над конскрипцией в поздней античности осуществлялся гражданской администрацией (СTh. VI. 4. 21.; VII. 13).

В качестве преемника Пульхра А. Демандт безоговорочно признает некоего Валентина ¹¹, и колеблется, вслед за В. Энслиным, Д. Мартиндейл (PLRE II. 1139—1140). Любопытно, что сведения о его участии в исаврийской войне приводит только Палладий (Migne. PG. XLVII. 55), совершенно не сообщая ничего об Арбазакии, и, наоборот, наши основные источники — Зосим, Сократ, Созомен — молчат о Валентине. Может быть, назначение Валентина последовало вслед за разгромом исавров Арбазакием и отозванием последнего в столицу по обвинению во взяточничестве и грабежах?

А. Демандт столь же безоговорочно признает имеющиеся свидетельства о магистре Востока начала V в. Иордане ¹²;

⁹ Demandt A. *Magister militum...* Sp. 729.

¹⁰ Все необходимые данные приведены в издании кодекса Юстиниана братьев Кригелей. — *Corpus Juris Civilis/Ed. Fratres Kriegelii*. Bd. II. *Codex Justinianus*. 16. Auflage. Leipzig. O. J. S. 749. Admn. 6—7.

¹¹ Demandt A. *Magister militum...* Sp. 730.

¹² *Ibidem*.

Д. Мартиндейл выражает серьезное сомнение. Из сообщения Константина Порфирогенета (*De them.* I. P. 61) известно что в императорском вестиирии была серебряная чаша с надписью: “Иордана стратилата Востока и прочих народов под Малой Азией”; хозяин чаши был стратилатом при Аркадии и был отмечен достоинством патрикия. Одна формула — *micra Asia* — не засвидетельствована ранее VII в. и потому Д. Мартиндейл предполагает идентификацию Иорданом, магистром Востока 466—469 гг. (*PLRE.* II. 619—620). К этим крайне скудным и противоречивым сведениям о ранневизантийской военной верхушке 401—408 гг. можно добавить также, что в этот период не было издано ни одного закона на имя магистров.

Таким образом, вряд ли можно говорить о том, что военная верхушка в последние годы правления Аркадия обладала политическим влиянием, будучи сама сокращенной до возможного минимума. Весьма примечательно в этой связи, что, принимая опеку над Феодосием II Ездигерд подозревал в злокозненности по отношению к императору только сенат (*Proc. VP.* I. 2); ни об одном из военачальников речь не шла и, тем самым, им как бы отказывалось в реальной мощи и политическом влиянии. С другой стороны, ослабление в 401—408 гг. всех высших командных институтов плохо согласуется с традиционными концепциями антигерманистского курса в армейских кругах. Наконец, следует также заметить, что фамильных связей, позволивших бы влиять на выработку политики, между военной верхушкой и императором не сложилось. Хотя Аркадий и женился в результате удачной интриги Евтропия на дочери умершего на Западе магистра Баутона, скорее повысились шансы влиять на императора у евнуха, нежели у военных. Евдокия, после смерти отца, прибыла в Константинополь, где жила в доме у одного из сыновей магистра армии Промота (*PLRE.* II. 410) после гибели последнего; сыновья Промота, насколько это видно по источникам, не сделали военной карьеры. Поэтому в целом нет оснований говорить о какой-либо преемственности военной элиты Аркадия и Феодосия II.

Усиление значения Константинополя в империи, притязания Равенны на восточный Иллирик, варварские набеги на Балканах, мир на восточных границах привели к известной реконструкции оборонной стратегии Византии: большие средства были брошены на укрепление северных рубежей и подступов к столице. Реализацией этой новой оборонной программы занялось уже после смерти Аркадия правительство Анфимия. Восстанавливались укрепления, дороги и дунайская флотилия (*СTh.* VII. 17. 1). Представляется, что рост численности войск всех категорий в балканском регионе, расширение военной инфраструктуры,

усложнение проблем армейского администрирования стали реальными предпосылками превращения прежней фракийской *comitiva* в ранг *magisterium*, впервые засвидетельствованного в 412 г. (CTh. VII. 17. 1). В какой-то мере, этому способствовала и изменившаяся после смерти Аркадия политическая ситуация. Правительство Анфимия отказалось от дальнейшей бесперспективной эскалации нагнетания напряженности между разными группами правящей элиты и столичной знати, выступив с программой их примирения, о чем свидетельствует положительная оценка его деятельности практически всеми источниками¹³. Ближайшим итогом такой политики, ориентированной не на “партийные”, а на государственные интересы, стало восстановление рангов *magistri praesentales*. Конечно, это можно было бы считать естественным актом, последовавшим за смертью Аркадия при малолетстве Феодосия II. Однако Анфимий не пошел по пути Евтропия, сконцентрировавшего в своих руках командование презентальными силами, что только повысило бы уровень нестабильности и подозрительности в столице и в империи. Децентрализация высшего армейского командования была проведена Анфимием с установкой на то, чтобы не нарушать сложившегося хрупкого равновесия между разными правящими кругами: на презентальных должностях в 409 г. зафиксированы персы Варан и Арсак (Marc. Com. a. 409), мало известные в Константинополе и практически не связанные с противоборствующими группировками. Варан, кроме того, был, видимо, приглашен с Запада¹⁴, где после гибели Стилихона он был магистром пехоты (Zos. V. 36. 3), вскоре замененный Турпилионом (Zos. V. 48. 1). Если верить, что у него было феодосианское прошлое (какая-то должность при дворе — RLRE. II. 1149), то нельзя ли в его назначении, а также его консулате 410 г. (CLRE. 335) усматривать дружеский жест Анфимия по отношению к остаткам прежнего режима?

Остальные высшие военные посты при Анфимии занимали римляне. Магистром Востока в 412 г. был Лупиан, которому адресован рескрипт на достаточно традиционную тему о

¹³ Подробнее см.: Козлов А. С. Основные направления политической оппозиции в первой половине V в. // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 12—13; Bayless W. N. The Praetorian Prefect Anthemius: Position and Policies // Byzantine Studies. 1977. V. 4. P. 38—51.

¹⁴ Тезис А. Демандта о том, что Варан “очень скоро после смены правительства на Востоке был послан в Константинополь для того, чтобы обеспечить юному императору наследование трона”, не подтверждается источниками (Demandt A. *Magister... Sp.* 745). Согласно Зосиму (V. 31. 4) и Созомену (IX. 4. 5—6), такие планы имели сам Гонорий и Стилихон, но их реализация не состоялась. Сомнительно, чтобы правящая элита Востока позволила бы вмешательство западного правительства в свои дела после кризиса 395—400 гг.

недопущении куриалов в officia (CTh. XII. 1. 175). Преемником его в 414—415 гг. был Ипатий, вся информация о котором также сводится к адресам двух законов. В одном из них магистру Востока предлагается взять на себя решение гражданских и уголовных дел, касающихся apparatuses его канцелярии (CTh. I. 7. 4); второй обращает внимание Ипатия на рецидивы совместных махинаций скриниариев и актуариев с анноной и требует пресечь это зло (CTh. VIII. 1. 15). Первым фракийским магистром именно при Анфимии засвидетельствован некий Константин (CTh. VII. 17. 1), с именем которого связана серьезная реорганизация дунайского флота на лимесах Мезии и Скифии. В 414 г., очевидно, за успешную реализацию оборонной программы правительства на Балканах Константин был пожалован консулатом (CLRE. 363). Интересны те места в CTh. VII. 17. 1, где правительство грозит штрафом дуксам и их канцеляриям в случае срыва строительства новых кораблей для дунайского флота. Думается, эти угрозы до известной степени отразили слабость аппарата недавно созданного фракийского магистерия и, наоборот, силу дуксов Мезии и Скифии, в распоряжении которых в приграничных провинциях были серьезные материальные и людские ресурсы, вкуче с ослаблением правительственного контроля за ними из-за недавних набегов Ульдиса, гуннов и скиров. Если сравнить эти места с формулировкой закон 413 г. (CTh. VI. 14. 3): "...мы приравниваем к дуксам, которые управляют в прочих провинциях, кроме Египта и Понтики, и тех, кто принял на себя для исполнения обязанности сиятельных мужей магистров войск", то напрашивается вывод о том, что правительство Анфимия целенаправленно укрепляло административные позиции региональных магистериев. Не исключено при этом, что на местах существовали определенные трения между разными уровнями военной бюрократии. Оба закона в целом, на наш взгляд, зафиксировали как усиление реальной власти дуксов в первой половине V в., так и попытку Анфимия ее ослабить. Таким образом, политика правительства Анфимия по отношению к высшему военному руководству империи объективно была направлена как на восстановление, так и на усиление высших армейских командных институтов.

На достигнутых Анфимием результатах в персональной армейской политике основывался новый этап административных новаций в военной организации, проводившихся уже пришедшей к власти группировкой Пульхерии. Прежде всего, на постах *magistri praesentales* появились римляне Флоренций и Саприкий, о которых также практически ничего не известно кроме того, что оба упомянуты в законе 415 г. Этим эдиктом у них изымалось право назначения 40 пре-

позитов армии и передавалось *scrinium memoriae* (СTh. I. 8. 1). В 424 г. последовали еще два закона о передаче контроля над всеми должностями *laterculum minus*; *praepositurae*, *tribunatus*, *praefecturae* квестору дворца (СTh. I. 8. 2—3). Исследователи считают, что в конечном счете этот контроль перешел к магистру оффиций¹⁵. Причины этого явления А. Демандт усматривает в борьбе за влияние между магистрами войск и гражданскими чиновниками¹⁶. По мнению М. Клаусса, это удалось совершить всесильному магистру оффиций Гелиону ”в связи с антигерманистской реакцией на Востоке”¹⁷. Однако, думается, что для борьбы за самостоятельность при формировании военной бюрократии и средних командных кадров армейская верхушка была слишком слаба в 401—415 гг.¹⁸, тем более, что долгое время Аркадий оставлял презентальные магистерии вакантными. С другой стороны, учитывая, что ”разгерманизации” офицерского корпуса Восточной империи в первое десятилетие V в. просто не было¹⁹, передача должностей *laterculum minus* квестору дворца обуславливалась другими причинами. На наш взгляд, этот процесс находился в прямой связи с: 1) восстановлением и даже увеличением (создание фракийского магистерия в 412 г.) походных сил империи; 2) необходимостью исправления деформаций административной модели Констанция II по контролю над средним командным составом²⁰, происшедших в последние годы правления Феодосия I и в период политического кризиса 395—400 гг. В самом деле, трудно представить, чтобы ведомство квестора дворца осуществляло свое право на назначение офицеров в ходе крупномасштабных войн, с их неизбежными потерями, Феодосия I с Максимом и Евгением. Гайна, например, без оглядки на квестора дворца своей властью осуществлял чинопроизводство в армии (*Soz.* VIII. 4. 1; *Socr.* VI. 6). В 393 г. Феодосий I был вынужден сделать следующий выговор магистру Востока Аддею: ”Корректор провинции Августамники, конечно же, заслуживает по причине нанесенной дуксу обиды быть осужденным вместе со своим оффикием; однако эта часть судопроизводства не должна узурпироваться должностью твоего превосходительства, поскольку всегда расследование о находящемся на

¹⁵ Demandt A. *Magister...* Sp. 758; Clauss M. *Der magister officiorum in der Spätantike* (4.—6. Jahrhundert). *Das Amt und sein Einfluß auf die kaiserliche Politik*. München, 1981. S. 17.

¹⁶ Demandt A. *Magister...* Sp. 757.

¹⁷ Clauss M. *Op. cit.* S. 75.

¹⁸ Думается, именно в условиях такой слабости и удалась безболезненно так называемая реформа военной канцелярии.

¹⁹ Gluschanin E. P. *Die Politik Theodosius’ I. und die Hintergründe des sogenannten Antigermanismus im Oströmischen Reich* // *Historia*. 1989. Bd. 138. S. 227—230.

²⁰ Volger Ch. *Constance II et administration imperiale*. Strasbourg, 1979. P. 221—222.

службе юдексе принадлежит сиятельной префектуре” (CTh I. 7. 2). И, наконец, последний из законов, реформирующий компетенции чиновничества среднего командного состава армии, кратко напоминает о конкретной эволюции административной модели Констанция II: “Отныне нашей милости угодно, чтобы все должности малого списка, которые, хотя, кажется, ранее были на попечении и заботе сиятельного мужа квестора, а затем же перешли либо все, либо половина под власть и распоряжение магистров войск были возвращены, восстановленным обычаем древнего времени, впредь к первоначальному состоянию” (CTh. I. 8. 3). Даже беглого взгляда на указанные законы достаточно для утверждения о том, что создание системы правительственного контроля над средним командным составом армии было поэтапным, причем на второй стадии он был распространен на все войска империи.

Назначение командиров армии ведомством квестора дворца не просто серьезно подрывало влияние военной элиты, но и ставило ее саму в значительной мере под контроль гражданской администрации. В какой-то мере также “попытка восточного правительства взять власть в гражданские руки находит отражение в консульских фастах” (CLRE. 5), поскольку консулат военным стал предоставляться, особенно после административных новаций 10—20-х гг. V в., только за персональные заслуги. Видимо, не следует сбрасывать со счета и также факторы, способствовавшие “деполитизации” армейской верхушки, как малолетство Феодосия II при отсутствии войн в 409—421 гг. Наличие последнего обстоятельства, на наш взгляд, объективно вело к консервации позднеантичных представлений о временном характере высших военных магистратур. Хотя в данном случае не исключена случайность, складывается впечатление, что в первой половине V в. стремились в нормальных условиях ограничить срок полномочий магистров войск пятью годами: Варан/Арсак — 409—414 гг.; Прокопий — 422 (? 423)—(?)427 гг.; Ардабур — 422—427 гг.; Фл. Дионисий — 428—433 гг.; Саприкий/Флоренций — 415—421 гг. Вся отлаженная система контроля за армейской верхушкой в условиях отсутствия войн и при регулярной сменяемости магистров и военных комитов, видимо, определила крайне скудное состояние информации о них в источниках, фиксировавших лишь какие-то неординарные, связанные с ними события, и сосредоточившихся, главным образом, на внутриполитической, в том числе церковной, борьбе. Например, после Ипатия (415—420 гг.) нам не известен для весьма продолжительного периода ни один магистр Востока, и достаточно проблематично признание этой должности за неким Максимом, о котором сообщается, что “на Востоке воины подняли мятеж и умертвили полководца

(ductorem) своего по имени Максимин” (Marc. Com. a. 420). Сведения о всех прочих магистрах вообще отсутствуют на этот момент. На наш взгляд, такое реальное положение высших командных институтов в государстве противоречит, во всяком случае для времени правления Аркадия и Феодосия II, тезису о том, что “поскольку отсутствие восточноримских или византийских императоров на поле боя стало обычным, оно оставалось фундаментальным элементом, который определял природу внутреннего военного давления”²¹.

С таким “багажом” ранневизантийская военная верхушка подошла к персидской войне 421—422 гг., к появлению в ее рядах варваров, к началу возвышения Аспаридов. Думается, что не изменение психологического антигерманистского климата и, как считают, устранение политических причин для назначения германцев магистрами²², но военные факторы способствовали началу этого процесса. На службе империи в 400-х и 410-х гг. находилось, видимо, немало офицеров-варваров, иначе трудно объяснить внезапное появление магистров варварского происхождения в 420-х гг., что, в свою очередь, не согласуется с традиционной концепцией т.н. “разгерманизации” офицерского корпуса. Так, известно, что гот Плинта в 418 г. был комитом, подавляя мятеж в Палестине. Именно в награду за разгром мятежников он получил консулат в 419 г. вместе с рангом презентального магистра (PLRE. II. 892). Алан Ардабур до 421 г. также, очевидно, был комитом, назначенный после начала войны с персами, согласно Сократу (VII. 18. 20), стратегом. После победы над персами Феодосий II назначил его в награду презентальным магистром (PLRE. II. 137). Гот Ариовинд, по Малале (364), в 422 г. был комитом федератов, или, согласно Сократу (VII. 18. 25), ἑτερος τῶν Ῥωμαίων στρατηγός. Знаменитый Аспар, начавший военную службу с юности, около 424 г. обозначен как стратег (Ioann. Ant. fr. 195). То, что все эти офицеры-варвары выдвинулись в условиях ухудшения отношений с персами, противоречит мнению А. Джонса о том, что “фактически не было политических препятствий для назначения германских генералов во время последних тридцати лет правления Феодосия II, когда главными врагами империи были гунны, которых германцы имели причины ненавидеть столь же сильно, сколь и римляне”²³. Однако, на наш взгляд, вряд ли межплеменные конфликты

²¹ Kaegi W. E. Jr. *Byzantine Military Unrest...* P. 21. Отсутствие императора в походах V в. вовсе не было абсолютным. Например, в 443 г. Theodosius imperator ex Asiana expeditione urbem rediit (Marc. Com. a. 443).

²² Jones A.H.M. *The Later Roman Empire (284—602)*. Oxford, 1964. V. 1. P. 181.

²³ *Ibidem*. P. 181—182.

в варварском мире могли повлиять на кадровую политику империи уже в начале 420-х гг.²⁴ Например, в 423 г. в непосредственной близости от гуннов на должности магистра Иллирика или Фракии был не германец, но римлянин Македоний (СЖ. III. 21. 2).

Восточный магистерий также чаще замещался римлянами. Так, в начале 420-х гг. стратилатом для войны с персами был назначен Прокопий (Soz. VII. 20). По Сидонию, после заключения мира в 422 г. он стал патрицием и магистром Востока (Carm. II. 89—93). Малала отметил, что в самом начале войны император “сделал стратилатом Востока патрикия Прокопия и послал его с экспедиционными силами (μετὰ ἑξλεδίτου) воевать” (Malala. 364). Несмотря на известную противоречивость данных источников, думается, что Прокопий был назначен главнокомандующим в войне с персами. Прокопий ранее не был засвидетельствован на военной службе и, следовательно, в его назначении можно видеть стремление гражданской верхушки не выпустить контроль над армией в течение войны, поставив во главе ее потомка одного из знатных восточноримских семейств (предком Прокопия был знаменитый узурпатор Прокопий, отпрыск Константиновой династии, а тестем — бывший префект Анфимий). То, что Малала особо подчеркивает отправку с Прокопием экспедиционных сил, наводит на мысль как об участии в войне с персами одной из двух презентальных армий, так и о вакантности одного из презентальных магистериев. Это подразумевает, что Плинта какое-то время не имел коллеги по *magisterium praesentale*. Видимо, это обстоятельство создало для младших современников иллюзию его могущества при дворе, к чему мы вернемся ниже.

После 424 г. Прокопий, очевидно, оставил военную службу, поскольку не встречается среди презентальных магистров, назначение на каковой пост было бы логическим следствием его карьеры. В этом плане его карьера вполне типична для 420—430-х гг., когда сложилось своеобразное размежевание по этническому признаку при замещении высших командных должностей: все магистры Востока были из римлян, почти все презентальные магистры — из варваров. Должность комита доместиков, одного из важнейших администраторов в ведомстве магистра официий, также занимали римляне. Некоторые из них (подчеркнем, что

²⁴ После разгрома Ульдиса, реорганизации оборонной системы на Балканах Анфимием и до 430 г. византийская дипломатия умело поддерживала разобщенность гуннов, вплоть до убийств их вождей (Olymp. fr. 18). В известной мере это позволяло Византии активно вмешиваться в дела Запада. И, наоборот, гораздо больше проблем с гуннами имела Западная империя. См.: Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens 376—476. Amsterdam, 1969. 8. 260; 278—280.

это не закономерность), вне сомнения, пользовались при дворе большим влиянием, чем презентальные магистры. Так, Малала (352) сообщает об одном комите доместиков, который был отцом Паулина, друга детства императора и магистром официий в 430 г. Суммируя, необходимо отметить, что появление варваров на должностях презентальных магистров было подготовлено административными новациями 410—420-х гг., объективно принизившими значение этих постов в государстве по сравнению с региональными магистериями, управленческие функции которых были все же более широкими. На таких постах, во многом контролируемых гражданской администрацией, правительство предпочитало видеть тех из офицеров, которые обладали лучшим боевым опытом, вне зависимости от их происхождения. Офицеры-варвары, начинавшие службу в римской армии с низших рангов (как, например, Гайна), несомненно, были хорошими профессионалами, если они выслуживались до магистерских чинов.

Восточный магистерий также чаще замещался римлянами. Так, в начале 420-х гг. стратилатом для войны с персами был назначен Прокопий (Soz. VII. 20). По Сидонию, после заключения мира в 422 г. он стал патрицием и магистром Востока (Carm. II. 89—93). Малала отметил, что в самом начале войны император “сделал стратилатом Востока патрикия Прокопия и послал его с экспедиционными силами (μετὰ ἐξλεδίτου) воевать” (Malala. 364). Несмотря на известную противоречивость данных источников, думается, что Прокопий был назначен главнокомандующим в войне с персами. Прокопий ранее не был засвидетельствован на военной службе и, следовательно, в его назначении можно видеть стремление гражданской верхушки не выпустить контроль над армией в течение войны, поставив во главе ее потомка одного из знатных восточноримских семейств (предком Прокопия был знаменитый узурпатор Прокопий, отпрыск Константиновой династии, а тестем — бывший префект Анфимий). То, что Малала особо подчеркивает отправку с Прокопием экспедиционных сил, наводит на мысль как об участии в войне с персами одной из двух презентальных армий, так и о вакантности одного из презентальных магистериев. Это подразумевает, что Плинта какое-то время не имел коллеги по *magisterium praesentale*. Видимо, это обстоятельство создало для младших современников иллюзию его могущества при дворе, к чему мы вернемся ниже.

После 424 г. Прокопий, очевидно, оставил военную службу, поскольку не встречается среди презентальных магистров, назначение на каковой пост было бы логическим следствием его карьеры. В этом плане его карьера вполне типична для 420—430-х гг., когда сложилось своеобразное размежевание по этническому признаку при замещении высших командных должностей: все магистры Востока были из римлян, почти все презентальные магистры — из варваров. Должность комита доместиков, одного из важнейших администраторов в ведомстве магистра официий, также занимали римляне. Некоторые из них (подчеркнем, что

это не закономерность), вне сомнения, пользовались при дворе большим влиянием, чем презентальные магистры. Так, Малала (352) сообщает об одном комите домашних, который был отцом Паулина, друга детства императора и магистром официй в 430 г. Суммируя, необходимо отметить, что появление варваров на должностях презентальных магистров было подготовлено административными новациями 410—420-х гг., объективно принизившими значение этих постов в государстве по сравнению с региональными магистериями, управленческие функции которых были все же более широкими. На таких постах, во многом контролируемых гражданской администрацией, правительство предпочитало видеть тех из офицеров, которые обладали лучшим боевым опытом, вне зависимости от их происхождения. Офицеры-варвары, начинавшие службу в римской армии с низших рангов (как, например, Гайна), несомненно, были хорошими профессионалами, если они выслуживались до магистерских чинов.

Данные источников позволяют сделать вывод и о том, что чинопроизводство офицеров-варваров в презентальные магистры было делом не только естественного “самотека”, но и сознательной установкой в персональной политике. В 420-х гг. в Византии складывается практика, когда большая часть презентальных войск под командованием магистров-варваров в силу изменившейся международной ситуации ориентируется в основном на реализацию внешнеполитических акций. Например, командующими византийскими войсками в кампании 424 г. были аланы Ардабур и Аспар и римлянин Кандидиан (Olymp. fr. 46); двое последних, видимо, были *magistri vacantes*. В походе участвовал и Гелион, причем, видимо, в качестве военачальника: “Гелион же, магистр и патрикий, *ζαχαραρίας* (κατὰ λαβὸν) Рим (разрядка наша. — Е. Г.)... “ (Olymp. fr. 46). Примечательно, что Ардабур и Гелион в одном году оставили службу. Хотя случайность в данном случае вероятна, однако складывается впечатление, что Ардабур был протеже Гелиона. Когда в 422 г. Гелион был послан в Месопотамию для заключения мира с персами (Socr. VII. 20. 2), он вряд ли мог не познакомиться лично с Ардабуром. После этого Ардабур назначается презентальным магистром. Представляется, что именно Гелион был автором политики использования офицеров-варваров (назначение Плинты, кстати, также падает на период его полномочий) на постах *magistri praesentales*. Могущественный Гелион в этом смысле смело возрождал принципы кадровой политики Феодосия I. Подконтрольные магистру официй служаки варварского происхождения были маловлиятельны при дворе уже в силу того, что они не были ни фамильно, ни политически свя-

заны с какими-либо политическими силами в столице. Их авторитет при дворе, видимо, был прямо пропорционален воинским заслугам. На них также распространялся временный характер магистратуры магистров, особенно в относительно мирные периоды. Так, получив в 427 г. консулат, Ардабур исчезает из источников. Его преемником в ранге презентального магистра А. Демандт считает его сына Аспара²⁵; Д. Мартиндейл полагает, что Аспар был только *magister vacans* (PLRE. II. 165).

Какое-либо политическое влияние магистров-варваров в 420—430-х гг. по источникам не прослеживается; за все время правления Феодосия II им был адресован лишь один закон (Nov. Theod. VII. 4). Именно они, главным образом, участвовали в походах и войнах Византии на Западе, в то время как их коллеги римского происхождения по региональным магистериям до определенной степени привлекались к исполнению внутривизантийских акций. Например, Фл. Дионисий в 428 г. отправил в Персию посольство для урегулирования спорных дел в Армении; ему было поручено конвоирование Нестория к месту ссылки; он активно вмешивался в церковные дела на Кипре (PLRE. II. 365—366). Комит доместиков Фл. Кандидиан был представителем императора на Эфесском соборе (PLRE. II. 257). Думается, что не следует переоценивать и влияние Плинты, презентального магистра 419—(?) 438 гг., которое вряд ли было многим заметнее, чем у Аспаридов. Сообщение Созомена о том, что он *δυνατώτατος τότε τῶν ἐν τοῖς βασιλείοις γέγονοικ* (VII. 17. 14), все-таки не согласуется с его неудачей утвердить на епископской кафедре Марцианополя своего претендента в 431 г. (PLRE. II. 893). Длительное пребывание Плинты на должности презентального магистра, думается, зависело как от реального места второй презентальной армии в военной организации, так и от конкретной военно-политической ситуации в Западном Средиземноморье в 420—430 гг. В то время как одно из презентальных войск (возможно, и часть второго, на что указывает применение вакантных магистериев)²⁶ отправилось в экспедицию, второе оставалось на охране Константинополя и столичного региона. Исходя из предполагаемого пятилетнего срока длительности компетенции магистров войск в первой половине V в., представляется, что полномочия Плинты (419—424 гг.) были продлены еще на один период (425—430 гг.) в связи с тем, что экспедиция Ардабура еще не вернулась из Италии, и еще раз — вследствие подготовки африканского похода 431 г., т.е. его

²⁵ Demandt A. *Magister...* Sp. 748.

²⁶ В какой-то мере с этим связаны неоднократные усилия правительства укрепить Константинополь в первой половине V в.

третий подряд презентальный магистерий должен был приходиться на 430—435 гг. По нашему мнению, в этой связи можно трактовать на первый взгляд курьезную настойчивость Плинты стать официальным посланником империи у Руа. Он тайно отправил своего человека к Руа с целью убедить его просить императора, чтобы Плинта, а не другие римляне, вел переговоры с гуннами (Prisk. fr. 1). Может быть, таким способом, накануне отставки после очередного магистерия в 435 г., Плинта цеплялся за свой пост? В 430-х гг., когда упрочилась достаточно регулярная сменяемость высших дигнитариев вплоть до префектов Востока и магистров оффиций²⁷, затянувшиеся полномочия Плинты выглядели аномалией на этом фоне. Хотя в рассказе Приска вскользь упомянут и Фл. Дионисий, активно стремящимся к осуществлению этой цели выведен только Плинта, который чуть позже просил себе в качестве коллеги по посольству к гуннам квестора дворца Эпигена.

Примечательно, что к решению “гуннской проблемы” длительное время не привлекался Аспар, престиж которого при византийском дворе в какой-то мере пошатнулся из-за неудачи в Африке. В 434 г. он и Ареовинд были назначены ординарными консулами, но консулат Аспару был пожалован не Константинополем, а Равенной (CLRE. 403). В 434—441 гг. правительство имело постоянную возможность выбора между двумя магистрами — Аспаром и Ареовиндом — на пост командующего презентальной армией и умело этим пользовалось: после бесславного возвращения Аспара на Восток в 434 г. его войско передали Ареовинду и отметили последнего (видимо, еще и потому, что пятилетний срок полномочий Аспара истек — 428—433 гг.) презентальным рангом. Фиаско африканской экспедиции 441 г., проведение которой было поручено Ареовинду, привело к тому, что армию отдали Аспару. Эти должностные перемещения были в значительной мере облегчены тем, что к 440 г. сложилась гибкая система *ordo dignitatum* с ее четкой иерархией *administrationes in actu positi, vacantes et absentes* и *honorarii praesentes et absentes* (CJ. XII. 8. 2), которая позволяла всегда иметь под рукой готовый резерв кадров командования и гражданской администрации²⁸, “жонглировать” ими, не опасаясь дефицита в опытных управленцах и полководцах. Представляется, что количество *vacantes* не было жестко фиксированным и, наоборот, число *in actu positi* четко соотносилось с реальными административными структурами и имеющимися в наличии армиями, официально, регламентированными документами типа *Notitia Dignitatum*. В

²⁷ См.: фасты в PLRE. II.

²⁸ Подробнее см.: Guillard R. La noblesse byzantine. Remarques // REB. 1966. V. 24. P. 49—52.

самом деле, нам известны *magistri vacantes* или *vice praetorianae praefecturae* (СЖ. XII. 8. 2) без обозначения их региональной атрибуции, но нет сведений, например, о вакантных магистрах Востока или вакантных префектах Иллирика. В этой связи нам кажется весьма уязвимым тезис А. Демандта об одновременном существовании при Феодосии II трех и даже четырех *in actu positi* презентальных магистров²⁹. Необходимость в *magistri vacantes* возникала, как правило, при подготовке и проведении крупных экспедиций, когда под их начало откомандировывались подразделения из различных походных группировок; главнокомандующим же назначался один из обладателей *in actu positi* официальных магистерских рангов, как это видно на примере африканской экспедиции 441 г., в которой войсками, кроме презентального магистра Ареовинда, командовали вакантные магистры (Theoph. AM 5941; Prosp. Tiro a. 441; СЖ. XII. 8. 2). Фактически именно *magistri in actu positi*, но не *vacantes*, представляли собой военную элиту Византии в первой половине V в. Несомненно и то, что военная знать *in actu positi*, при наличии *vacantes praesentes*, не была замкнутой группой, но одновременно вполне контролируемой.

Аспар в 441 г. воевал в Малой Азии против кавказских гуннов, исавров и цанов, в то время как Анатолий — с персами и сарацинами (Marc. Com. a. 441). Не исключено, что после 434 г. и вплоть до смерти Феодосия II Аспар был *magister vacans*, поскольку ранг презентального магистра сохранялся за Ареовиндом³⁰. То, что Аспар вообще не был отстранен от командования и находился в резерве, объясняется опасениями возобновления войны на два фронта.

Неудачи магистров-варваров и ухудшающиеся отношения с гуннами привели в конце 430-х — начале 440-х гг. к переменам в персональной политике: в центральном военном аппарате появляются римляне. Аполлоний сменил Плинтю на посту презентального магистра; для переговоров с гуннами привлекался популярный магистр Востока Анатолий (Prisk. fr. 5; 8; 13), который, как полагают, неоднократно ранее выполнял дипломатические поручения³¹. Гуннская проблема в 40 гг. V в. быстро превращалась в один из больных внутривосточных вопросов Византии, тесно связанного с борьбой за власть в Константинополе. В противоречивый конфликт “за” или “против” политики умиротворения Аттилы так или иначе оказались вовлечены византийские армейские магистры. Выплаты ежегодного

²⁹ Demandt A. *Magister...* Sp. 754.

³⁰ Принимаем хронологию Д. Мартиндейла — PLRE. II. 145.

³¹ Croke B. *Anatolius and Nomus: Envoys to Attila* // BS. 1981. T. 42. P. 162.

трибута варварам, как справедливо отмечается в новейшей литературе ³², не ложились тяжелым бременем на византийскую казну; отсюда Хрисафий, ради того, чтобы не нарушить сложившегося равновесия в столице, предпочитал откупаться от гуннов. Но в 447 г., видимо, под давлением враждебной группировки Пульхерии, он решился на вооруженный конфликт с Атиллой. Хрисафию нужен был в этой ситуации крупный успех, и потому он сознательно начал опираться на Аспаридов. Думается, что консулат пожалованный на 447 г. Ардабуру-младшему был своего рода авансом Аспару и Ареовинду за будущую победу. В 447 г. против Атилы была выслана фактически половина походной армии империи: экспедиционная группировка магистра Фракии Арнегиска, презентальное войско Ареовинда, какие-то подразделения (возможно, часть второго презентального войска) под началом Аспара (Theoph. AM 5942). Сокрушительный разгром этой армии на реке Уте, гибель Арнегиска, бегство Аспара и Ареовинда, дезорганизация половины походных сил империи резко изменили политическую обстановку в Константинополе, хотя Хрисафий и устоял. Началось стремительное возвышение Фл. Зенона, приведшего с собой какой-то отряд исавров в столицу и вместе с Аполлоном оборонявшего столицу от авангардного отряда гуннов. Видимо, Зенон стал креатурой враждебных Хрисафию сил, требовавших продолжения войны с гуннами; к их альянсу примкнул и Аполлоний (Prisk. fr. 18). Более реалистично мыслящий магистр Востока Анатолий поддержал политику откупа от Атилы: в очередное посольство к гуннам отправился он вместе с Номом, приверженцем Хрисафия (Prisk. fr. 10).

Как это ни парадоксально, но Аспариды выиграли от поражения 447 г. Вначале они, конечно же, попали в немилость у императора, о чем сообщило Атилле посольство Максимиана; но вскоре эта информация была оспорена Берихом, доверенным лицом Хрисафия (Prisk. fr. 8). Для евнуха разгром Аспаридов стал аргументом за продолжение политики умиротворения Атилы и тайной дипломатии, а Аспар и Ареовинд были необходимы при дворе как живое воплощение правоты этого курса. Примечательно, что вражды и столкновений между Аспаридами и Зеноном не зафиксировано: для последнего они были просто неудачно воевавшими с гуннами полководцами, а не политическими противниками. Следовательно, представлять исавров, как это делает Э. Томпсон ³³, силой, вытеснившей уже в 447 г.

³² Pluk J. The Export of Gold from the Roman Empire to Barbarian Countries from the 4 th to 6 th Centuries // Müntersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. 1985. Bd. 4. P. 101—102.

³³ Thompson E. A. The Isaurians under Theodosios II. // *Hermathena*. 1946. V. 68. P. 23.

с якобы влиятельных позиций при дворе клан Аспаридов вряд ли правомерно. Как раз наоборот, удалить из столицы: ловким маневром в Антиохию Хрисафию удалось Зенону. На наш взгляд, в 448 г. Хрисафий добился предоставления презентального магистерия (Ареовинд, соответственно, был отставлен) Анатолию с переводом его в столицу; вакантный пост магистра Востока, вместе с консулатом на 448 г. (CLRE. 431), получил Зенон. Видимо, противоборствующая евнуху группировка провоцировала Зенона на высказывания против Хрисафия, что давало последнему возможность убеждать императора в наличии у исавра тиранических намерений (Prisk. fr. 12; 14). Аспар и Ареовинд, став, вероятно, частными лицами, превратились в пассивных участников политического конфликта при дворе, но не исчезли вообще со сцены.

Из всего вышеизложенного следует, что Аспариды вряд ли приняли сколько-нибудь серьезное участие в избрании Маркиана; не смогли они подать помощь и Хрисафию после смерти Феодосия II. Трудно поверить и в тезис Э. Томпсона о том, что избрание Маркиана было организованным Зеноном *coup d'état*³⁴. Магистры войск не могли сколько-нибудь серьезно опереться на вооруженную силу, поскольку процесс изъятия у армейской верхушки важнейших функций контроля над вооруженными силами продолжился в 430—440 гг. В 439 г. ликвидируются для всех солдат и младших офицеров привилегии по *praescriptio fori* (Nov. Theod. VII. 1—2), что в конечном счете подрывало авторитет и влияние военного руководства в армейских низах и канцеляриях магистериев. За магистрами привилегия военного суда сохранялись только в отношении 300 *apparitores*, как и право *probatoria* (Nov. Theod. VII. 4). Практически полностью под контроль гражданской администрации перешла пограничная армия: в 438 г. на имя префекта Востока Флоренция был издан запрет переводить *limitanei* в *comitatenses* (Nov. Theod. IV); *fundi limitothrophii* находилось в ведении *comes rei privatae*, префектов Востока (Nov. Theod. V); с 443 г. магистры официий становятся главными инспекторами пограничных войск (Nov. Theod. XXIV). В известной мере тем самым друг другу противопоставлялись как походные и пограничные силы, так и их командование. В этом смысле прав У. Кэги, что единодушия магистров войск по вопросам политики не существовало³⁵. В такой ситуации двор мог себе позволить проведение любых акций против региональных магистров, не опасаясь возмущений и мятежей в армии. Так, в 441 г. по проискам Хрисафия

³⁴ Ibidem. P. 30.

³⁵ Kaegi W.E.Jr. Byzantine Military Unrest... P. 30.

был убит вандал Иоанн, магистр Фракии (Theoph. AM 5938); причины этого не ясны.

Как и другие магистры, Аспариды вряд ли имели собственные вооруженные частные свиты в 420—440 гг.; в источниках для времени правления Феодосия II они просто не зафиксированы. У Аспара, много лет бывшего *magister vacans*, видимо, не было возможности долгосрочного содержания собственного вооруженного отряда, даже принимая во внимание вероятность наличия у него средств из военной добычи. Неизвестно, была ли у него, как и у Плинты, земельная собственность. Владельцем поместий близ Киры был Ареовинд (PLRE. II. 146), но и у него не засвидетельствована личная вооруженная свита. Думается, что возможность содержания таких отрядов зависела от разрешения правительства, а не от богатства магистров. Отсутствие частных букеллариес лишило клан Аспаридов, как и прочих магистров, возможности давления на правительство. Как будто бы эпатазирующее поведение (вплоть до требования головы Хрисафия) мог себе позволить Зенон, опираясь на отряды земляков, приведенные им для обороны Константинополя (Prisk. fr. 8; 10). Однако, будучи принятыми на службу, эти отряды обретали официальный статус и, во всяком случае *de iure*, не могут считаться частными. Теоретически на них распространялось право гражданской администрации назначать командный состав. Если отношения верности между полководцем и солдатами в исаврийских отрядах и существовали, то они обуславливались племенными связями. Не зафиксированы частные букелларии и у магистров-римлян, хотя последние и обладали известным богатством. Например, Валентин был известен широкой благотворительностью (PLRE. II. 1140), а Анатолий имел какую-то недвижимость (PLRE. II. 86). Представляется, что в первой половине V в. правительство не пошло на разрешение частного букелларията для высших военных.

Рассмотренный материал, таким образом, позволяет говорить об известной регенерации тенденции фамильного воспроизводства военной верхушки Византии в первой половине V в. Однако эта тенденция практически не прослеживается среди высших офицеров римского происхождения. То, что дети магистров варварского происхождения, наоборот, шли на военную службу (Аспар, Арматий, Ардабур-младший), объясняется реальным местом их родителей в государстве. Правящая элита империи, создавшая в первой половине V в. систему надежного контроля над военной организацией, предпочитала отбирать на “солдафонские” должности, малопrestижные с аристократической точки зрения, по преимуществу офицеров-варваров, не связанных с какими-либо политическими кругами. В условиях, когда

они вынуждены были отрабатывать свои “оклады”, неудивительно, что у них не формировались родственные связи с византийской гражданской верхушкой и императорской фамилией. Вряд ли в этой связи следует абсолютизировать появление в ранней Византии в первой половине V в. “военных династий” консулов (CLRE. 6), так как достижение консулата магистрами-варварами находилось в прямой связи с достигнутыми ими победами и заслугами; иными словами, каждый (за единственным исключением — Ардабур-младший) консулат высших офицеров фактически был показателем персонального профессионализма. Возникновение наследственности службы у части военной верхушки не пугало правительство, поскольку она не дополнялась автоматически политическим влиянием, и даже не распространялась на возможность замещения именно тех постов, которые занимали некогда их родители. Отсюда субъективный фактор в карьерах детей магистров-варваров играл огромную роль, тем более, что гражданская служба, насколько это видно по источникам, либо их не привлекала, либо была для них недоступна. В целом, военная знать так и не стала в первой половине V в. стабильным элементом социальной структуры ранней Византии.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА ПРИ МАРКИАНЕ И ЛЬВЕ I

В подавляющей массе работ по ранневизантийской истории подчеркивается, что в период правления Маркиана и Льва I шло форсированное нарастание мощи клана Аспаридов, который, вплоть до его ликвидации, был серьезной политической силой в империи¹. Целый ряд параметров структуры этого клана (родственные связи между высшими военачальниками, императорской фамилией и варварскими вождями, собственные отряды) как будто служат прекрасным аргументом в пользу теории А. Демандта о существовании в поздней античности особой, перманентно доминирующей в государственной жизни правящей элиты — военной знати.

Миф об Аспаридах, характерный для современной историографии, коренится в ранневизантийских источниках VI в. и следующих за ними более поздних авторах. Исходным моментом формирования этого мифа является утверждение о решающей роли Аспара в избрании Маркиана императором. В источниках четко прослеживаются две версии, по-своему пытающиеся объяснить выбор Маркиана императором, и в обоих упоминается имя Аспара. Первая, берущая начало у Малалы (Malala. 367), развивает легенду о завещании Феодосия II, близ смертного одра которого присутствовал и Аспар (Chron. Pasch. 589; Cedren. 611). Но в ней нет даже намека на то, что Аспар каким-то образом повлиял на решение умирающего императора: он просто присутствовал. Единственно достоверным в ней является то, что Аспар действительно мог находиться в тот момент во дворце. Совершенно в иной плоскости лежит вопрос о том, почему из массы царедворцев эта

¹ См. наиболее важные: Seeck O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. B., 1920. Bd. VI. S. 353—358; Isdera. *Aspar, Flavius Ardabur* // RE. 1896. Bd. II. Sp. 607—610; Stein E. *Geschichte des spätrömischen Reiches*. Wien, 1928. Bd. I. S. 528—535; Bury J. *History of the Later Roman Empire*. N. Y. 1958. V. I. P. 235; 314—316; Jones A. H. M. *The Later Roman Empire 284—602. A Social, Administrative and Economic Survey*. Oxford, 1964. V. I. P. 218; 221—223; Demandt A. *Magister militum* // RE. 1970g. Splbd. XII. Sp. 771—776; Кулаковский Ю. А. *История Византии*. Киев, 1913. Т. I. С. 326—373; Козлов А. С. *Содержание конфликта Аспара и Льва I* // АДСВ. 1975. Вып. II. С. 110—123. Последняя работа, в которой пересматривается ряд традиционных взглядов, занимает особое место в историографии.

версия вычленяет только имя Аспара. В этом повествование Малалы смыкается с рассказом Прокопия (BV. I. 4. 2—11) об орле, распростершим свои крылья над спящим Маркианом во время вандальского плена последнего. Аспар здесь фигурирует также лишь попутно: на решение Гензериха отпустить пленного повлияло, прежде всего, само чудо, а то, что Маркиан был близок к Аспару, выглядит лишь добавочным аргументом, воздействовавшим на вандальского короля. Прокопий, однако, в отличие от его позднейших компиляторов, пытается ввести рационалистический момент в трактовку чуда: Гензерих, памятуя, какой властью пользовался Аспар в Византии, заключает, что Маркиан действительно достигнет царской власти (BV. I. 4. 8). Но более серьезным в размышлениях Гензериха выглядит все же ссылка на божественное провидение, заставившее вандала пощадить Маркиана, взяв с него клятву не воевать с ним в случае достижения Маркианом императорской власти. Очень вероятно, что этот рассказ восходит к объяснениям проводимой Маркианом политики невмешательства в дела Западного Средиземноморья². По Феофану (AM 5943) и Зонаре (XIII. 24), чудо с орлом произошло до африканского похода в Ликий в присутствии неких Юлиана и Таптиана, а главным в решении Гензериха отпустить пленного, согласно рассказу Феофана, называется близость Маркиана к Аспару. То есть Феофан счел чудо с орлом в Африке просто неправдоподобным и отринул эту деталь рассказа Прокопия. Евагрий, которому в данном случае следует Зонара, хотя и сослался на Прокопия, опустил утверждение последнего об особой близости Маркиана к Аспару, отметив лишь, что будущий император воевал вместе с Аспаром (Evaogr. II. 1: Ασπάρῃ συνεστράτευσεν: Ζων, XIII. 24: σὺν Ασπάρῃ στρατεύόμενος). Прокопий близость Маркиана к Аспару попытался объяснить высоким рангом Маркиана: domestik или “соучастник тайного” (BV. I. 4.7). Но у Прокопия нет сведений о том, имели ли впоследствии эти связи какое-то продолжение и как они повлияли и на выбор Маркиана императором, и на престиж Аспара при новом правлении. Напротив, Прокопий бесстрастно замечает: “Таким образом, Маркиан, будучи отпущенным, пришел в Византию и в более позднее время, после того как скончался Феодосий, получил императорскую власть” (BV. I. 4. 10—11). Иными словами, версия Прокопия непоследовательна: назвав Маркиана domestikом Аспара в африканской экспедиции и ретроецировав военные реалии VI в., поскольку о такой значимости domestikов для первой

² Thompson E. A. The Foreign Policies of Theodosius II and Marcian // *Hermathena*. 1950. V. 76, P. 68—69.

половины V в. нет сведений в современных источниках, он никак не соотносит дальнейшие судьбы этих, по его рассказу, столь связанных друг с другом людей. То есть Прокопия явно больше интересовал Маркиан и проблема того, почему при этом императоре с вандалами были довольно ровные отношения, а отнюдь не Аспар, короткой ремаркой о большом влиянии которого в Константинополе он просто отдал дань каким-то циркулировавшим в столице слухам. Это, видимо, и смутило компиляторов Прокопия, в повествовании которых чудо с орлом также осталось вне связи с последующими событиями, связанными с Аспаром, и они вынуждены были пойти по пути комбинации двух разных традиций. Так, у того же Феофана Маркиан облагодетельствовал Юлиана и Татиана, наблюдавших чудо с орлом, а самого Маркиана в императоры выдвигает Пульхерия (причем, заметим, из сенаторов — ἐκ λόσσης τῆς συνκλήτου), а какое-либо упоминание об Аспаре в этом акте вообще отсутствует (AM 5943), как, собственно, и у Прокопия. Таким образом, и вторая версия не дает оснований говорить о какой-то роли Аспаридов в избрании Маркиана. В лучшем случае она отражает небольшой этап в карьере будущего императора — скромного офицера потерпевшей поражение презентальной армии Аспара. Наконец, уместно отметить, что обе версии полностью отсутствуют у авторов V в. и в ряде хроник VI в. На наш взгляд, это было вызвано следующим: авторы V в. не приняли официального разъяснения быстрой расправы (можно сказать, “при закрытых дверях”) над Аспаридами как вдохновителями провандальского заговора; излагать же истинные причины конфликта Аспара и Льва было опасно. Отсутствие надежной информации породило в широких кругах столичного населения массу слухов с неизбежным преувеличением реальных позиций клана уже при Маркиане. На этих слухах о личном могуществе Аспара и было основано все последующее противоречивое здание мифа об Аспаридах; все неясные византийцам события середины V в. просто списывались на противодействие Аспаридов императорам. В этой связи примечательно, что Зонара даже передает молву о якобы имевшем место отравлении Маркиана Аспаром (Zon. XIII. 25).

Практически это все, что мы знаем об Аспаре в правлении Маркиана. Такая скудость информации о нем подтолкнула А. Демандта к компромиссной оценке: “Деятельный император задвинул своего генерала в тень”³. На наш взгляд, даже в этом задвигании в тень не было необходимости. Очевидно, надо исходить из того, что Аспару

³ Demandt A. Magister... Sp. 770.

в последние годы жизни Феодосия II покровительствовал Хрисафий. Это подразумевает, что Аспар в начале правления Маркиана продолжал оставаться частным лицом. Учитывая, что одним из первых дел нового режима стала казнь евнуха, можно утверждать о сознательном недопущении Аспара к высшим военным должностям. Презентальными магистрами на момент провозглашения Маркиана были Аполлоний и Анатолий. Об Аполлонии известно, что он был послан Маркианом к Аттиле для переговоров о сумме трибута (Prisk. fr. 18); Анатолий присутствовал на Халкедонском соборе (PLRE. II. 85); Аспар не засвидетельствован ни в каком деле за все время правления Маркиана. Отсюда просто не верится в то, что частное лицо могло каким-то образом оказать влияние на избрание императора.

Одним из возможных кандидатов на *magisterium praesentale* Д. Мартиндейл, со ссылкой на житие Авксентия, называет некоего Константина (PLRE. II. 312). Другим признается Анфимий, сын магистра Востока в 421—424 гг. Прокопия и будущий западноримский император⁴. Сомнительно, что в случае с Анфимием можно говорить о традициях наследственности военной службы: для Прокопия его магистерий был коротким эпизодом в карьере, возможно, еще до рождения Анфимия. Брак последнего с дочерью Маркиана и последующие консулат и патрициат, возможно, и презентальный магистерий (Sid. Carm. II. 205—209), прежде всего, свидетельствуют о желании императора сблизиться со столичной аристократией, но не с Аспаридами, вряд ли бывшими в тот момент влиятельным семейством в столице. Со смертью Маркиана надолго обрываются фамильные связи Анфимия с византийским престолом.

Не исключено, что приблизительно с 454 г. Анфимий был единственным презентальным магистром, что было следствием разгрома имперских войск гуннами в 447 г. В самом деле, если дезорганизованной оказалась почти половина походной армии Византии⁵, то столь ли уж необходим был второй презентальный магистр в период количественного и качественного восстановления экспедиционных сил. Очень вероятно, что презентальный ранг Анатолия, унаследованный им от потерявшего свою армию Ареовинда (Prisk. fr. 8), был в известной мере почетным (для переговоров с Аттилой, не принимавшим невысокопоставленных послов)⁶. Реально существовало лишь презентальное войско

⁴ Ibidem. Sp. 777.

⁵ Походная группировка Фракии под командованием Арнегиска, презентальная армия Ареовинда, войска под началом Аспара. — Theoph. AM 5942.

⁶ См. об этом феномене любопытное исследование Mathisen R. *Patricians as Diplomats in the Late Antiquity* // BZ. 1986. Bd. 79. P. 35—49.

Аполлония, защищавшее столицу от гуннов и понесшее незначительные потери, а значит, и должность его была более весомой. Видимо, после отставки Анатолия решено было до воссоздания второй презентальной армии оставить пост ее командира вакантным⁷. Сходной была судьба и фракийского магистерия: в связи с малым числом походных войск во Фракии в конце 40-х—начале 50-х гг. V в. во главе их был поставлен только комит. Одним из них и был в начале своей карьеры Анфимий (Sid. Carm. II. 199). Наконец, стратегически первостепенной задачей, вероятно, было восстановление фракийской походной группировки, что удлиняло сроки комплектования второй презентальной армии. Все это позволяет утверждать, что для Аспара просто не было места в центральном военном аппарате при Маркиане. В этой связи представляется надуманным тезис о борьбе за своего кандидата на престол между сильными готско-аланским и исаврийским “лобби” в византийской столице⁸.

Наиболее удачной из всего клана Аспаридов при Маркиане была карьера Ардабура-младшего: после победы над варварами (гуннами) во Фракии (Suda. s. v. Ardaburios) он был назначен на вакантный после смерти Зенона восточный магистерий. До этой кампании он, как и его отец, видимо, был частным лицом, поскольку на презентальных должностях находились Аполлоний и Анатолий; во всяком случае, никакой ранг в период 448—450 гг. у него вообще не засвидетельствован. Необычность награды Ардабуру (фактически речь идет о том, что впервые в V в. во главе восточного магистерия ставится офицер варварского происхождения, т. е. о разрыве с административными традициями правления Феодосия II) подчеркивает как огромное значение, придававшееся правительством Маркиана перелому в войнах с гуннами, так и то, что презентальные должности не были вакантными. Не исключено, что у Суды (s. v. Ardaburios) и Идация (Chron. 154) речь идет об одном событии: под часто вторгавшимися во Фракию варварами подразумеваются гунны, а во главе рейда войска Маркиана на гуннские становища был Ардабур⁹. Примечательно, что к этой операции не привлекался

⁷ Например, Феодосию I понадобилось для восстановления количественного уровня армии, после понесенных под Адрианополем потерь, десять лет. — Hoffmann D. Das spätrömischen Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969. Bd. I. S. 468.

⁸ Minor C. E. Brigand, *Insurrectionist and Separatist Movements in the Later Roman Empire*. Diss. Ann Arbor, 1979. P. 102.

⁹ Представляется справедливой идентификация Аэция у Идация Лемика со знаменитым западноримским магистром. — Maenchen-Helfen O. *Die Welt der Hunnen*. Wien, Köln, Graz, 1978. S. 103; ср. Seeck O. *Geschichte...* Bd. VI. S. 312.

Аспар, репутация которого, видимо, все еще оставалась низкой из-за недавнего поражения на р. Уте, вследствие чего правительство и сочло необходимым лучше доверить войска его сыну, оставив отца вновь в резерве.

На посту магистра Востока Ардабур зарекомендовал себя решительным, инициативным, честолюбивым военачальником. Так, разгромив близ Дамаска сарацин, он, не дожидаясь посланцев магистра официий, в ведении которого была имперская дипломатия ¹⁰, сам вступил с побежденными в переговоры. Интересно, что глава специально присланной из столицы миссии — знаменитый Максимин — обозначен как стратег (*Exs. leg. gent.* 10). Может быть, параллельно он должен был провести инспекцию пограничных войск от имени магистра официий?

Чем же объясняется более заметная роль Аспаридов при избрании императором Льва, если в целом клан не обладал прочными позициями при дворе и в государственном аппарате при Маркиане? Известная новизна ситуации при определении судьбы престола в 457 г., по сравнению с аналогичными обстоятельствами 450 г., состояла в отсутствии яркого политического, с сильной легитимной позицией лидера, каким была Пульхерия. О какой-то нестабильности, интригах, конфликтах при дворе, последовавших за смертью Маркиана, ничего не известно, хотя имперская политика после Пульхерии явно во многом направлялась собственно магистром официий Евфимием (*Prisk. fr.* 26) и префектом Востока Константином (*PLRE. II.* 317—318). Права Анфимия как зятя императора на престол не были бесспорны, поскольку кровным родственником Маркиана он не был. Интересно, что о каких-то его притязаниях нет упоминаний ни у одного византийского автора; лишь Сидоний сделал на этот счет довольно туманный намек в панегирике 468 г. ¹¹, из которого все же нельзя напрямую сделать вывод о противодействии Аспара Анфимию, как это часто делается ¹². Видимо, при решении вопроса о роли Аспаридов в избрании Льва необходим иной подход.

Прежде всего, обращает на себя внимание сходство, типичность ряда внешних, формальных моментов и, можно даже сказать, принципов в подборе кандидатов на престол в 363, 364, 450, 457 гг. Как правило, такой кандидат избирался, так сказать, “со стороны”, не был высокого социального происхождения, не занимал видных постов в государственном аппарате. После избрания такой кандидат не отдавал видимого предпочтения никакой стороне, не

¹⁰ Clauss M. *Der magister officiorum...* S. 64.

¹¹ *Sid. Carm. II.* 210—212: *iamque parens divus; sed. vobis nulla cupido imperii; longam diademata passa repulsam insignem legere virum.*

¹² Seeck O. *Geschichte...* Bd. VI. S. 355—356.

разрушал сложившегося равновесия. Интересно, что во всех четырех случаях императорами избирались трибуны привилегированных воинских подразделений. Иовиан в 363 г. был *domesticorum ordinis primus* (Amm. XXV. 5. 4), Валентиниан в 364 г. — *tribunus scholae secundae scutariorum* (Amm. XXVI. 1. 5); Валент — *tribunus stabuli* (Amm. XXVI. 4. 2); Маркиан в 450 г. — трибун (Theod. Anagn. 354); Лев в 457 г. — трибун Маттиариев (De ser. I. 91; Theoph. AM 5950). На наш взгляд, в этом внешнем критерии отразился выработанный еще в 363 и 364 гг. неписанный политический принцип, когда в условиях пресечения династии включался конституционный механизм по выборам нового императора, состоявший из высших чинов гражданской и военной администрации. В 450 г. придворный альянс, сложившийся на базе неприятия политики Хрисафия, по инициативе Пульхерии — последней представительницы феодосиевой династии — провозгласил императором трибуна Маркиана. Роль самой Пульхерии, на фоне компромисса гражданской и военной верхушки, свелась к ее праву назвать кандидатуру, но в соответствии с традицией из офицеров среднего звена армии.

Видимо, и в 457 г. возникла сходная ситуация, когда в соответствии со сложившейся установкой искали офицера того же ранга. Но расстановка сил, помимо отсутствия такого лидера, как Пульхерия, отличалась своеобразием по сравнению с 363 и 364 гг., когда в конституционном выборном механизме на равных с верхушкой гражданской администрации в отборе кандидатур участвовал целый ряд магистров армии — Дагалаиф, Невитта, Аринфей, Виктор. В 457 г., в момент смерти Маркиана, при дворе и в столице находились лишь Анфимий и Аспар: презентальный магистр и частное лицо. Думается, что не обладавший каким-то реальным авторитетом уже в силу своей молодости (Sid. Carm. II. 208f: *puer; iuuenis*), а также плохо знавший кадры офицерства армии, Анфимий вряд ли мог хорошо справиться с задачей подбора кандидатуры. Аспар же в этой ситуации, несмотря на то, что он был эксмагистром, был единственным (не исключено при этом, что магистр оффиций Евфимий и префект Востока Константин приняли в расчет обстоятельство пребывания его сына на посту магистра Востока, т. е. Аспар как бы действовал от имени носителя наиболее могущественного на 457 г. ранга в военной иерархии Византии, учет мнения которого и делало консенсус высшей администрации при избрании императора полным) из высших офицеров, пусть и с бывшими заслугами и полузабытой славой, которого знала армия и чей выбор она могла одобрить. Таким образом, и в свой “звездный час” Аспар не был могущественным *Kaisermacher*,

как Рицимер на Западе: ему предстояло лишь быстро ¹³ найти малоизвестного трибуна и далее передать его гражданской администрации, положившейся на его выбор; роль высших гражданских чиновников состояла уже только в подготовке намеченного кандидата к официальной церемонии провозглашения. Эту задачу Аспара в 457 г. прекрасно понял Приск: “По собственному разумению Аспар подготовил (разрядка наша. — Е. Г.) Льва стать преемником его (Маркиана)” (Prisk. fr. 20). Ряд авторов говорят об избрании Льва сенатом (Malala. 369; De cer. I. 91) или армией (Marc. Com. a. 457; Theod. Anagn. 367; Chron. Pasch. 592) и не отмечают никакой роли Аспара в выдвижении императора ¹⁴. В этой связи представляется натяжкой тезис о том, что армия с середины V в. стала играть при выдвижениях императора меньшую, чем прежде, роль ¹⁵. В сохраненном отчете об обряде коронации Льва I в числе аккламаторов перечисляются “архонты, схолы и стратиоты, а также Анатолий, архиепископ Константинополя” (De cer. I. 91). Этими стратиотами были, несомненно, солдаты презентальных сил. Разгадка “демилитаризации” императорских коронаций, во всяком случае, чисто внешней, видимо, и не в том, что, как полагают, варваризованная армия перестала быть представительницей римского народа ¹⁶. Вся армия никогда не выдвигала императора, даже в такие сложные периоды, как узурпация Юлиана, избрание Иовиана, Валентиниана I и Валента; императора “делал” совет высших дигнитариев империи, а войскам предлагалось лишь одобрить совершившийся выбор. В мирные периоды, в условиях прочного контроля гражданской администрации над военной, конечно, и речи не могло быть о каком-то влиянии армии на “конституционный совет”.

Другая версия о большей роли Аспара в событиях провозглашения Льва, которая впервые прослеживается у Кандида Исавра и обрастает подробностями уже у поздних авторов, на наш взгляд, переоценивается в историографии и понимается слишком упрощенно. Можно лишь сожалеть о лапидарности компиляции Кандида Фотием, поставившего

120

¹³ Интересна и такая деталь: трибуна Маркиана Пульхерия нашла во дворце (Theoph. AM 5942), т. е. он был, видимо, офицером гвардии; трибун стоявшего в Селимврии легиона Маттиариев Лев (De cer. I. 91) служил в презентальной армии, т. е. гвардия плохо знала Аспара.

¹⁴ О роли и месте патриарха в коронации Льва I см.: Winkelmann F. Zur Rolle der Patriarchen von Konstantinopel bei den Kaiserwechseln in frühbyzantinischer Zeit // Klio. 1978. Bd. 60. S. 470—471.

¹⁵ Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. München, 1966. S. 10—12.

¹⁶ Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 107.

рядом два разнородных свидетельства: “Он описывает в первой книге могущество Аспара и его детей, провозглашение Льва при посредстве Аспара” (FHG. IV. 135). Вторая часть фразы, о провозглашении Льва, ничуть не грешит против истины: Аспар действительно сыграл посредническую роль. А из первой части неясно, когда именно Аспар достиг видного места в государстве — до или после выдвижения Льва. Думается, что оба варианта версии о могуществе Аспара (у Кандида и Прокопия) эксплуатировали этот тезис в собственных целях. Кандиду нужно было оправдать участие исавра Зенона в убийстве Аспара. Прокопий фактически принял официальную версию Льва I о личной вине Аспара за фиаско экспедиции Василиска в 468 г. как следствие провандальского заговора ариан в Константинополе; иначе он просто не мог найти объяснения гибели такого крупного флота в 468 г. на фоне блестящего успеха Велизария в 533 г., достигнутого гораздо меньшими силами. Однако исследователи справедливо подчеркивают сомнения Прокопия в надежности излагаемой им версии¹⁷. Видимо, поэтому рассказ о роли Аспара в выдвижении Льва противоречив. В одном месте Прокопий мимоходом замечает, что Аспар просто помог стать Льву императором (BV. I. 5. 7). В другом им изобретается малоправдоподобный для современников тезис о том, что лишь арианство (конфессия, а не варварское происхождение — весьма примечательный факт!) препятствовало Аспару самому занять престол (BV. I. 6. 3). Не случайно ранневизантийские авторы прошли мимо этого положения Прокопия (ведь стали же императорами нетвердый в православии Зенон и монофизит Анастасий) и повторили его только поздние авторы (напр. Theoph. AM 5961). Акцент же на чрезмерном могуществе Аспара был совершенно необходимым атрибутом в объяснении равной вины за поражение флота самого Василиска, искавшего у Аспара поддержки в достижении императорской власти.

Версию о решающей роли Аспара в выдвижении Льва из позднеантичных авторов безоговорочно разделил только Иордан: “Лев, происходивший из бесского рода, мощью патриция Аспара был из военного трибуна сделан императором” (Iord. Romana 335). Не исключено, именно потому, что престиж Аспара у Амалов был высок. Евагрий, хотя часто ссылается на Прокопия, фактически не принял версию о провандальском заговоре и могуществе Аспара. Наоборот, он как бы склоняется к первой версии, когда,

¹⁷ Козлов А. С. Содержание конфликта... С. 111: “Прокопий не уверен в правдивости слухов о сговоре Аспара с Василиском, сговоре, направленном к гибели флота и падению престижа Льва, — этот момент пронизывает весь его рассказ”.

морализируя, повествует о коварстве Льва, убившего Аспара “как бы в награду за свое возвышение” (Evagr. II. 16).

Особняком стоит приведенный в актах церковных соборов Рима рассказ Теодориха Великого о ситуации накануне избрания Льва императором: “Однажды Аспару было сказано сенатом, чтобы он стал императором. Передают, что он дал такой ответ: «Боюсь, как бы не родилась в царстве через меня привычка» (MGH. AA. XII. 425). Существующие трактовки этой фразы не выражают сомнения в историчности самого факта предложения императорского достоинства Аспару. А. Демандт считает, что поведение Аспара укладывается в рамки всеобщего понимания должности магистра армии в обществе: задача военачальника — военная защита империи, а императорская власть, как символ государства, лежит за пределами того, что военачальник может достичь законным путем¹⁸. Р. фон Хэлинг считает, что Аспар как магистр варварского происхождения в отказе от императорской власти продемонстрировал общую установку всех высших военных-неримлян: они могли, но не хотели достигать императорской власти, поскольку в военной защите империи видели свой моральный долг; отказом же от императорского достоинства они просто не желали создавать прецедент¹⁹. На наш взгляд, все же есть основания сомневаться в историчности этого свидетельства уже потому, что ни один из византийских авторов о нем не обмолвился даже намеком. Не исключено, что Теодорих просто изобрел этот пример в назидание западным епископам, который они не могли перепроверить, тогда как остготский король намекал на свою исключительную осведомленность в этом деле, поскольку, детство он провел заложником в Константинополе. С другой стороны, моральная парадигма для спорящих епископов о судьбе папского престола должна была быть самого высокого ранга и для сравнения подходила лишь власть императора. Теодорих, покинувший Константинополь в 470 г.²⁰, до гибели Аспара, сам пользовался теми слухами, которые возникли после расправы над Аспаридами и преувеличивали их роль в выдвижении Льва. На это особенно указывает глагол *refertur*, т. е. Теодорих прямо сослался на молву. Наконец, ни один источник, в том числе и Теодорих, не фиксирует магистерский ранг у Аспара при Маркиане. Мог ли сенат предложить императорскую власть частному лицу, если за

¹⁸ Demandt A. *Magister... Sp.* 770—771.

¹⁹ Haehling R. von. “*Timeo, ne per me consuetudo in regno nascatur*”: Die Germanen und der römische Kaiserthron // *Roma Renascens. Festgabe für I. Opelt.* Frankfurt/Main, 1988. S. 100.

²⁰ Это следует из того, что в 500 г. он отпраздновал тридцатилетний юбилей своего правления. — *Exc. Val.* 67.

весь позднеантичный период от Диоклетиана и до Ираклия не известно ни одного случая, чтобы человек, не занимавший на момент выбора никакого официального поста, стал императором? Однако, на наш взгляд, в назидании Теодориха все же есть то, что сделало его правдоподобным для западного епископата. Речь идет о выработанном в ходе выборов императоров середины IV и середины V вв. при пресечении династии принципе недопущения к императорской власти высших дигнитариев государства, который Аспар якобы и не захотел ломать.

Примечательно, что у ранневизантийских авторов совершенно отсутствует объяснение, почему Аспар избрал из многих трибунов именно Льва. И, наоборот, найти мотивацию этого выбора пытались в позднейшее время. Так, Феофан, повторяя тезис Прокопия о том, что арианство препятствовало Аспару стать императором, от себя ²¹, со ссылкой на молву, утверждает, что Лев был управителем имуществ Аспара и Ардабура (AM 5961: κουράτορα αὐτῶν). Зонара, также опираясь, вероятно, на Феофана, называет Льва управителем имуществ только Аспара (Zon. XIII. 25: κτήσεων αὐτοῦ, сообщая далее об обещании Льва сделать одного из сыновей Аспара цезарем.

Думается, что, при требовании неписаной традиции искать кандидата среди трибунов армии, вряд ли лицо, находившееся на частной службе, могло быть даже предложено “конституционному совету”. Такой вариант объяснения, как сначала служба Льва у Аспара прокуратором имуществ, в затем синекура в виде офицерского чина, отпадает, поскольку назначение младших и средних командиров армии находилось в ведении гражданской администрации (CTh. I. 8. 1—3). Совмещение обоих занятий Львом также маловероятно, причем не только потому, что он был командиром ближайшего к столице и привилегированного гарнизона. Одним из первых мероприятий нового правительства стало наведение порядка в армии: запрет всех форм частного предпринимательства солдатам и вмешательства их в гражданские дела (CJ. IV. 65. 31; XII. 35. 15—16). Примечательно, что до 458 г. V в. подобных запретов не было: контролирующее младший и средний командный состав ведомство магистра оффиций просто закрывало на это глаза, не желая ссориться по пустякам с посессорами, и, кроме того, частные промыслы солдат объективно улучшали финансовое и налоговое положение государства ²². Серия же законов 458 г. свидетельствует о

²¹ Особенности метода Феофана при компиляции им Прокопия см.: Чичуров И. С. Феофан Исповедник — компилятор Прокопия // ВВ. 1976. Т. 37. С. 62—73.

²² О налогах с солдат и состоянии военных финансов подробнее см.: Chastagnol A. L'impôt payé par les soldats au IVe siècle // Armées et fiscalité dans le monde antique. P., 1977. P. 279—293; Patlagean E. L'impôt payé par les soldats au VIe siècle // Ibidem. P. 303—309; Carrié J.-M. Les finances militaires et le fait monétaire dans l'Empire Romain Tardif // Les devaluations à Rome. P., 1978. T. 1. P. 227—248.

прямо противоположном подходе к этой проблеме, подходе профессиональных военных, давно мечтавших покончить с этим злом и навести дисциплину в армии. В такой психологической ситуации просто трудно представить, что Лев и Аспар публично “высекли” самих себя. Наконец, ни у одного ранневизантийского автора нет даже намека на какие-то поместья Аспаридов, которым нужен был бы управляющий. Можно лишь предполагать, что определенную недвижимость Аспар мог унаследовать от отца и в качестве приданого от первой жены (дочери Плинты — PLRE. II, 892). В основном же все-таки его благосостояние складывалось из военной добычи (например, Suda s. v. Zerkon) и “окладов”, получаемых в период пребывания его на соответствующих постах. В те моменты, когда он был частным лицом, находясь в резерве, Аспар жил скромно, поскольку, насколько это видно по законам, государство не оплачивало эксмагистров (CTh. VII. 7. 1—2= CJ. XII. 4. 1—2). Не случайно в связи с этим, что ни о какой благотворительности его не известно при Маркиане, и только при Льве на его средства (только ли на его?) была сооружена цистерна в столице (Chron. Pasch. 593), т. е. тогда, когда он стал презентальным магистром с соответствующим жалованьем. Видимо, в этом плане следует трактовать сообщение Малха (fr. 2) о притязаниях Теодориха Страбона на аспарово наследство (κλήρονομία), наряду с желанием остаться во Фракии, т. е. гот подразумевал движимое имущество, причем накопленное в основном в годы правления Льва. Из всего этого следует, что вряд ли Аспар знал Льва до 457 г. как ктитор своего бывшего прокуратора; скорее они вообще были не знакомы или мало знакомы: Аспар извлек из неизвестности первого ближайшего трибуна армии. Косвенным свидетельством этому может служить поспешность в определении кандидата: если между смертью Феодосия II и коронацией Маркиана прошел почти месяц, то Лев был провозглашен императором спустя десять дней после кончины предшественника²³.

На этой основе просто не могли сложиться связи между императором и военачальником, предложившим его кандидатуру. В награду за его выдвижение Аспар получил от Льва (потребовал?) пост презентального магистра. Анфимий либо стал частным лицом²⁴, либо был отправлен

²³ Seeck O. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahren 311 bis 476 n. Chr. Stuttgart, 1919. S. 387; 403.

²⁴ Enßlin W. Leo // RE. 1925. Bd. 12. Sp. 1948.

в Иллирик воевать с остготами Валамира (Sid. Carm. II. 224—226; Iord. Get. 270—271) ²⁵. Если последнее верно, то речь должна идти не только о восстановлении иллирийского магистерия, на котором вплоть до провозглашения западно-римским императором оставался Анфимий, но и о количественном увеличении военной верхушки. Положение Аспара, ставшего единственным презентальным магистром, в правовом отношении ничем не отличалось от статуса его предшественников, контролировавшихся гражданской администрацией. Влияние Аспара как военачальника с большим опытом, в это время отчетливо прослеживается лишь в вопросах военной политики. Думается, что помимо указанной попытки навести порядок в армии, Аспару удалось убедить Льва создать близ столицы дополнительные экспедиционные подразделения. В целом такое решение было подсказано реальным состоянием походных сил империи: восстановление фракийской и второй презентальной армии, видимо, не завершилось, поскольку оно шло в основном в рамках обычной конскрипционной практики. Дело осложнялось тем, что балканские провинции после варварских набегов середины V в. были не в состоянии дать необходимое количество рекрутов для армии. Например, данные о начальном периоде военной службы двух будущих императоров — Маркиана и Юстина — контрастно очерчивают разницу ситуаций с набором в армию в балканских провинциях в первой и второй половинах V в. Если Маркиан, сын ветерана, сам шел записываться в подразделение, где раньше служил его отец (Evagr. II. 1), то Юстин с двумя товарищами, устав бороться с нищетой, пешком прибыли в столицу для того, чтобы быть принятыми в армию (Proc. HA. 6. 2—3). То есть конституционный механизм в ряде провинций просто бездействовал. Федератские отношения с остготами Триария (Iord. Get. 270) проблемы не снимали, более того, в условиях незащищенности Фракии имперскими войсками они могли стать обузой для империи. Быстро создать мобильный боеспособный резерв можно было только путем вербовки наемников. В этом плане ситуация конца 50-х гг. V в. была аналогична обстоятельствам 394—395 гг., когда большая часть византийских войск была на Западе, и Руфин срочно набрал отряд букеллариев. Ставка Руфина на персональный характер службы варварских наемников, а не в рамках договора с определенным племенем, оказалась удачной, и ее начали широко практиковать в V и VI вв. ²⁶ Уже в первые десятилетия V в. такие наемники под именем феде-

²⁵ Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979. S. 329.

²⁶ Описание такого корпуса, как военного института VI в. см.; Maspero J. Στρατιῶται et φοιδερᾶτοι dans l'armée byzantine au VIe siècle // BZ. 1912. P. 97—109.

ратов были как на Западе (*Olymp. fr. 7*), так и в Византии: например, около 421 г. Ариовинд был назначен комитом федератов (*Soc. VII. 18; 25*); иными словами, этот наемнический корпус обретал ярко выраженный государственный характер. Пока существовала держава гуннов, властители которой требовали возвращать всех перебежчиков (*Prisk. fr. 5; 8; 10*), такой корпус не мог существовать, если империя не хотела дать Аттиле столь очевидный предлог для вторжения²⁷. И, наоборот, после разгрома гуннов у Недао для всех типов федератских отношений вновь открылась перспектива развития. Аспар не создал заново²⁸, но предложил, видимо, Льву воспользоваться этой практикой и даже распространить ее на презентальные силы. В одном из отрывков Малалы говорится, что Аспар имел “множество готов, многих комитов и других слуг и состоявших при них людей, которых он называл федератами и на которых отводятся федератские анноны” (*Exc. de insid. 161*).

Думается, что после первой же удачной попытки создания Аспаром корпуса государственных федератов началось распределение наемнических отрядов по другим магистериям и тиражирование этого института на Балканах. Известно, например, что уже в 459 г. Ардабуром на охрану тела Симеона Столпника был послан готский отряд (*Chron. Pasch. 594*), видимо, предоставленный восточному магистерии Аспаром. Учитывая, что уже в 464 г. Василиск сменил некоего Фл. Рустикия на посту магистра Фракии (*Malch. fr. 7*), можно говорить о воссоздании фракийского магистерия, видимо, около 460 г. На наш взгляд, это смогло произойти быстро лишь за счет перераспределения федератских подразделений и включения их во фракийскую походную группировку, т. е. под прямым командованием Аспара осталось значительно меньше федератов, чем на момент создания корпуса.

Причины широкого распространения этого принципа комплектования армии, вне сомнения, коренились как в неудовлетворительной демографической ситуации, экономических интересах посессоров и государства, не желавших поставлять молодых колоннов в качестве рекрутов, так и в расстройстве конскрипционного механизма в балканских провинциях, сильно пострадавших от варварских набегов середины V в.

Думается, что быстрое оздоровление вооруженных сил

²⁷ На восточных границах это все же практиковалось. — *Nov. Theod. XXIV. 2.*

²⁸ *Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris. Bruxelles, Amsterdam 1949. T. 2. P. 87—88.*

империи как следствие решительных и продуманных действий Аспара, создало ему авторитет мудрого администратора в столице. До 465 г. об Аспаридах источники дают скудные, но позитивные отзывы: постройка цистерны и личное участие Аспара в тушении пожара в Константинополе; жизнь в кругу актеров и философов Ардабура (Suda s. v. Ardaburios), наряду с подчеркнутым уважением к религиозным чувствам антиохийцев. Очевидно, они верно служили империи, не посягая на нечто большее. И, наоборот, начиная с 465 г. фиксируются, трения и разногласия между императором и Аспаридами. По Кандиду, Аспар поссорился, вплоть до словесной перепалки, со Львом из-за Татиана и Вивиана и “василевс вследствие этого избрал себе в друзья (ἠταρίσατο) народ исавров через посредство Трасикодиссы, сына Русумбладеота” (FHG. IV. 135). Практически это единственный прямо указанный в источниках мотив охлаждения отношений между Львом и Аспаром. В “Житии Даниила Стилита” (cap. 55) содержится намек на то, что этому послужила государственная измена Ардабура, рассказ о которой просто уникален. Автор “Жития” по-своему видит причину союза Льва с исаврами: Зенон, неизвестный ранее (τις) императору, принес в столицу письма Ардабура к персам и за это, как проявивший лояльность (εὐνοία), был назначен комитом домашних. Аспар на язвительную реплику Льва (“хорошо же то, что содеял сын твой по отношению к императорской власти и против римского государства”) заметил, что он внушал сыну лишь добрые намерения. Теперь же он передает свою отеческую власть императору и советует сместить Ардабура с поста магистра Востока и вызвать в столицу для оправдания, т. е. Аспар продемонстрировал не только непричастность к измене, но и выразил готовность судить сына. Завершения рассказ не имеет: Ардабур вызван в столицу, но о суде над ним ничего не сообщается. Если сопоставить оба эти свидетельства с информацией Приска о посольствах Татиана и Филарха к вандалам и Константина к персам (Prisk. fr. 31; 32; 40), то можно полагать, что разногласия возникли на почве определения направления и методов внешней политики Византии.

На наш взгляд, возможна следующая реконструкция: после смерти западноримского императора Севера в 465 г. при враждебности поддерживаемого из Константинополя Марцеллина (Prisk. fr. 30) Рицимер был вынужден просить у Льва помощи против вандалов. При этом он, видимо, согласился на выдвижение западноримского императора Константинополем ²⁹. В этих условиях Лев решил на серьезное изменение внешнеполитического курса Византии и,

²⁹ Kaegi W. E. Jr. *Byzantium and the Decline of Rome*. Princeton, 1968. P. 35.

прежде всего, на разрыв мирного договора 462 г. с Гензерихом, который, как считают, “должен был означать конец византийских иллюзий о существовании Западной империи только путем византийской поддержки”³⁰. Установление при Маркиане равных отношений с вандалами и признание за ними роли равноправного гаранта существования Западной империи под эгидой представителей феодосиевой династии, с которой Гензерих породнился, объективно упрочивало византийские позиции на Востоке уже тем, что ей не нужно было растрачивать свой военный потенциал, ввязываясь в дела Запада. И, наоборот, любая попытка переориентации отношений с вандалами и Италией должна была повлечь за собой перераспределение византийских сил и финансов в ущерб обороне на Востоке³¹. В этой связи не случайно, что сближение Льва и Рицимера, возможное только на основе совместной антивандальской акции, увязывается Приском с двумя посольствами: миссией Татиана к Гензериху, даже не принятой вандалом, и параллельной отправкой Константина к персам, задачей которого было отказать Перозу в дальнейших византийских субсидиях по совместной охране Каспийских Ворот (Prisk. fr. 31). Видимо, несдержанный Ардабур в письмах к каким-то друзьям на Востоке отозвался отрицательно о таком решении проблемы кавказских проходов, стратегическая значимость которых ему, как магистру Востока, была прекрасно известна. Письма попали к Зенону и были переданы императору в надежде на награду. Аспар, когда на его сына пало подозрение в измене, проявил объективность и потребовал вызвать Ардабура в столицу. На слушаниях в сенате выяснение истины переросло в спор о правоте за-

³⁰ Wirth G. Geiserich und Byzanz. Zur Deutung eines Priskusfragments // Byzantion. Aphierhoma ston A. N. Stratos. Athen, 1986. Bd. I. S. 203.

³¹ Rubin Z. Diplomacy and War in the Relations between Byzantium and the Sasanids in the Fifth Century A. D. // The Defence of the Roman and Byzantine East. L., 1986. Part 2. P. 687: “Природа неразрешимой дилеммы, с которой столкнулись восточноримские императоры, начала проявляться в V веке. Такие императоры, как Маркиан и Анастасий, которые не были преданы всем сердцем объединению Римской империи и были в состоянии извлекать пользу из слабости современных им персидских монархов, были, видимо, менее восприимчивы к персидскому давлению. Оба, видимо, ухитрились не платить чрезмерные суммы вечно жадным сасанидским монархам. Ведь любая попытка более активного вовлечения в западные дела немедленно делала восточного императора подверженным давлению. Он должен был выбирать между войной на два фронта, как Феодосий II, или платежами, как Лев I”. Такая оценка представляется нам излишне прямолинейной уже потому, что из нее исключен балканский фактор внешней политики Византии. Кроме того, при Феодосии II одновременность военных действий на два фронта справедлива лишь для 441 г.; византийское вторжение в Италию 424 г. началось после мира с персами 422 г., а африканская экспедиция 431—434 гг. не отягощалась войной на восточных границах.

мечаний Ардабура и, далее, о необходимости вмешательства в дела Запада. Видимо, средства, высвободившиеся после отказа платить субсидии персам, Лев планировал передать на подготовку африканской экспедиции³². Не случайно полемика Аспара и Льва велась именно вокруг Татиана. Пылко защищая честь семейства, Аспар одновременно защищал и внешнеполитический курс невмешательства в италийские дела и требовал не разрывать отношений с Гензерихом, но позволить ему и дальше представлять интересы феодосиевой династии на Западе. У этого курса в столице явно были сторонники, поскольку было известно, что вместе с Аспаридами Лев расправился и с рядом сенаторов (Chron. Pasch. 596), видимо, именно за последнее (надругательство над их трупами показывает, как велико было ожесточение) получив прозвище “Мясник”. Вероятно, эта полемика сделала Аспара неформальным лидером противников политического универсализма, тем более, что он был к этому времени главой сената (primus patriciorum — Marc. Com. a. 471; Chron. Pasch. a. 467). В этом плане совершенно прав А. С. Козлов, утверждая, что в основе конфликта Аспара и Льва “лежала борьба собственно византийских правящих группировок”³³.

Победителем из первой ссоры вышел все же император, демонстративно отвернувшийся от Аспара. Он стал пренебрегать советами Аспара, как, например, в конфликте готов со скирами (Prisk. fr. 35)³⁴, сделал Татиана консулом на 466 г. (PLRE. II. 1054), не восстановил Ардабура на восточном магистерии. Но, несколько переоценивая влияние Аспара на государственных федератов и презентальные силы, он принял на службу отряд некоего Тита (Vita Dan. Styl. 61), который, видимо, слившись с исаврами Зенона, образовал ядро экскувитов (Lyd. De mag. I. 16); одновременно Лев взял под контроль дворцовые схолы, назначив Зенона комитом домашних³⁵. Утверждение Анфимия на западноримском престоле и начало африканского похода задержала только война против готов и гуннов 466—467 гг., в которой участвовал и Аспар. Poleмика его с императором

³² Полагают, со ссылкой на Иешу Стилита, что, Лев не рискнул, после посольства Константина, совсем отказаться от выплат персам. — Rubin Z. Op. cit. P. 685.

³³ Козлов А. С. Содержание конфликта Аспара и Льва I... С. 121.

³⁴ Мнение Ш. Краучика о том, что в этом конфликте Лев сознательно предоставил помощь скирам как своим родственникам, представляется натяжкой. — Krautschick St. Zwei Aspekte des Jahres 476 // Historia. 1986. Bd. 35. S. 350.

³⁵ Frank R. I. Scholae Palatinae. The Palace Guards of the Later Roman Empire. Rome, 1969. P. 208: “Зенон был теоретически подчинен магистру оффиций, но в качестве наследника престола и главы исавров его личный авторитет превратил его в фактического командира гвардии”.

получила огласку, и на Западе ходил упорный слух об отставке Аспара и гибели Ардабура за их провандальские настроения (Hydat. 247).

Новым в кадровом курсе Льва по отношению к военной верхушке после 465 г., после открытого столкновения по вопросам вмешательства в дела Запада, стала опора на членов императорской фамилии: после Василиска на опасный фракийский магистерий с его множеством федератов назначается Зенон (PLRE. II. 1201). При подготовке африканской авантюры Лев принял решение о восстановлении поста второго презентального магистра, назначив на него Василиска³⁶. С неизбежностью должно было произойти новое перераспределение всех имевшихся в наличии походных войск, в том числе и государственных федератов. В кампании 466—467 гг. против готско-гуннских сил действовали, помимо Ардабура (Iord. Rom. 336), Аспара, Анфимия (Sid. Carm. II. 280-7), Василиска, также Анагаст, Острис, Хелхал и “некоторые другие римские стратеги” (Prisk. fr. 39). После возвращения Василиска из Африки о гипостратеге Хелхале и этих “некоторых других” уже ничего не известно. Представляется, что, кроме Остриса, они вместе с подчиненными им отрядами были переданы во вторую, и в целом в экспедиционную, армию Василиска, многочисленность которой потрясла воображение современников. Известно также о некоем Дамонике, “из дуксов ставшем стратилатом экспедиции” (Malala. 373)³⁷, и о действовавших со стороны Пентаполя отрядах Ираклия и Марса (Theoph. AM 5963). Организация вандалской экспедиции 468 г. очень близко напоминает африканский поход 441 г. презентального магистра Ареовинда с рядом *magistri vacantes* (Theoph. AM 5941).

Фиаско африканской экспедиции, скомпрометировав политику Льва, определило содержание политической борьбы в Константинополе в последующие два года. Думается, что император сам искал оправдание неудачи своей акции, Очевидно, с этой целью Лев навязал Василиску, искавшему спасения в храме (Proc. BV. I. 6. 26), версию о прямой вине за поражение Аспара (тем более, что отрицательное отношение его к вандалской экспедиции не было секретом), подтолкнувшего Василиска к взятке от Гензериха, Василиску предлагалось на время отойти от дел и распустить порочащие Аспара слухи; одновременно Лев метил в противников своего курса в сенате. Провокация удалась: Аспар с Ардабуром бежали от возмущения в столице в один из храмов Халкедона, требуя для переговоров самого

³⁶ Demandt A. *Magister...* Sp. 767; PLRE. II. 213.

³⁷ По мнению Ю. А. Кулаковского (Указ. соч. С. 369), стратилат Дамоник Малалы равен гипостратегу Иоанну Прокопия.

императора (PG. 147. 80). Этот эпизод закончился самым неожиданным образом: согласно “Житию Маркелла”, несмотря на многочисленные демонстрации народа против “виновников” поражения экспедиции, между Львом и Аспаридами был достигнут компромисс, внешним выражением которого стало назначение сына Аспара Патрикия цезарем и его женитьба на дочери императора (PG. 116. 741). Думается, противники Льва не были ослаблены слишком нелепым обвинением в их адрес, и император был вынужден, таким образом, извиниться перед неформальным лидером сторонников невмешательства в дела Запада. Наглядным “за” и “против” в политической борьбе 468 г. были все-таки сохранившаяся презентальная армия Аспара и жалкие остатки второй, командиром которой, видимо, на некоторое время, пока не успокоились страсти, был некий Идувинг (PLRE. II. 586).

Примечательно, что ни Аспар, ни Ардабур не прибегали к военной силе при защите от несправедливых обвинений. И вообще ни о каком давлении на Льва с помощью каких-либо частных вооруженных свит нет сведений вплоть до гибели Аспаридов. Таковых, как мы видели, у них просто не было. Упоминание Кандидом ойкета Ардабура Мартина (FHG. IV. 136), в сочетании с информацией о том, что Ардабур принимал участие в готско-гуннской войне 466—467 гг. (Iord. Rom. 336), подразумевает наличие у последнего ойкии на тех же основаниях, на каких ими обладали прочие командиры официальной походной армии. Ойкия Ардабура, видимо, находилась во Фракии, на что указывает сообщение Феофана (AM 5962) о попытке устранить Зенона с помощью экскувитов именно там; только с этими данными можно соотнести рассказ Кандида о предательстве ойкета Мартина, стоящий у автора в одном ряду с информацией о попытке Ардабура привлечь экскувитов на свою сторону. Отсюда очевидно не только отсутствие частных войск Аспаридов в столице, но и сомнительно, что знаменитый закон от 28 августа 468 г. (CJ. IX. 12. 10) был направлен, как считают³⁸, против Аспаридов. Трудности с определением абсолютной хронологии вандальской экспедиции 468 г. и, особенно, получения в Константинополе вестей о ее гибели уже сами по себе не исключают того факта, что подписание и издание этого закона могло просто совпасть по времени с известиями о разгроме византийского флота. С другой стороны, его формулировки убеждают в том, что он был адресован провинциальным собственникам, поскольку ответственность за проведение закона в жизнь возлагалась на *viri clarissimi provinciarum rectores*.

³⁸ Кулаковский Ю. А. История Византии... Т. 1. С. 372; Stein E. Op. cit. Bd. I. S. 532.

Что же тогда двигало Острисом, когда он практически сразу после расправы бросился с малым количеством воинов мстить за Аспара? Следует ли в этом акте, внешне поразительно напоминающем месть за Аэция в 455 г. (Marc. Com. a. 455), видеть клиентскую верность букеллария патрону? Народная поговорка (“Нет у мертвого друга, кроме Остриса”. — Malala. 372) делает акцент только на личной дружбе, которая могла сложиться за годы давней совместной службы. В нашем распоряжении есть еще примеры такого рода. В 515 г. презентальные магистры Патрикий и Иоанн отказывались выступить против мятежного Виталиана, опасаясь, в случае своего поражения, обвинения в недостаточном рвении вследствие их давней дружбы с бунтовщиком (Malala. 404). Острис в качестве федерата оплачивался все же казной, а не лично Аспаром. Иными чувствами руководствовался ойкет, Мартин, донесший на заигрывания Ардабура с экскувитами Зенону и явно не питавший к своему командиру пиетета: достойный пример “верности” клиента.

Более трудным представляется вопрос, почему в столице оказался отряд Остриса. Ни под одну из приведенных в запретительном законе 468 г. (CJ. IX. 12.10) категорий — *armata mancipia seu buccellarios aut Isauros* — отряд как будто не подпадал. Официально он мог считаться оффикием при претории³⁹ презентального магистра (в Антиохии, например, четко засвидетельствован — *πραΐτώριον τῶν στρατηλάτου* — (Malala. 417). В *Notitia* оффикий одного из презентальных магистров *in numeris militat et in officio deputatur* (Or. V. 67), другого — *cardinale habetur* (Or. VI. 70). Легкая победа экскувитов над Острисом и наводит на мысль, что он был оффикием претория, хорошо знакомым со всеми перипетиями долгой подспудной травли Аспара.

Итак, Аспариды после гибели экспедиции Василиска стали живым воплощением правоты курса на поддержание равных отношений с Гензерихом и уже поэтому были обречены. Нападки на них не прекратились, в чем убеждает новое обвинение Ардабура в государственной измене, выдвинутое магистром Фракии Анагастом. В качестве причины мятежа Анагаста источники называют обиду последнего на то, что сенат отклонил его кандидатуру на консулат будущего 470 г. под предлогом его эпилепсии и, наоборот, поддержал назначение консулом магистра Востока Иордана, преемника Ардабура на этом посту. Обоих магистров разделяла вражда, потому что в 441 г. отец Иордана Иоанн был убит отцом

³⁹ О преториях, как административных центрах и квартирах римских военных и гражданских чиновников, подробнее см.: Egger R. *Das Praetorium als Amtssitz und Quartier römischer Spitzenfunktionäre*. Wien, 1966.

Анагаста Арнегисклом. Некоторое время спустя он сказал посланникам двора, что к мятежу его склонил Ардабур, стремясь к тирании, и послал письма последнего императору (Ioann. Ant. fr. 206. 2). Результатом стало смещение Анагаста и Иордана с магистерских постов и назначение на фракийский и восточный магистерии соответственно Армата и Зенона (PLRE. II. 148; 1201); суд над Ардабуром не состоялся, очевидно, ввиду отсутствия улик. Не исключено, что оправдательный маневр: свалить вину за мятеж на Ардабура — подсказал Анагасту Зенон, хорошо понимавший намерения Льва в отношении Аспаридов и позволявший себе в их адрес оскорбительные высказывания или действия. Не случайно в источниках зафиксирована личная вражда только между Зеноном и Аспаридами. И последние впервые (!) позволили себе неконституционные методы именно по отношению к Зенону, пытаясь изнутри разложить экскувитов, которые никогда не были гомогенным исаврийским образованием⁴⁰, и их руками убрать его (Theoph. AM 5962; FHG. IV. 136), что и ускорило физическую расправу над Аспаридами.

Строго говоря, вражда Зенона и Аспаридов была борьбой родственников Льва, членов правящего дома: Зенон и Патрикий были зятьями Льва, не имевшего мужского потомства, но Патрикий, обладавший достоинством цезаря, потенциально был ближе к престолонаследию. Складывается впечатление, что 469—471 гг. прошли в противоборстве за определение наследника Льву, отражавшем стремление разных групп константинопольской и, шире, имперской аристократии обеспечить себе гарантии доминирования в правящей элите. Одной из таких групп была знать, социально и фамильно связанная с многочисленными эмигрантами с римского Запада, хлынувшими в Константинополь несколькими волнами после 410, 430 и 455 гг.⁴¹. Представляется, что именно она оказывала давление на Льва, вынуждая его принять участие в судьбе Западной империи.

В 455 г. в Константинополь, бежав от вандальского погрома Рима, прибыл Олибрий, зять западноримского императора Валентиниана III (Evagr. II. 7; Malala. 366). Вскоре после этого он стал родственником Гензериха, поскольку сын последнего Гунерих женился на старшей дочери Валентиниана III (Ioann. Ant. fr. 204). Гензерих в 461 г. после гибели Майориана стал активно поддерживать кандидатуру Олибрия на западноримский престол (Prisk. fr. 29). В 462 г. вандал отпустил из Карфагена в Константинополь жену Олибрия и вдову Валентиниана III

⁴⁰ Frank R. I. *Scholae Palatinae...* P. 206—208.

⁴¹ Рудаков А. П. *Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии.* Пг., 1917. С. 63.

(Hud. 216), очевидно, рассчитывая на то, что такое количество представителей феодосиевой династии в византийской столице вынудит Льва выступить совместно с Гензерихом против Рицимера и Либия Севера. Лев попал в довольно сложное положение, из которого, впрочем, вскоре нашел устраивающий большинство “эмигрантской партии” и его лично выход. Предложив на западноримский престол Анфимия, зятя покойного императора Маркиана, а следовательно, дальнего родственника феодосиевой династии, он тем самым нашел основу для союза с Рицимером против вандалов. В случае успеха, т. е. разгрома вандальского королевства, он имел возможность удалить из Константинополя подавляющую массу западноримских эмигрантов, чьи имущества остались в Африке, Сицилии и Италии, удалить на Запад всех родственников Валентиниана III (Малала сообщает, что Лев всегда подозревал Олибрия в стремлении, по наущению Гензериха, стать вместо него императором в Константинополе — Malala. 374), с которыми фамильно он не был связан, и основать в Византии собственную династию. Лев рассчитывал на мужское потомство от своих дочерей, потому и выдал замуж в 466 г. Ариадну за исавра Трасикодиссу, который ни по одному параметру восточноримских традиций престолонаследия не подходил на роль преемника. Отсюда становится понятной та энергия и размах, с которыми Лев принялся за подготовку вандальского похода. В отличие от прежних африканских экспедиций Гензериху предуготовлялась война на нескольких фронтах: Марцеллин должен был очистить Сицилию и острова, византийский и римский флот переправляли десант к Карфагену, со стороны Пентаполя действовали византийские войска.

Катастрофа у берегов Карфагена похоронила надежды Льва на отсылку западноримских эмигрантов; единственной удачей было лишь провозглашение Анфимия императором. “Эмигрантская партия”, оставшись в Византии, становилась естественной союзницей Льва и его преемников от брака Ариадны и Зенона. Любой его шаг в обстановке нарастающего противоборства с наследниками тех тенденций неприятия политического универсализма, которые оформились после смерти Иовиана, не вызывал у них осуждения. Примечательно, что возмущение против исавров исходило только от народных масс (Ioann. Ant. fr. 206 1; Marc. Com. a. 473), и ничего не известно о каком-то осуждении их бесчинств со стороны правящей элиты и церкви, ровно как и о хотя бы малейшем порицании Льва за расправу над Аспаридами; обидное прозвище Льву было скорее всего дано народом. После убийства их противников в 471 г. они своим молчанием и поддержкой официальной версии способствовали созданию мифа об Аспаридах.

В гарантиях собственной безопасности нуждалась и оппозиционная курсу Льва группировка, влияние которой в столице после гибели флота Василиска неминуемо должно было возрасти. Во имя примирения с ней Лев согласился на брак своей дочери Леонтии с сыном Аспара Патрикием, который, хотя ему и был дарован титул цезаря, не был соправителем Льва⁴². Иными словами, группировка, неформальным лидером которой стал Аспар, стремилась иметь своего наследника престарелому Льву (умершему, по Малале (376), в 474 г. в возрасте 73 лет). Кедрин сообщает любопытную деталь: однажды от Льва Аспар потребовал назначить на пост префекта Константинополя своего единомышленника, что император отказался выполнить (Cedren. 607). Это можно понимать не как свидетельство имманентно присущего должности презентального магистра чрезмерного влияния на императорскую власть, но как стремление обеих группировок взять под свой контроль важнейшие посты в государстве. Видимо, в известной мере этими обстоятельствами и обуславливалась вражда Аспаридов и Зенона; покушение Ардабура на Зенона и попытки Зенона обвинить Ардабура в государственной измене, поскольку устранение одного из них резко повышало шансы их кандидатов на пути к престолу.

Тезис о проведении Аспаром при Маркиане и Льве I настойчивой Familienpolitik⁴³ в связи с вышеизложенным представляется надуманным: консульские отличия Аспар и Ардабур в свое время получили за их воинские заслуги; консулат же Патрикия, сына Аспара, 459 г. был частью признательности Льва за свое выдвижение (CLRE. 403; 429; 453). Родство Аспаридов со Львом было все-таки вынужденным и кратковременным. Как раз подлинным творцом Familienpolitik, используемой в политических целях, был Лев. Так, к 470 г. члены императорской фамилии, включая сюда и Аспара, заняли практически все высшие должности (за исключением иллирийского магистерия, на котором после Анфимия был германец Камунд — PLRE. II. 256) военной организации Византии. После убийства же Аспара презентальными магистрами стали Василиск, Зенон и позже Фл. Маркиан⁴⁴, сын Анфимия, зять Льва, получивший презентальный ранг и патрициат без долгой предварительной службы. Однако после гибели Аспаридов только в случае с Фл. Маркианом можно говорить о наследственной,

с

⁴² Козлов А. С. Содержание конфликта Аспара и Льва I... С. 123. Прим. 30.

⁴³ Seeck O. Aspar... Sp. 608; Demandt A. Magister... Sp. 771—774.

⁴⁴ Demandt A. Magister... Sp. 774—775: по его мнению, Зенон совмещал командование восточным магистерием с презентальным магистерием сначала с Василиском, затем с Фл. Маркианом.

политическим влиянием, позднееримской военной знати; все прочие члены императорской фамилии (и Теодорих Страбон, получивший почетный магистерий — *Malch. fr. 2*) были высшими офицерами в первом поколении. Своей семейной политикой Лев, таким образом, круто изменил неписанные конституционные принципы комплектования высшего эшелона имперской администрации, сложившиеся в результате реформ Константина I: родственники императора не должны были занимать высших военных постов. Преемственность ранневизантийской военной элиты вновь была нарушена. Той части правящей элиты, которая поддерживала Льва I в его западной политике, не нужны были инакомыслящие военные; она требовала только исполнителей, позволив Льву, намеренному создать собственную династию, сформировать, нарушив отлаженную традицию, новую армейскую верхушку из единомышленников-родственников. События ближайшего будущего ярко продемонстрировали порочность и взрывоопасность для государства таких принципов комплектования высшей военной администрации.

ВОЕННАЯ ЗНАТЬ ПРИ ЗЕНОНЕ И АНАСТАСИИ

Вступление на престол Зенона с чисто формальной стороны означало, что впервые в ранневизантийской истории представитель военной элиты, связанный фамильными узами с предыдущим правителем, стал императором. Однако представляется, что этот акт явился скорее случайностью, нежели был закономерным следствием его сильных позиций в государственном аппарате и при дворе. Сомнительно все же, чтобы Лев I пытался сделать своего зятя преемником. Кроме Кандида Исавра (FHG. IV. 136), ни один из источников даже не намекает на это. Кандид же, видимо, приводит пропагандистскую версию, исходившую от исаврийских правящих кругов, призванную (особенно до и после мятежа Маркиана) обосновать легитимность власти Зенона. Необходимо учесть при этом также и указание Фотия на сильные происаврийские настроения Кандида, равно как и определенный скепсис патриарха в отношении сведений, компилируемого им автора, подчеркнувшего, что последний пытается сочетать в своем труде самое несхожее (ἀνομοιότατοι). Представляется, что с этих позиций и следует трактовать фразу Кандида: “Лев сильно желал и беспрестанно замышлял публично провозгласить (ἀνεῖλεῖν) Зенона, зятя, императором, но не смог, поскольку подданные (ὑπηκόων) не согласились. “Если первая ее часть — явно версия ближайшего окружения Зенона, то вторая представляет, на наш взгляд, собой попытку самого Кандида разъяснить, почему все же Льву этот акт не удался. Обращает на себя внимание употребление Кандидом довольно расплывчатого термина “подданные”, в то время как все повествующие о коронациях V в. источники пользуются правовыми, официальными, понятиями — “войско”, “сенат”, “народ”. Под этими “подданными” нельзя понимать сенаторов, с которыми Лев I мог бы обсуждать вопрос о престолонаследии, поскольку далее Кандид сам отмечает согласие сената (συμφωνέσει τῆς βουλῆς) на коронацию Зенона Львом II, что подтверждается и другими источниками (Vita Dan. Styl. 67). Отождествление “подданных” Кандида с народом столицы, увязывая напрямую эту фразу с данными Комита Марцеллина, что часто делается ¹, также пред-

¹ Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Wien, 1928. Bd. I. S. f 361; Lippold A. Zenon, römischer Kaiser 474—475 und 476—491 // RE. 1972. Bd. 10 A. Sp. 157.

ставляется неправомерным. Информация Комита Марцеллина (sub a. 473: “Во время возникшего в Константинополе в цирке возмущения многие из исавров были убиты народом”) не указывает с определенностью на какие-либо причины беспорядков. Примечательно, что в этом скупом описании нет сведений о присутствии на ипподроме либо императора, либо других магистратов во время ристаний и последующих волнений; вполне возможно, что Льва I там не было, хотя бы по причине болезни, от которой около года спустя он и скончался. Но, согласно политическим реалиям столицы, да и логике фразы Кандида, “подданные” могли выразить свое несогласие с планами императора только через аккламацию в его присутствии. Наконец, еще одна любопытная деталь: Верина в сакре 484 г., мотивирующей низложение Зенона и провозглашение императором Леонтия, даже не намекает на этот якобы имевший место случай в политической биографии Зенона, который, конечно, мог бы стать одним из самых сильных пропагандистских аргументов против ее зятя. Маловероятно также, чтобы столь примечательное политическое событие, как публичное непризнание намеченного правящим императором наследника престола народом, могло ускользнуть от внимания авторов-современников, многие из которых (например, Малх) весьма критически оценивали Зенона. И наоборот, все без исключения источники фиксируют акт провозглашения Зенона соправителем Льва II, Виктор Туннунский заметил даже, что Зенон был коронован “против обычая” (Vict. Tonn. a. 474). Очевидно, необычность заключалась как в том, что не отец вручал сыну власть, а наоборот, так и в отсутствии процедуры выборов и традиционного обряда коронации. Все-таки факт остается фактом, что, заботясь об учреждении собственной династии, Лев I провозгласил преемником первого же своего внука, не отличив при этом Зенона от другого своего зятя, Маркиана, даже титулом цезаря².

² Ср. Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника // ВВ. 1971. Т. 32. С. 31: “Византия VI в. еще не знала принципа легитимности в занятии трона”. Этот тезис вызывает некоторое недоумение, если вспомнить, что, уже начиная с Константина I, при наличии прямых наследников не требовалось сложного коронационного ритуала как формального выражения достигнутого политического компромисса между основными конституционными элементами: воля правящего императора при этом условии становилась часто решающим фактором. Сошлемся лишь на наиболее известные случаи: провозглашение августами Аркадия и Гонория, а также Феодосия II; последнему отец просто завещал власть. Лишь пресечение династии приостанавливало действие легитимного принципа, вызывая к жизни выборный конституционный механизм, о чем и свидетельствуют данные сборника “О церемониях”. Может быть, правильнее говорить о специфичности форм выражения легитимности для позднеантичной монархии?

Поспешность³, с которой под давлением Верины и Ариадны (Theoph. AM 5966) Зенон был избран соправителем Льва II, до известной степени свидетельствует о политической нестабильности в столице. Не исключено, что после смерти Льва I подняли голову его противники в сенате, пережившие расправу 471 г.⁴ В определенной мере размежевание сенаторов по вопросу о политическом наследии Льва I создало в разное время благоприятную почву для прихода к власти и Зенона (Vita Dan. Styl. 67), и Василиска (Theoph. AM 5967; Vita Dan. Styl. 68). Предпочтение Зенону перед Василиском и Маркианом, которых нет оснований подозревать в поспешной измене курсу Льва I, было отдано только при жизни Льва II, и, наоборот, смерть последнего нивелировала легитимные преимущества Зенона.

Довольно проблематичен и вопрос о том, насколько мощной была поддержка Зенона накануне и в начале его правления со стороны исавров, которая как будто бы могла стать одним из серьезных факторов, облегчивших его приход к власти. Уже давно подмечено, что исавры в IV— первой половине V вв. практически не служили в римской армии на тех же основаниях, что и другие провинциалы⁵. В основном они нанимались на службу небольшими отрядами во главе со своими вождями, причем трибализм исаврийского общества препятствовал их объединению⁶. По источникам не прослеживается не только единое для них командование (разные отряды, нанятые на римскую службу, подчинялись в отдельности только императору), но и хотя бы какие-то элементы их собственной общей политической координации. Отсюда напрашивается вывод о том, что исаврийские отряды на имперской службе по своему количественному составу были немногочисленны. Примечательно, что в немногих упомянутых в источниках их стычках с местным населением исавры, как правило, не оказывали серьезного сопротивления и после подобных инцидентов против провинциалов не следовали правительственные карательные меры. Любопытно сравнить в этом плане на-

³ Seeck O. *Regesten der Kaiser und Päpste...* S. 421: 18 января 474 г. умер Лев I; 9 февраля того же года Лев II провозгласил Зенона августом.

⁴ Очевидно, в какой-то мере прав В. Барт, полагавший, что т.н. “староримская партия”, некогда ориентировавшаяся на Аспара и против Льва I, рассматривала Зенона как “исаврийского узурпатора”. — Barth W. *Kaiser Zeno*. Basel, 1894. S. 24.

⁵ Rougé J. *L'Histoire Auguste et l'Isaurie au IV-e siècle* // REA. 1966. V. 68. P. 282—315.

⁶ О тенденциях трибализма у исавров см.: Козлов А. С. Основные направления политической оппозиции правительству Византии и ее социальная база в середине 70-х гг. V в. // АДСВ: проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 45.

строения источников, повествующих, с одной стороны, о мятежах Трибигильда и Гайны, готской резне в Фессалониках и Томах при Феодосии I и, с другой стороны, о бесчинствах исавров в городах империи при Льве I. В первом случае явно сквозит чувство серьезной опасности (после победы над Гайной, как известно, был даже сложен недошедший до нас эпос “Гайния”); во втором же, главным образом, раздражения. Так, возмущенное грабежами исавров население Родоса, основательно потрепав их отряд, вынудило его к бегству с острова (Ioann. Ant. fr. 206); в 473 г. константинопольцы на ипподроме во время ристаний перебили ⁷ много исавров (Marc. Com. a. 473). Созданный Львом I корпус экскувитов, численностью 300 человек (Ioann. Lyd. De mag. I. 16), поглотивший, очевидно, практически весь приведенный Зеноном отряд, тем не менее не состоял полностью из исавров ⁸. Когда Зенон бежал в 474 г. из столицы “со многими из исавров” (Ioann. Ant. fr. 210; по “Житию Даниила Стилита”, с ним были, кроме Ариадны, лишь некоторые из евнухов — сар. 69), горожане без труда перебили какой-то оставшийся в городе отряд (Candid. fr. 1). Если сообщение Кандида верно (во всех других источниках оно отсутствует), то, видимо, оставшиеся в столице исавры не считали себя сородичами Зенона, отказавшись последовать за ним.

Примечательно и то, что до воцарения Зенона нигде в источниках не идет речь о том, что он был командующим всеми, либо частью других исаврийских формирований, находившихся на византийской службе; напротив, он занимал лишь официальные должности в военной организации. Только став императором, он отдал приказ Иллу провести незначительные военные операции во Фракии (Ioann. Ant. fr. 210). И, наконец, легкость, с какой Василиску удалось склонить Илла, названного в источниках лучшим другом (Iord. Rom. 349) и дядей (Ехс. de ins. 163) Зенона ⁹, и Трокунда, брата Илла, а следовательно, также родственника Зенона, на свою сторону, и готовность императора, после сообщения Верины о заговоре, без сопротивления оставить столицу говорят о том, что Зенон не располагал накануне прихода к власти серьезной военной поддержкой исавров, раздираемых клановой рознью.

⁷ Было бы полезно сопоставить численные данные убитых в 473 г. исавров с отрядами Велизария и Мунда, вырезавших горожан на том же ипподроме во время восстания Ника, если бы мы обладали в обоих случаях такими данными. Известно лишь, что до избиения народа в цирке Мунд имел 3 тысячи солдат (Theoph. AM 6024), а количество павших стасиотов оценивается от 30 (Proc. BP. I. 24. 54) до 35 тысяч человек (Malala. 476).

⁸ Frank R. I. Scholae Palatinae... P. 206—208.

⁹ Clauss M. Der Magister officiorum... S. 162. Anm. 102.

Вызывает сомнение и оценка Зенона накануне его избрания императором в качестве самого мощного военачальника государства ¹⁰. Примечательно, что бежавшего в Исаврию Зенона, так и не назначившего себе в 474 г. преемника на посту магистра Востока, восточная армия не поддержала. Он же, в свою очередь, и не попытался прибегнуть к ее помощи или защите, но силы для отвоевывания столицы собирал по Исаврии (Ехс. Val. 42). Очевидно, информация “Жития Даниила Стилита” о том, что и Маркиан был в числе заговорщиков, верна (сар. 69), поскольку иначе трудно объяснить полное бездействие презентальных сил против мятежных формирований Илла и Трокунда.

Ситуация в военном командовании Византии в 474—475 гг. во многом объясняет действия видных приверженцев Василиска. После пленения, а затем убийства готами магистра Фракии Ираклия в 474 г. (Malch. fr. 5) из пяти постов *magistri militum* четыре (учитывая, что ранг презентального магистра для Теодориха Страбона был лишь почетным символом союза с империей, равно как и источником личного обогащения при получении соответствующего жалованья) оставались вакантными, т. е. практически единственным магистром войск ранней Византии в это время был Маркиан. Очевидно, Василиск склонил Илла и Трокунда на свою сторону обещанием пожаловать им магистерские ранги, сообщив обоим совершить такую же карьеру, какую в свое время сделали их земляки Зенон-старший и Трасикодисса. Но пока они осаждали Зенона, Василиск подтвердил магистерий Теодориху Страбону (Theoph. AM 5970), сделав презентальным магистром (видимо, сместив с этого поста Маркиана, как потенциального претендента на престол) Армата (Malala. 378) и не спешил выполнить данные исаврам обещания (Theoph. AM 5969). Вероятно, это и послужило, в первую очередь, поводом к измене Илла и Трокунда, а не “несочувствие Василиска избитию исавров” ¹¹ в столице, с момента которого прошло уже более года. Не исключено, что состоялись тайные переговоры Зенона с исаврийскими вождями, и дальновидный Илл в качестве гарантии осуществления обещаний Зенона заточил его брата Лонгина в крепость (Marc. Com. a. 485). Трокунд сразу после сговора получил должность магистра Востока и отправился упрочивать власть Зенона в Антиохию (Malala. 378). То, что исавры не протестовали против обещания Армату, потрепавшего их под Никеей, пожизненного поста презен-

¹⁰ Lippold A. Zenon... Sp. 157.

¹¹ Кулаковский Ю. А. История Византии. Киев, 1913. Т. I. С. 400.

тального магистра и достоинства цезаря его сыну, объясняется слабостью их войска (Theoph. AM 5969). В данном случае, во второй раз (после Гайны) в ранневизантийской истории презентальный магистр, опираясь на армию, оказал сильное давление на правительство в личных интересах. Отсюда вопрос о надежном контроле над презентальными силами вновь стал для имперской верхушки одной из первоочередных задач.

Обращает на себя внимание специальное выделение Малалой требования Арматом для себя пожизненного характера своих полномочий как презентального магистра. Само по себе это сообщение подчеркивает, что и для авторов VI в. подобные претензии, идущие вразрез с магистратскими традициями управления, представлялись ненормальными.

После занятия столицы Зенон выполнил свои обещания; Армат¹² остался *magister militum praesentalis*, его сын Василиск был сделан цезарем (Theoph. AM 5969); Илл получил достоинство патрикия и пост магистра оффиций (Malala. 386). В стороне от раздачи должностей и наград (но и от наказания за участие в заговоре против Зенона) остался Маркиан.

Распределение должностей высшего военного руководства в 476—478 гг. в значительной мере отражает реальное состояние византийской военной организации. Фактически походные силы только восточного магистерия и одного из презентальных магистров были более или менее укомплектованы. Не исключено, что в армию Армата сразу после узурпации Василиска были включены и подразделения второго (все еще слабого после экспедиции против вандалов 468 г.) презентального войска. На наш взгляд, с этим можно увязать сообщение Малалы о назначении Василиском Армата великим презентальным стратилатом (Malala. 378: *στρατηλάτης τῶν μεγάλων πραισέντων*), т.е. в данном случае речь идет об экстраординарном ранге единого командующего для объединенных презентальных контингентов. Однако вскоре полномочия Армата еще более были расширены; “Василиск же, узнав о подходе императора Зенона, послал презентального стратилата Армата со всеми имевшимися во Фракии, Константинополе и во дворце отрядами войска” (Malala. 379). Значение этого трудно переоценить. Впервые в ранневизантийской эпохе правительство пошло на создание высшего экстраординарного ранга на традиционных византийских территориях, но не для целей внешней экспедиции, для которой это еще было как-то оправдано, поскольку такой командующий руководил откомандирован-

¹² Гипотеза Ю. А. Кулаковского (Там же. С. 399. Пр. I), согласно которой Армат был внуком магистра армии Плинты, не находит никакой опоры в источниках.

ными из разных регионов войсками. Чрезвычайность поста Армата говорит о слабости презентальных сил, которые так и не были за восемь лет доведены до количественного уровня, предшествовавшего гибели африканского похода 468 г., а также о том, что правительство оказалось вынужденным уже с начала 70-х гг. V в. практиковать сведение воедино походных войск разных регионов, особое развитие получившее при Юстиниане. С другой стороны, это прямо свидетельствует об углубляющемся кризисе конскрипции, дефиците солдатских кадров, равно и том, что в паллиативных целях быстрого пополнения войск правительство в конце 60-х — начале 70-х гг. V в. пошло на более широкое, чем при Феодосии II, привлечение исаврийских формирований. Это объясняет неожиданное появление в источниках начала 70-х гг. V в. отрядов Илла и Трокунда. В военной организации ранней Византии явно обозначился поворот к новой эпохе, требовавшей в условиях упадка конскрипционной системы изыскания дополнительных источников пополнения армии, что позже опосредованно задело и принципы комплектования военной верхушки. “Исаврийский эпизод” в ранневизантийской истории с длительной преимущественной опорой исаврийского режима на гвардейские, федератские, но не римские, формирования на фоне мира на восточных границах империи по сути дела затормозил наступление нового периода в развитии военной организации ранней Византии. Формирования фракийского магистерия, переданные Армату в 475 г., не вернулись, насколько это видно по источникам, к прежним местам дислокации и после реставрации Зенона. Фракийская походная группировка, видимо, временно не существовала; вакантным оставался и пост магистра Фракии. Примечателен в связи с этим следующий эпизод: Теодориху Амалу, воевавшему против Страбона, Зенон в 478 г. обещал поддержку войск магистра Фракии (2 тыс. всадников и 10 тыс. пехоты) в балканских походах, и близ Адрианополя с остготами должны были соединиться еще 20 тыс. византийских пехотинцев и 6 тыс. всадников. Но Амал ни в одном из этих указанных мест не нашел обещанные силы (Malch. fr. 14). Тот же Малх сообщает, что Зенон назначил стратегом в кампании против Теодориха Страбона Мартиниана (Malch. fr. 15). Представляется возможным так трактовать оба сообщения: фракийской походной группировки не существовало в 476—478 гг.¹³, а Зенон просто обманул Амала, надеясь на сильное

¹³ Археологические данные свидетельствуют о сильных разрушениях многих укреплений Фракии и Скифии именно в период 471—488 гг. — Scorpan S. *Limes Scythiae. Topographical and Stratigraphical Research of the Late Roman Fortifications on the Lower Danube*. Oxford, 1980. P. 124. Т.е. дезорганизованными были и многие подразделения пограничной армии, а остготы не встречали сопротивления вплоть до линии т.н. Анастасиевых Длинных стен. Остатки разгромленных походных и пограничных сил Фракии, видимо, стекались в крепости и лагеря от Гераклеи до Константинополя, т.е. в места дислокации презентальной армии. Малх (fr. 15) утверждает, что именно в столичных окрестностях было немало войск.

взаимное ослабление остготов без участия византийских войск, Мартиниан же выступил против Страбона во главе сводной презентальной армии, став ее командиром вместо убитого в 477/478 гг. Армата.¹⁴

Несколько лучшее положение с иллирийским магистерием при Зеноне объясняется тактикой его в изнурительной борьбе с остготами: действующие с территории Иллирика войска в известной мере образовывали второй фронт. Однако в период магистерия Оноульфа (477—479 гг.) какие-то акции с их стороны не засвидетельствованы; видимо, иллирийская группировка была слаба и основной ее задачей было недопущение остготов в Грецию.

В скирском вожде Оноульфе со ссылкой на Иоанна Антиохийского (fr. 209. 1) видят брата Армата, из чего делается вывод о существовании могущественной фамилии позднеримской военной знати, включавшей Одоакра, Оноульфа, Василиска, Армата, Верину, ряд варварских племенных вождей и, в конечном счете, Зенона¹⁵. Однако эти данные Иоанна Антиохийского о родстве Оноульфа и Армата не подтверждаются ни одним другим источником, и, прежде всего, Малхом (fr. 8), детально, описывающим историю приглашения терпящего нужду Оноульфа и морализирующим по поводу убийства Армата неблагодарным Оноульфом. Представляется также, что контекст послания Василиска в “Житии Даниила Стилита” не позволяет за термином βάρβαροι усматривать его варварское происхождение (cap. 84)¹⁶. Но даже если принять тезис Ш. Краучиха о родстве Армата, Оноульфа, Василиска, то их поступки по отношению друг к другу (предательства, убийства) говорят против единогодушного семейного анклава. Для Зенона же, который по этой схеме был их весьма дальним родственником, Армат с Василиском были заклятыми врагами. По отношению к Оноульфу император руководствовался собственными политическими и государственными, а не

¹⁴ Д. Мартиндейл предлагает считать его или *magister vacans*, или *magister militum praesentalis* (PLRE. II. 730). Если бы Мартиниан получил ранг презентального магистра после того, как его в результате своего мятежа утратил Страбон (так в PLRE. II. 730), то неясно, откуда взялась армия, тем более большая. Согласно Малху (fr. 16), не справившись с наведением в ней дисциплины, он посоветовал Зенону распустить ее на зимние квартиры. Думается, что это была армия Армата.

¹⁵ Krautschick St. Zwei Aspekte des Jahres 476 // *Historia*. 1986. Bd. 35. S. 344—371.

¹⁶ Мы полностью солидарны с PLRE. II. 212; ср. Krautschick St. Op. cit. S. 350.

фамильными интересами. На наш взгляд, приглашение скира Оноульфа (видимо, с отрядом соплеменников) на пост комита, затем производство его в чин магистра Иллирика было обусловлено целями борьбы с готами. Зенон решил использовать и его военный опыт, и давнюю вражду готов со скирами (в этом смысле он продолжал политику Льва I), что до известной степени делало Оноульфа надежным военачальником.

Такая ситуация с походными силами балканских провинций просто вынуждала Зенона (впрочем, и Василиска тоже) постоянно идти на союз с одним из остготских вождей. С правовой точки зрения отношения империи с остготами не отличались от того типа федератских связей, которые впервые сложились при Феодосии I. Пожалование почетных магистерских рангов племенным вождям и оплата их воинов также не были новшеством. Наличие двух враждующих остготских армий тоже близко напоминает и разнь между вестготами Атанариха и Фритигерна, и ссору Эриульфа и Фравитты при Феодосии I. Новым фактором во взаимоотношениях остготских федератов и империи при Зеноне стало активное включение их племенных вождей в борьбу за власть в Византии, что, кроме прочего, стало возможным вследствие наличия нескольких претендентов на престол. Примечательно, что, насколько позволяли обстоятельства, оба Теодориха долгое время достаточно последовательно ориентировались на основных противоборствующих «наследников Льва I; Амал — на Зенона; Страбон — на Василиска и позже на Маркиана. Заинтересованность в готской поддержке в решающие моменты борьбы за власть Зенона и его противников отчетливо контрастирует с нейтральностью имперских войск в этой борьбе. Так, к свержению Зенона в 475 г. совершенно безучастно отнеслась армия восточного магистерия, командующим которой он был совсем недавно, что заставило его обращаться за помощью к Амалам (Ехс. Val. 42). Во время мятежа Маркиана на стороне Зенона были, видимо, только дворцовые схолы. Илл переправил из Халкедона на помощь императору отряд исавров (Ioann. Ant. fr. 211. 3). Контекст отрывка Иоанна Антиохийского не позволяет утверждать, что это были экскувиты, как полагает Р. Фрэнк¹⁷. Непонятно, почему корпус экскувитов, созданный специально для персональной охраны императора, должен был, следуя логике Р. Фрэнка, дислоцироваться не в столице, а в Халкедоне. Вероятнее всего, это был личный отряд Илла, а экскувиты помогли в день мятежа своему командиру — магистру официй Иллу — продержаться в столице до наступления ночи. Презентальные силы остались вне конфликта. Однако на них

¹⁷ Frank. R. I. Scholae Palatinae... P. 211.

не опирался также и Маркиан. Согласно Иоанну Антиохийскому (fr. 211. 3), в мятеже участвовали “множество собранных варваров совместно со многими из горожан”, а также “некий Бусальб, командир стратиотской тагмы, Никита и Теодорих, сын Триария”. По Малху (fr. 19), Страбон, узнав о мятеже, тотчас поднял свой народ и двинул его на Константинополь, т.е. личное его участие в боях в столице исключается. Комбинируя сведения обоих фрагментов (к сожалению, добавочные детали у других авторов отсутствуют), представляется возможным следующий комментарий: Страбон, вовлеченный в заговор, понемногу представлял, действуя через гота Бусальба, Маркиану небольшие группы своих воинов, обещая после начала мятежа выступить сразу со своей армией. Братья Маркиана Прокопий и Ромул (Theoph. AM 5971) параллельно с помощью некоего Никиты тайно вербовали сторонников из горожан, не исключено, что из венетов, учитывая, что вожди мятежа были детьми западноримского императора Анфимия. Из контекста отрывка Иоанна Антиохийского скорее следует вывод только о личном участии в заговоре и мятеже Бусальба, нежели о вовлечении в него отряда официальных сил¹⁸.

Примечательно, что для попытки захвата власти Маркиан не использовал букеллариев, которых у него, видимо, просто не было, хотя он явно располагал фамильными имуществами своего знатного в империи рода. Армат, имевший земельные имущества (PLRE. II. 149), не обладал тем не менее собственной вооруженной свитой. Малх (fr. 18), описывая назначение Сабиниана Магна магистром войск Иллирика, отметил, что последний имел небольшое число *μισθοφόρων οἰκείων*, поскольку основная часть *δημοσίας στρατιᾶς* и *τῶν κοινῶν ταγμάτων* была рассеяна по городам, либо ушла с Оноульфом. Не ясно, кем был Сабиниан перед вручением ему императорского кодицилла; известно лишь, что он был ревнителем старых дисциплинарных принципов (Marc. Com. a. 479). Его маленькая собственная свита вряд ли представляла собой опасность для государства и, видимо, даже была разрешена последним. Знаменитый закон Льва I (CJ. IX. 12. 10), запрещая обладание букеллариями, делает также и исключение для каких-то (ближе не известных) категорий населения: “Если же кто сверх того, что кротость наша здравомысленно

¹⁸ См. новейшую оценку мятежа Маркиана: Козлов А. С. Политическая оппозиция правительству Византии в 476—491 гг. V в. Основные направления и социальное содержание // АДСВ: вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. С. 64: “Мятеж Маркиана был авантюрой. Кучка аристократов, решившаяся провести перестановку в верхах, не располагала серьезной поддержкой даже в среде столичной знати”.

установила...“ Думается, что государство во второй половине V в. уже сквозь пальцы смотрело на небольшие группы прислуги армейских офицеров, не вмешиваясь, как в IV в. (CTh. VII. 1. 10), и не препятствуя наличию именно маленьких свит у среднего офицерства.

С другой стороны, отсутствие собственных букеллариев у военной верхушки, главным образом у центральной, толкало противников Зенона на союз с теми же остготами. Пресекать и контролировать такие контакты между ноблированной верхушкой и варварами для императорской власти было зачастую труднее, чем внутренние интриги, и поэтому правительство Зенона стремилось перетянуть на свою сторону остготских вождей предоставлением им высших византийских титулов, что формально возносило их на вершину имперской иерархии, и соответствующего им денежного содержания. Таким образом, внутривизантийская напряженность в столице резко катализировала процесс раздачи наград и почестей готским вождям, нежели это было, например, в эпоху Феодосия I. Так, Теодориху Страбону (видимо, Василиском) было даровано поместье, право на владение которым подтверждал и Зенон (Malch. fr. 17). По условиям мирного договора 478 г., Страбону предоставлялся не только ранг *magister militum praesentalis*, но также и командование (реально так и не осуществленное остготом) двумя дворцовыми схолами (Malch. fr. 17). Зенон после победы над Василиском осыпал Амала неслыханными милостями: ранг презентального магистра, титул *amicus*, патрициат, адоптация по германскому обычаю (Iord. Get. 289; Malch. fr. 18). И тем не менее оба Теодориха не интегрировались в структуру ранневизантийской военной знати, а контакты с ее представителями и императорской властью поддерживались ими, главным образом, в той мере, в какой они гарантировали им и их армиям щедрые субсидии. На наш взгляд, уместно, наконец, заметить, что метод анализа реальной административной ситуации в сфере военного руководства Византии второй половины V в., исходя из жесткой схемы *Notitia Dignitatum*, внеисторичен. И особенно по отношению к тем варварским племенным вождям, которые оказывали военные услуги империи на основе федератских договоров, но никогда не командовали собственно византийскими силами. Присвоение им или отмена высших воинских рангов империи скорее свидетельствует об инфляции титулов, о том, что они становились средством в федератской политике, надежный контроль за развитием которой Византией в тот период был утрачен. Отсюда подлинные подвижки в военной администрации Византии можно проследить лишь вне зависимости от титулярной “чехарды” между двумя Теодорихами и только с учетом

реального положения дел с имперскими походными силами и внутривосточной обстановки.

Противоречивые политические итоги узурпации Василиска во многом воздействовали на кадровый курс Зенона после 476 г. Отход от Василиска ряда прежних заговорщиков, их нейтральная позиция или даже помощь в реставрации Зенона заставили последнего не применять широких карательных мер. Тотальной чистки центрального государственного аппарата также не последовало. Учитывая, что Зенон еще в 474 г. обладал поддержкой части сената, а столичные прасины бурно приветствовали его возвращение (Malala. 379), очевидно, невозможно говорить о засилье исавров в имперской верхушке в первые годы после реставрации, чему, кстати, препятствовала и исаврийская клановая рознь.

Ряд важнейших государственных постов в 476—479 гг. занимали немало римлян: после реставрации префектом претория стал некий Себастиан, оказывавший большое влияние на Зенона (Malch. fr. 9); после убийства Армата президентальным магистром был назначен Мартиниан; магистром Иллирика после ухода Оноульфа на Запад Зенон не колеблясь назначил Сабиниана Магна (Suda A 783), но не какого-либо исавра; препозитом священной опочивальни продолжал оставаться знаменитый Урбикий¹⁹. Из исавров же только Илл и Трокунд, т.е. только непосредственно участвовавшие в реставрации иллирийские вожди, получили высшие военные и гражданские посты. Не исключено, конечно, что уже в это время достоинство сенаторов-иллюстриев получили ближние и дальние родственники Зенона и Илла (Леонтий, Марс, Матрониан), но о какой-либо их политической деятельности ничего не известно. Поэтому, думается, нужно весьма осторожно относиться к часто цитируемому месту Иешу Стилита: “Зенон всем своим землякам давал посты чести и могущества, за что особенно был ненавидим ромеями“ (Иешу Стилит. 12). Соответственно, влияние исавров на Зенона и на формирование политики в 476—479 гг. не представляется значительным. Трокунд, находясь в Антиохии, вряд ли мог воздействовать на политику двора. Интересно, что по источникам совершенно не прослеживаются какие-то его контакты с Иллом, даже когда последний до мятежа Маркиана из-за покушений на него с прямого попустительства императора дважды покидал столицу. Лонгин, брат Зенона, был в заточении в одной из крепостей Исаврии и являлся гарантией личной безопасности Илла при дворе

¹⁹ Clauss M Urbicius “praepositus imperii” // Sodalitas. Scritti in onore di Antonio Guarmo. Napoli, 1984. S. 1245—1257.

и в империи. Взаимоотношения Илла с Зеноном были противоречивыми и определялись как совместными интересами по охране установившегося правления, так и, одновременно, клановой рознью²⁰. Илл довольно последовательно поддерживал Зенона до тех пор, пока в столице находились Верина, Армат и Маркиан, обладавшие известными легитимными правами на престол и, следовательно, являвшиеся потенциальной угрозой для привилегий исаврийских контингентов. Думается, что заинтересованность Илла в Зеноне как императоре, всегда имевшем возможность приблизить ко двору выдвинутых любой национальности и любого слоя и замаскировать тем самым собственное происхождение, была неизмеримо выше, чем Зенона в Илле. Отсюда примечательно, что Зенон гораздо эффективнее использовал Илла как орудие против Верины и ее сторонников, нежели “всемогущий временщик” Илл оказывал влияние на императора. Фактически известна лишь одна независимая акция Илла: призывание им в столицу поэта и гадателя Пампрепия (PLRE. II. 826), что не имело каких-то серьезных политических последствий. Иллу Зеноном не был адресован ни один закон, т.е. складывается впечатление, что Илл не вмешивался в деятельность обширного аппарата магистра оффиций в той мере, в какой ею занимались его предшественники на этом посту, уделяя внимание лишь экскувитам. Адреса же конституций Зенона позволяют утверждать, что в делах текущего администрирования император опирался почти исключительно на римлян²¹. И напротив, услуги Илла, оказанные Зенону в 476—479 гг., просто трудно переоценить: организация суда над рядом сенаторов — сторонников Василиска (Malch. fr. 11); поддержка при ликвидации Армата (Evagr. III. 24), удаление из столицы Верины, решительность и инициативность во время мятежа Маркиана.

Подавление мятежа Маркиана означало конец пятилетнего кровавого периода борьбы за власть между родственниками Льва I, в ходе которого военная элита империи практически полностью обновилась. Одновременно отпали последние сдерживающие эскалацию исаврийской розни мотивы, особенно после раскрытия заговора Эпиника, Дионисия и Траустилы²² (Ioann. Ant. fr. 211. 4), разгром которого стал последним ударом по остаткам режима

²⁰ А. С. Козлов справедливо подчеркивает, что Зенон в условиях обострения социально-экономической ситуации в стране не мог “ориентироваться только на интересы верхушки исаврийских соплеменников”. — Козлов А. С. Указ. соч. С. 61.

²¹ Corpus Juris Civilis. V. 2. Codex Justinianus / Ed. P. Krueger. Berlin, 1906. P. 507—508.

²² Точному определению ранг Траустилы, “имевшего достоинство стратега” (Ioann. Ant. fr. 211. 4), не поддается, поскольку больше нигде о нем речь не идет.

Василиска. Но призрак узурпации и наличие двух готских армий во Фракии привели к временной консолидации всех исаврийских групп, к усилению их позиций при дворе. В награду за разгром Маркиана под Анкирой (Ioann. Ant. fr. 211.4) Трокунд был переведен в столицу и назначен, видимо, вместо Мартиниана презентальным магистром, причем восточный магистерий не получил сразу преемника. Одним из последствий этого благодарственного жеста Зенона, на наш взгляд, стало увеличение исаврийского воинства в Константинополе или его окрестностях, поскольку Трокунд привел с собой личный отряд. О внутренней структуре и численности исаврийских сил имеются лишь разрозненные косвенные данные. Так, известно, что в отряде Илла был гиппарх (Ibid. fr. 214. 5), что подразумевает отдельные подразделения конницы и пехоты; у Трокунда были свои гипасписты (личные телохранители?). Став императором, Анастасий отменил ежегодную выплату полутора тысяч либр золота (по Евагрию, 5 тысяч. — Evagr. III. 35) на содержание исавров²³ (Ioann. Ant. fr. 214b. 4), которые после мятежа, конечно, получал лишь клан Зенона. Эти деньги шли не только на оплату воинов; в их число входило также жалованье высокопоставленным исаврам. Лев I, например, в 473 г. обязался выплачивать 13 тысячам остготов Страбона (Malch. fr. 17) только две тысячи либр золота ежегодно (Malch. fr. 2). Однако сомнительно, чтобы общее число исавров в столице достигало хотя бы половинного количественного уровня армии Страбона. Нигде не засвидетельствовано, чтобы исавры дерзнули выступить в открытом бою против готов. По Малху (fr. 14), Илл лишь однажды намеревался выступить против Страбона во главе римских (но не исаврийских!) войск, собранных по Понту, Азии и из восточных провинций. Однако вскоре командиром этой большой армии был сделан Мартиниан (Ibid. fr. 8). В свое время, в 476 г., армия Армата без труда нанесла под Никеей поражение соединенным силам Зенона и Илла (Theoph. AM 5969).

О статусе исавров также нет прямых свидетельств, но видимо, они не включались в презентальные войска, представляли собой вооруженные свиты своих вождей. Когда Трокунд, например, последовал за братом в Исаврию, Зенон назначил презентальным магистром Коттумена, а Иоанна Скифа — магистром Востока (Ioann. Ant. fr. 214. 1; 6).

²³ Разночтения о сумме выплат исаврам у обоих авторов можно объяснить следующим образом: Иоанн Антиохийский учитывает только содержание исавров в столице; Евагрий сообщает также и о донативе, дарованном, согласно Иордану (Romana. 354), какой-то категории населения Исаврии Иллою, выплачивать который после подавления мятежа Зенон был вынужден согласиться.

Это подразумевает, что Трокунд увел с собой из столицы лишь собственный отряд. Таким образом, есть основания полагать, что исавры при Зеноне были по правовому положению чем-то вроде федератов, только более высокооплачиваемыми, нежели, например, готы. Соответственно, исаврийская военно-клановая знать по ряду внешних параметров подпадает под предложенное А. Демандом определение “позднеримская военная знать”²⁴, с той существенной разницей, что оплачивала свои вооруженные свиты из государственной казны и не была наследственным политическим слоем в имперской верхушке. Семейных связей с прочими высшими военачальниками (единственным исключением является породнение сына Аспара Германариха с Зеноном, некогда спасшим его от расправы Льва I — Theoph. AM 5964) империи исавры не завязали, а отношения в их собственной среде постоянно характеризовались распрями и подозрениями. Иными словами, внешне выглядевшая семейной, кадровая политика Зенона была для него вынужденной, от которой император предпочел избавиться при удобном случае. Примечательно, что в источниках в период от мятежа Маркиана и до мятежа Илла все упоминания об исаврах сводятся к информации о назначениях их на военные посты, о покушениях на них, о растущей клановой розни, и речь практически не идет об их влиянии на формирование политики двора. Таким образом, от племенной (например, готской) федератской знати исаврийских вождей отличало лишь то, что в силу политических обстоятельств они на время оказались во главе центрального военного аппарата империи, главным образом обогащаясь через его посредство, но не управляя им умело и эффективно в интересах государства. Очевидно, именно отсутствие социальных связей в правящих кругах, управленческого опыта и знания особенностей византийских политических традиций препятствовало исаврам обрести то положение в обществе, которое занимали, например, Аспариды. Представляется также, что столичная аристократия, а под ее влиянием и народ, психологически не воспринимала офицеров неримского происхождения в первом поколении, отводя им лишь роль послушных слуг, и, наоборот, более благосклонно относилась к их детям, рожденным и воспитанным в империи. О варварском происхождении последних вспоминали лишь при экстремальных обстоятельствах политической борьбы, как это бы-

²⁴ Классифицируя позднеримскую военную знать, А. Демант выделяет “византийско-исаврийскую группу вокруг Зенона, вотчина которой лежала в Малой Азии”. — Demandt A. Feudalistische Züge im Militärwesen des spätrömischen Reiches // Bericht über die 29. Versammlung deutscher Historiker in Regensburg 3. — 8. Oktober 1972. Stuttgart, 1973. S. 65.

ло, например, со Стилихоном и Аспаридами. Видимо, в данном случае процесс восприятия и аккомодации их в римском обществе как *homines novi* все еще регулировался на основе древнего “стереотипа трех поколений”: *novitas — consuetudo — mos maiorum*. Отсюда основные задачи исавров, оказавшихся непризнанными чужаками первого поколения в правящих кругах империи, в политической жизни сводились к охране завоеванного ими положения. Показателен в этом отношении ответ Илла на просьбы Ариадны вернуть в столицу Верину: “Чтобы она вновь сделала другого императора вместо твоего мужа?” (Malala. 387). Зять Илла Матрониан был специально на долгое время отослан для охраны Верины в исаврийской крепости. Заложничество Верины и Лонгина было для Илла, по сути дела, последней возможностью удержать Зенона от открытого разрыва. Слабость его позиций при дворе отразилась в безуспешных интригах с Иоанном Талайей и попытках втянуть в заговор против Зенона префекта Египта Феогноста. (Zach. V. 6). Совершенно очевидно, что император контролировал ситуацию в столице, а фраза Малалы об управлении Иллом всем государством (Malala. 386) явно восходит к сильно пропагандистски окрашенным версиям, возникшим уже при Анастасии I.

Самого Зенона после разгрома Маркиана, видимо, тяготило двусмысленное положение императора и, одновременно, одного из исаврийских клановых вождей. Подчинить же все исаврийские силы можно было только тайным устранением Илла, неудачное покушение на которого, с ведома императора (Eхс. de insid. 164), произошло в 481 г., Вскоре после этого Илл попросил разрешения покинуть столицу для лечения; о подтексте этого шага остается лишь догадываться. Зенон, освободив от обязанностей магистра оффиций (Malala. 388), сделал его магистром Востока с правом самостоятельного назначения дуксов (Theoph. AM 5972). Думается, что в последнем случае Феофан несколько преувеличил полномочия Илла, т.к. ни в одном из источников, подробно описывающих условия удаления Илла из столицы, такой информации нет. Маловероятно, чтобы в ущерб себе Зенон децентрализовал *ius probatoriae* в отношении дуксов, существенно укрепив тем самым власть Илла на Востоке. С Иллом в Антиохию ушел, очевидно, его отряд (Eхс. de insid. 165 ἐχων μεθ' ἑαυτοῦ πλῆθος στρατῶν). Под предлогом создания почетного эскорта для будущего возвращения Верины в Константинополь Илл испросил себе спутниками Леонтия и “прочих сенаторов”, (Malala. 388); по de insidiis, с ним отправились “Леонтий, патрикий Пампрепий, экс-консул Марс, экс-консул Юстиниан, экс-префект Элиан, экс-иллюстрий Матрониан, экс-префект Куттул и многие комиты” (Eхс. de insid. 165). Очевидно, этим

перечнем не просто исчерпываются сторонники Илла, но и основная масса видных исавров, столь удачно для Зенона удаленных из столицы. Складывается впечатление об известном соглашении с кланом Илла об оставлении им столицы взамен на обеспеченное положение на Востоке, поскольку в течение двух лет (*Ibidem*) Илл жил в Антиохии, не обостряя отношений с центральной властью.

В целом, в 481—484 гг., до мятежа Илла Зенон попытался опереться на римлян в своей политике, поскольку ни брат его Лонгин, ни Лонгин из Кардалы еще не появились в Константинополе; другой его сородич Конон занимал епископскую кафедру в Апамее (*Ioann. Ant. fr.* 214. 2; *Evagr.* III. 35). В это время на посту префекта Востока вновь появляется Себастиан (*PLRE.* II. 984); магистром официий стал некий Иоанн (*CJ.* XII. 21. 8); после убийства в 481 г. Сабиниана Магна²⁵ на пост магистра и комита Иллирика назначены Иоанн Скиф и Мосхиан. Примечательно, что исавры не получили эти должности, а Зенон фактически стал возвращаться к практике использования на магистерских постах безвестных и невлиятельных офицеров-варваров. Наконец, с началом мятежа Илла Трокунд был также удален из столицы. То, что он не был убит и достиг Исаврии, видимо, объясняется как его поспешным бегством, так и нерешительностью Зенона отдать приказ презентальной армии уничтожить своего командира и его личный отряд. Не исключено, что Трокунда подтолкнул к бегству отказ Илла отпустить брата Зенона Лонгина на свободу (*Ioann. Ant. fr.* 214. 1).

Последовавший за этим открытый разрыв с Иллом привел, прежде всего, к очередному обновлению военной элиты империи. Иоанн Скиф, сыгравший главную роль в разгроме мятежников, был назначен вместо Илла магистром Востока (*Ioann. Ant. fr.* 214.1); вместо Трокунда презентальным магистром стал Коттумен²⁶, происходивший, очевидно, из клана Зенона. Сомнительно, что последнее назначение Зенон произвел после поражения Илла, “вследствие изменения в настроениях его соотечественников”²⁷. Скорее император, совершенно в духе трибализма, решил выкорчевать клан Илла, отклонив его просьбу о перемирии, переданную через Иоанна Скифа,

²⁵ Мотивы этого политического убийства определить невозможно, поскольку вся информация о нем сводится лишь к одному слову у Иоанна Антиохийского — *δολοφονήσας*. Можно только предположить, что самостоятельность Сабиниана не устраивала Зенона, но не ясно, в какой сфере — в военной или религиозной.

²⁶ Ср. Brooks E. W. *The Emperor Zenon and the Isaurians // English Historical Review.* 1893. V. 8. P. 228.

²⁷ Stein E. *Histoire du Bas-Empire.* Paris, Bruxelles, Amsterdam, 1949. V. II. P. 30.

изгнав и убив его сторонников в столице, раздарив их имущества исаврийским городам (Ibidem). И наоборот, соплеменники Зенона — Конон, Лилинг — спешно вербовали из своих родов воинов. Активность Зенона в стягивании сил против Илла, вплоть до отправки отряда ругиев во главе с Германарихом (Ibid. 214. 3), очевидно, объясняется наличием сведений о переговорах мятежников с Ираном, Одоакром и отсутствием точных данных о том, предоставили ли персы Иллу какую-либо помощь. Быстрый разгром Илла показал, что никаких других войск у него не было, и потому Зенон отозвал посланных в Исаврию федератов Теодориха Амала (Theoph. AM 5977).

Несколько изменилась ситуация с военным руководством в 485 г., когда Константинополя достиг бежавший ²⁸ из крепости Лонгин, брат императора, сразу назначенный в столице στρατηλάτης πραισέντου μεγάλου (Malala. 386), что, однако, вряд ли означает наличие второго презентального войска. Скорее ранг его до казни Коттумена (Theoph. AM 5983) и ухода Теодориха Амала в Италию был почетным; Лонгин теоретически считался старшим над магистрами, чем подчеркивалась его близость к престолу. Не исключено при этом, что он был командующим всеми исаврийскими силами в столице. После казни в 488 (?) г. Коттумена Лонгин стал фактическим командующим (а не почетным магистром) презентальной армии Византии. Это видно из предписаний Анастасия I на его имя (CJ. XII. 37. 16), которые, кстати, по содержанию в известной мере аналогичны распоряжениям Зенона, данных Коттумену (CJ. XII. 49. 11). Указанный закон Анастасия примечателен во многих отношениях: он издан после длительного перерыва (предыдущий, CJ. XII. 37. 15, датирован 423 г.) и является самым пространственным в титуле “de erogatione annonae militaris”. Приведенные в нем данные о злоупотреблениях актуариев с военной анноной говорят о том, что исаврийские магистры (и режим в целом) практически не интересовались реальным положением дел в официальных войсках и не стремились обуздать злоупотребления, обогащая лишь свои отряды, что во многом объясняет индифферентность армии к судьбам исаврийского режима. С другой стороны, заметно, что Зенон с самого начала своего правления опасался волнений в армии. Он отнял у магистров и дуксов право probatoria, зарезервировав его за императором, предложив им делать ежегодные сообщения о том, насколько они считают необходимым пополнять вверенные им войска (CJ. XII. 35. 17). Этот ужесточенный

²⁸ Brooks E. W. Op. cit. P. 223. N. 91.

контроль, однако, не дополнялся какой-либо существенной помощью армии.

И наоборот, отчетливо прослеживается внимание Зенона к гвардии. Роль экскувитов в расправе над Аспаридами, отражение атаки Остриса убедили Зенона в необходимости преимущественной опоры на гвардейские подразделения. Уже при жизни Льва II схоляриям предоставлялись добавочные привилегии (СЖ. XII. 29. 2). По Агафию (V. 15. 4), после реставрации Зенон включил в школы многих своих соплеменников. Собственно, во многом именно этот акт обусловил поддержку Зенона схолами во время мятежа Маркиана. Недатированный (и очень обширный) закон на имя Лонгина из Кардалы о новых привилегиях схоляриям (СЖ. XII. 29. 3), на наш взгляд, также был мотивирован конкретной политической ситуацией: когда разрыв с Иллоом стал очевиден, Зенон позаботился об упрочении своих позиций и авторитета у схол (следовательно, закон нужно датировать осенью 484 г. или началом 485 г.). Любопытно, что во всех случаях ставка делалась на схолы, а не на экскувитов, в чем отразились личный опыт и политические симпатии Зенона, комита domestikов при Льве I (Vita Dan. Styl. 55), никогда не бывшего командиром экскувитов. Зенон, в отличие от Илла, стремился растворить свой отряд в старинных государственных воинских формированиях, придать ему максимально возможный официальный характер, чтобы в этом плане не осталось внешнего сходства между ним и другими исаврийскими вождями.

И наконец, ставка Зенона (в ряде случаев вынужденная) на разные типы федератов в военной политике с неизбежностью вела к значительному умножению проблем в состоянии собственно византийской армии; с известной осторожностью можно даже говорить о кризисе военной организации, особенно в балканских провинциях. В восточных провинциях ситуация была менее острой уже потому, что там не было многолетнего присутствия готов, а Иран в это время раздирали внутренние неурядицы²⁹. Однако нет никаких оснований говорить о том, что Зеноном предпринимались какие-либо меры по возрождению византийского военного потенциала после подавления мятежа Илла и после того, как готы очистили Балканы. Последние годы своего правления он был очень подозрителен, опасаясь заговоров (Theoph. AM 5983) и, видимо, доверяя лишь своему брату³⁰ и магистру оффиций Лонгину

²⁹ Подробнее см.: The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1983. V. 3. P. 481—536.

³⁰ Предположение, идущее от Э. Штейна (Stein E. Op. cit. v. II. P. 64), что упомянутый Прокопием (De aed. III. 6. 23) воевавший против данного стратег Лонгин, родом исавр, был братом Зенона, все же проблематично. Им мог быть и любой другой, носивший популярное у исавров имя Лонгин, например, Лонгин из Кардалы.

из Кардалы и, соответственно, их отрядам; Иоанн Скиф оставался в Антиохии. Именно в таком составе военное руководство империи, обновившееся в ходе борьбы за власть с Иллоом, досталось в наследство Анастасию.

Сохранившиеся сведения об обстоятельствах избрания императором Анастасия Дикора позволяют говорить о том, что Лонгин, брат покойного Зенона и презентальный магистр, был обойден в ходе подбора кандидата на престол, т.е. фактически армейская верхушка впервые в ранневизантийской истории при пресечении династий была лишена своей конституционной функции; проблема преемственности власти была решена тайным сговором Ариадны и препозита Урбикия³¹. Их решение прошло не потому, что исавры были слабы³²: просто при соблюдении всех норм конституционного избрания императора Лонгин “поставил” бы им собственную креатуру. Но по всем прочим параметрам процедура выборов была соблюдена: императором стало лицо из среднего звена гражданского управления (а не средний офицер армии) — декурион силенциариев Анастасий. То, что участвовавшие в церемонии коронования стратиоты не воспротивились подобной смене акцентов, говорит о безразличии официальных византийских сил по отношению к своему исаврийскому командованию. Отсюда несомненно, что новое правительство искало поддержки в римских армейских кругах, остро ощущавших кризис военной организации. Примечательно, что в ходе церемонии коронации Анастасия наряду с вполне традиционными, а также антиисаврийскими аккламациями прорвался и такой призыв к императору: “Восстанови армию!” Обращает на себя внимание двухкратное употребление слова “армия”: первый раз в латинской, второй — в греческой форме (De ser. I. 92: $\square\delta\ \epsilon\acute{\xi}\epsilon\rho\kappa\iota\tau\acute{o}\nu\ \sigma\upsilon\ \epsilon\acute{\upsilon}\epsilon\iota\rho\omicron\nu$, τὰς στρατίας ἐγείρον). Постановка на первое место именно официального римского термина должна была сказать Анастасию, что в восстановлении нуждается не вся армия, ибо исавры и “исавризированные” схолы также входили в ее состав, но лишь римская ее часть. Однако серия предпринятых Анастасием мер по оздоровлению военной организации не была вызвана каким-то мощным давлением византийского офицерства; необходимость ее восстановления после ухода готов и исавров являлась жгучей необходимостью.

³¹ Clauss M. Urbicius... S. 1252.

³² Brooks E. W. The Emperor Zenon... P. 231: “Исавры должны были быть сильно ослаблены последней войной и поэтому были не в состоянии оказать любое прямое сопротивление новому назначению в Константинополе”.

Судя по тому, что некоторым изгнанным из столицы после “плебейской войны” видным исаврам сохранили их имущества (Ioann. Ant. fr. 214b. 3), Анастасий, видимо, надеялся в начале своего правления на известный компромисс, результатом которого стала бы служба исаврийских отрядов где-нибудь вне Константинополя. Вероятнее всего, в лишенной войск Фракии, куда были переселены после окончания “исаврийской войны” многие исавры (Theoph. AM 5988). На первых порах император стремился лишь удалить из столицы притязавшего (или только обвиненного в подобных намерениях официальной пропагандой?) на престол (Ibid. AM 5983) брата Зенона Лонгина, сослав его в Египет (Ioann. Ant. fr. 214b. 3; Zonara. XIV. 3. 15—18), в результате чего стала вакантной должность презентального магистра.

Первые новые назначения были произведены после начала исаврийского мятежа, когда Анастасий послал воевать “Иоанна, по прозвищу Горбун, презентального стратилата, и патрикия Диогениана, родственника августы, и других со многими скифами, и отряд готов и бессов” (Малала. 393)³³. В *de insidiis* сообщается о назначении трех магистров (Exc. de insid. 167): Иоанна Горбуна, Диогениана и Патрикия. Двое последних явно были *magistri vacantes*, поскольку Иоанн Скиф продолжал оставаться магистром Востока. Интересно, что никаких сведений о Диогениане на период правления Зенона нет; очевидно, ему как дальнему родственнику Льва I Зенон не давал никаких постов. Назначение же его, не обладавшего, как показала осада Клавдиополя, боевым опытом (Theoph. AM 5986), одним из стратегов в войне с исаврами, вероятно, было знаком признательности Ариадне. Но после своих неудач он не сделал в дальнейшем военной карьеры. Известно лишь, что позже он был сослан (после смерти Ариадны в ?515 г.) Анастасией (Chron. Pasch. a. 519).

Параллельно с ведением войны против исавров правительство Анастасия предприняло меры по восстановлению военного потенциала Фракии и Иллирика, что явствует из двух мест хроники Комита Марцеллина. Под 49 сообщается: “Юлиан, магистр армии, погиб во Фракии, пронзенный скифским железом, сражаясь в ночном бою” (Marc. Com. a. 493). Под 499 г.: “Арист, предводитель

³³ Феофан (AM 5985), явно путая обоих Иоаннов, называет их οἱ τοῦ Θρακῶου στρατηγῆματος ἡγεμόνες. Очевидно, это не столько ошибка в обозначении ранга, сколько указание на подразделения презентальной армии, расквартированной во фракийских окрестностях столицы. См., например, Кулаковский Ю. А. История Византии... Т. I. С. 464: “Главной силой имперских войск были старые регулярные полки, стоявшие в Силимври”.

иллирийской армии, выступил с пятнадцатью тысячами воинов и пятьсот двадцатью повозками, груженными необходимым для сражения снаряжением, против болгар, опустошивших Фракию. У реки Цурты завязалась битва, где более чем четыре тысячи наших были убиты или в бегстве, или на стремнине берега реки. И погибла там иллирийская доблесть воинов, когда пали комиты Никострат, Танк и Аквилин“ (Marc. Com. a. 499). Оба сообщения свидетельствуют о стремлении Анастасия возродить балканские магистерии уже в начале его правления. Численность же иллирийской походной группировки (думается, что помимо упомянутых 15 тыс. воинов, Арист имел и какой-то резерв) до разгрома у Цурты вполне сопоставима с данными *Notitia Dignitatum* (Or. XI)³⁴, т.е. с относительно благоприятным периодом 10-х гг. V в. И уж во всяком случае, налицо прогресс в сравнении с ее слабостью в то время, когда командование над ней принял Сабиниан Магн. Трудно, однако, из-за отсутствия данных проследить, из кого и как были набраны (или переведены?) эти войска для Фракии и Иллирика.

Видимо, в целях моральной поддержки в 500 г. Анастасий “послал через Павла, трибуна нотариев, донатив иллирийским воинам” (Marc. Com. a. 500). Донатив был предоставлен воинам и в 496 г., правда, неясно, кому — остаткам ли войска Юлиана или победителям при Коттизе, либо всей армии по случаю пятилетнего юбилея правления императора (*Ibid.* a. 496). В целом, до полного замирения Исаурии, Анастасий в своей военной политике использовал традиционные методы, очевидно, как один из элементов пропаганды традиционно-римского характера своего правления. Ряд пространных конституций, адресованных магистрам войск, был нацелен не только на “косметический ремонт” армии, но и на завоевание ее симпатий. Анастасий как бы стремился воплотить в жизнь обращенные к нему в свое время аккламации “Правь как Маркиан!” Уже Лонгину было предписано навести порядок в снабжении войск анноной (CJ. XII. 37. 16). В 492 г. Иоанну Горбуну был предложен следующий порядок судебной подотчетности солдат тех подразделений презентальной армии, которые оказались на Востоке: по уголовным и гражданским делам они должны были подпадать под юрисдикцию не только презентального магистра, но и тех дуксов, на территории округов которых эти солдаты оказались; видимо, во избе-

³⁴ Согласно расчетам Л. Варади (*Várady L. New Evidences on Some Problems of the Late Roman Military Organization // AAASH. 1961. Т. 9. P. 358*) — 21 тыс. 600 человек; по А. Джонсу (*Jones A. H. M. The Later Roman Empire... V. 3. P. 379*) — 17 тыс. 500 человек.

жание трений между магистрами, вмешательство оффикию восточного магистерия запрещалось (СЖ. XII. 35. 18). Этот закон, очевидно, был издан уже после победы при Коттиэе и отражал понимание Анастасием затяжного характера войны с исаврами. В недатированном рескрипте на имя магистра Иллирика Иоанна император допускает передислокацию войск только в случае крайней необходимости, приказывая при этом обеспечивать переведенных солдат такой же нормой анноны и доводить до его сведения точные данные о месте расквартирования, названиях подразделений, количестве анноны (СЖ. I. 29. 4). Недатированный закон, адресованный всем магистрам войск, подтверждает привилегию *praescriptio fori* только штатным канцеляристам их оффикиев (СЖ. XII. 54. 5). На имя магистра войск Стефана была издана, также недатированная, конституция, в которой устанавливался единый для всех — любых оффикиев, схол, дигнитариев, частных лиц — порядок выплаты судебных издержек (СЖ. VII. 51. 6).

На наш взгляд, все недатированные конституции, адресованные военным, были изданы в ходе исаврийского мятежа (492—498 гг.), когда Анастасий искал популярности в армии, и, во всяком случае, до хрисотелии югов, означавшей известный поворот в военной политике и в какой-то мере порывавшей с традиционными методами в армейском строительстве. Если верно это, то следует признать, что до Ариста на посту магистра Иллирика был Иоанн. Точное определение должности магистра войск Стефана невозможно; можно лишь предполагать один из балканских магистериев.

Сведения о каком-то влиянии высших военных на политику Анастасия до окончания исаврийской войны, об их фамильных связях, об их состояниях также отсутствуют. Последнее, что известно об Иоанне Скифе и Иоанне Горбуне — это дарованный им, соответственно в 498 и 499 гг., за победу над исаврами консулат (PLRE. II. 602. 618). До начала персидской войны 502—506 гг. военная верхушка Византии вновь полностью обновилась.

Обновление военной элиты империи, в которой на смену безродным служакам пришли представители знати и родственники императора, по времени совпадает с введением т.н. хрисотелии югов. Полемика о сущности хрисотелии, на наш взгляд, показала, что трактовки ее (либо адэрация военной анноны ³⁵, либо адэрация рекрутской повинности ³⁶) вовсе не являются взаимоисключающими, но, наоборот,

³⁵ Прибыловский В. В. К вопросу о налоговой реформе императора Анастасия I // ВВ. 1986. Т. 46. С. 189—198.

³⁶ Karajannopulos J. Die Chrysoteleia der Juga // BZ. 1956. Bd. 49. S. 72—84.

взаимодополняющими. Содержание термина *στρατιωτικὴ δαπάνη* (= *militares expensae*) можно расширить и за счет *praebitio equorum* и *collatio vestis militaris*, традиционных повинностей податного населения на нужды армии, причем также неоднократно адэрировавшихся³⁷. Более важен все же вопрос о причинах, видимо, широкомасштабного и в то же время гибкого применения адэрации воинских повинностей Анастасием. Подавляющая масса исследователей полагает, что хрисотелия югов была введена Анастасием для оздоровления государственных финансов, не конкретизируя, на какие цели пошла вырученная в результате адэрации звонкая монета³⁸. Несколько категорично уточнил это лишь М. Я. Сюзюмов: “Нуждаясь в средствах для создания армии и не доверяя случайным рекрутам, Анастасий постановил вместо поставки рекрутов и провианта для войск требовать денежных взносов”³⁹. Можно добавить, что эти деньги шли и на военное строительство, и на дипломатию (*Ioann. Ant. fr.* 215), но то, что первоначальным толчком послужила необходимость срочного восстановления количественного уровня вооруженных сил, несомненно. Значительные потери, понесенные балканскими походными группировками, заставили Анастасия уже в 497 г. приступить к реконструкции т. н. Длинных стен⁴⁰, что, однако, не снимало проблемы пополнения армии, коль скоро и презентальные силы (второе презентальное войско к этому времени так и не было восстановлено) которой были в известной мере потрепаны в ходе исаврийского мятежа. Конскрипционный же механизм восточных провинций, очевидно, просто был не в состоянии обеспечивать все региональные войска нужным количеством рекрутов. Например, у Комита Марцеллина под 502 г. читаем: “Ставшее привычным племя булгар часто разграблявшуюся

³⁷ CTh. VII. 6 “De militari veste”; CTh. XI. 17 “De equorum conlatione”; CTh. VII. 4 “De erogatione militaris annonae” — CJ. XII. 37; Vogler Ch. La rémunération annonaire dans le Code Théodosien // *Ktema*. 1979. V. 4. P. 293—319; Giuffrè V. “Iura” e “Arma”. *Intorno al VII libro del Codice Teodosiano*. Napoli, 1979. P. 3—20; Brandt H. *Zeitkritik in der Spätantike*. Untersuchungen zu den Reformvorschlägen des Anonymus De rebus bellicis. München, 1988. S. 61—78; 103—124.

³⁸ Историографический обзор см.: Прибыловский В. В. Указ. соч. С. 189—190.

³⁹ Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения во второй половине V в. // *История Византии*. М., 1967. Т. I. С. 210; там же автор утверждает, что “уже в первый год правления Анастасия была введена хрисотелия”. Если речь идет о более широкой, по сравнению с обычной практикой, хрисотелии=адэрации, то это вряд ли верно. Резкое усиление адэрации воинских повинностей произошло все же после подавления исаврийского мятежа.

⁴⁰ Bury J. *History of the Later Roman Empire...* V. I. P. 435. N. 5; Whitby M. *The Long Walls of Constantinople* // *Byzantion*. 1985. V. 55. P. 560—583; Cp. Croke B. *The Date of the “Anastasian Long Wall” in Thrace* // *GRBS*. 1982. V. 23. P. 59—78.

Фракию, поскольку ни один римский воин не противостоит, вновь опустошило” (Marc. Com. a. 502; ср. Theoph. AM 5994). Ввиду неэффективности *protostasia*, в том числе и в отношении качества рекрутов (ср. Veget. De rei mil. I. 7), Анастасий прибег к *prototyria*. Адэрация же военной анноны, поставок лошадей и одежды, видимо, коснулась далеко не всех слоев налогоплательщиков. Учитывая то обстоятельство, что хрисотелия не повлекла за собой массового недовольства⁴¹, а часто цитируемое место из Иоанна Лиды (De mag. III. 61) о разорениях в результате принудительной адэрации все же относится к юстиниановой эпохе, можно предположить, что Анастасий предписал адэрировать лишь определенный объем военных налогов. А именно тот, который складывался из разницы натуральных поставок, предназначенных армии некоей полной численности, и тех, которые шли на содержание реально наличных войск. Видимо, в отрывке, “который Иоанн Малала, конечно же, в виде фрагмента перенял в свою Хронографию, т.к. он стоит в повествовании совершенно вне связи”⁴², и сохранилась такая официальная мотивация планируемой Анастасием адэрации — не переплатить воинам натуральной анноной: “...чтобы не взимались натуральные продукты и не проедались воинами” (Malala. 394). Каков же был “военный” эффект хрисотелии? В. В. Прибыловский полагает, что “армия, во всяком случае, не много выиграла от этой реформы”⁴³. Если понимать под этим прежнюю, основывавшуюся на конскрипционных методах пополнения, военную организацию, то она, действительно, скорее проиграла, количественно сократившись. В выигрыше оказалось все-таки, прежде всего, государство в целом, получив в сравнительно короткие сроки свежие войска, состоявшие из добровольцев-наемников. В самом деле, уже к началу персидской войны 502—506 гг., у Византии появилась вторая презентальная армия, впервые после поражения 468 г. Обращает на себя внимание совпадение по времени хрисотелии югов с завершением стадии позднеантичной “стабилизации” в ранней Византии. В конце V в. четко обозначился новый этап деградации мелких полисов и стагнации в крупных городах, роста заброшенных земель, пауперизации крестьянства и ремесленничества, наплыва в города немущих⁴⁴. В этих условиях *prototyria* Анастасия

⁴¹ Прибыловский В. В. Указ. соч. С. 198.

⁴² Karajannopoulos J. Die Chrysoteleia der Juga... S. 72. См. также перевод этого места Малалы И. Караяннопулосом: “Anastasios I. führte für alle Steuerzahler die adaeratio der Steuereinheiten ein, damit die Soldaten keinen Anspruch, mehr auf Unterhalts — und Ernährungskosten hatten. — Ibidem. S. 80.

⁴³ Прибыловский В. В. Указ. соч. С. 196.

⁴⁴ Курбатов Г. Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 48—51.

как один из элементов хрисотелии была реалистичной и продуманной мерой. С одной стороны, сокращалось разорительное для хозяйств посессоров изъятие колоннов на военные нужды; с другой — государство вербовкой в армию, несомненно, возросшего количества добровольцев из социальных низов (рискуем в этом плане провести параллель со знаменитой военной реформой Гая Мария) снижало число недовольных в городах, предоставляя им возможность существования посредством военного ремесла. Разумеется, не исключено, что на полученные деньги — *augur tironicum* нанимались и варвары, хотя и в явно меньшем количестве, чем римляне, поскольку после ухода Теодориха в Италию и в условиях успешных набегов булгар наемнический рынок на Балканах вряд ли был емким. Во всяком случае, Прокопий, перечисляя отправленные против Кавада войска, говорит лишь о готах, не пошедших за Теодорихом в Италию и оставшихся во Фракии (ВР. I. 8. 3; ВГ. I. 16. 2), поставлявших контингенты согласно федератскому договору (De aed. III. 7. 13). Из свободных наемников Анастасий, по образцу Гелиона и Аспара, начал формировать корпус государственных федератов, которым уже в 503 г. командовали Патрикиол и его сын Виталиан (Theoph. AM 6005; Proc. ВР. I. 8. 3; Иешу Стилит. 60). По Феофану (AM 5997), Анастасий послал против персов армию “из готов и бессов и прочих фракийских народов”; видимо, из этих народностей и начал создаваться этот корпус.

Планомерное увеличение наемнических элементов всех видов в ранневизантийских войсках постепенно вело к снижению количества подразделений разряда *στρατιῶται*, набравшихся, очевидно, в массе своей посредством *protostasia*. На наш взгляд, именно так следует трактовать фрагмент Иоанна Антиохийского (fr. 215), согласно которому Анастасий “обратился к пагубной жажде денег, отчего в провинциях не стало *κατάλογων*”. Представляется, что в данном случае *κατάλογοι* употреблен в техническом смысле, который в первой половине VI в. соотносился только со *στρατιῶται* ⁴⁵.

Итак, результатом широкомасштабной адэрации стало, прежде всего, воссоздание второй презентальной армии и,

⁴⁵ Müller A. Das Heer Justinians (nach Procop und Agathias) // *Filologus*, 1912. Bd. 71. S. 101: “Для вспомогательных войск разного рода, не принадлежавших к имперской армии, такие списки вряд ли существовали... Наряду с *κατάλογοι* употребляет Прокопий только для имперского войска слово *στρατιῶται*”. Комментарий к этому фрагменту Иоанна Антиохийского, сделанный А. П. Дьяконовым (Византийские димы и факции (*τα μέρη*) в V—VII вв. // ВС. 1945. С. 158. Прим. 3: “Когда Анастасий лишил куриалов их полномочий, то провинции оказались лишенными «каталогов», — по старой терминологии “списков военнообязанных”), неконкретен, Из контекста видно, что ученый подразумевал каталоги димотов, но текст фрагмента не позволяет согласиться с этим.

соответственно, поста второго презентального магистра. По Прокопию (ВР. I. 8. 2; ср. Theoph. AM 5997), на персидскую войну в 503 г. Анастасием были, посланы “командиры стратиотов в Византии фригиец Патрикий и Ипатий, племянник императора”, разделившие общее командование в кампании с Ареовиндом, магистром Востока очевидно, преемником на этом посту Иоанна Скифа), и магистром официий Келером. Малала называет Патрикия *πρωτηλάτης τῶν μεγάλου πραισέντου* (Захария также обозначает его как “великого стратега” — VII. 4), а Ипатия — просто *στρατηλάτης πραισέντου* (Malala. 398), чем в данном случае подчеркивалось не столько старшинство ранга (и не главнокомандование) Патрикия, сколько тот факт, что в его армию были включены гвардейские подразделения, которыми командовал будущий император Юстин. Видимо, этим же отмечался также факт недавнего образования второй презентальной армии, еще только начавшей службу. Их войска были усилены подразделениями некоего Константина, которого Феофан называет *Ἰλλυρίον ἄρξας ταγμάτων* (AM. 5996). Видимо, он был комитом Иллирика и в качестве *magister vacans* получил назначение на восточную границу⁴⁶ (с подчинением “великому презентальному стратилату” Патрикию?). Вероятное отождествление его Д. Мартиндейлом (PLRE. II. 314) с насильно постриженным в 510 г. Константином все же остается проблематичным.

Вскоре Ипатий был отозван в столицу, а вместо него, согласно Малале (Malala. 399) и Феофану (AM 5998), был прислан магистр официий Келер, который, как полагают, стал главнокомандующим⁴⁷. Учитывая, что Келер прибыл на персидскую границу со свежими войсками (Theoph. AM 5998), думается, Ипатий был отозван в столицу со второй презентальной армией: набег болгар 502 г. заставил перебросить ее в окрестности Константинополя; магистерский ранг за Ипатием был, видимо, сохранен. Сравнивая факт назначения Келера с аналогичными полномочиями магистра официий Гелиона в 424 г., можно считать, что Анастасий некоторое время пытался следовать административной модели эпохи Феодосия II, модели всеобъемлющего контроля магистра официий над магистрами войск, деформированной при Зеноне. Фактически в ходе персидской войны при Анастасии второй раз на традиционных византийских территориях было применено экстраординарное командо-

⁴⁶ О причинах разноречия источников о его роли в войне см.: Чекалова А. А. Иешу Стилит или Прокопий? (К вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502—506 гг.) // ВВ. 1981. Т. 42. С. 71—77.

⁴⁷ Bury J. Op. cit. V. 2. P. 13; Clauss M. Der magister officiorum... S. 150.

вание, в какой-то мере копировавшее структуру модели руководства войсками африканских экспедиций V в. Как и в вандалской кампании 441 г. (СЖ. XII. 8. 2), практиковалась должность специального вице-префекта по снабжению действующей армии с широкими полномочиями (Proc. BP. I. 8. 5; Иешу Стилит. 54; 70). Разница состояла в том, что на восточной границе Анастасий подчинил магистров армии префекту Апиону, объявив последнего чем-то вроде своего соправителя. По Феофану (AM 5998), после отозвания Апиона и Ипатия в столицу из-за их раздоров с Ареовиндом главнокомандование перешло к Келеру и Ареовинду. Прокопий же категорично утверждает, что в этой войне не было “автократора войны”, но все стратеги, не желавшие соединять свои отряды с другими, были равны в ранге (BP. I. 8. 20—21).

Резюмируя итоги второго опыта с экстраординарным командованием на византийских территориях, видимо, недостаточно отметить неудачу с назначением гражданских, дигнитариев на этот пост с соподчинением им армейских магистров, учтенную позже Юстинианом. Создается впечатление, что упорно ставя военных под контроль гражданских администраторов, Анастасий побаивался своих магистров. Думается, это было не случайностью, но прямым следствием новых методов комплектований армии, задевших и принципы персональной политики в отношении военной верхушки империи.

Как уже отмечалось, отличительной чертой персональной политики Анастасия после 498 г. было то, что магистерские посты практически не замещались безродными офицерами-варварами. Но и устойчивой тенденции к складыванию магистерских династий также не прослеживается: и Ипатий, и Ареовинд, и Патрикий были военными в первом поколении (PLRE. II. 577—581; 143—144; 840—843). Исключением в этом плане была карьера магистра Иллирика Сабиниана, сына Сабиниана Магна. На наш взгляд, все назначения в военном руководстве, произведенные Анастасием после 499 г., были во многом политически мотивированы. Сын удачливого и популярного в иллирийских войсках Сабиниана Магна был сделан преемником Ариста для того, чтобы поднять боевой дух разгромленной у Цурты армии. Ареовинда император намеревался использовать в целях пропаганды своей политики как продолжателя политики Маркиана, назначив его магистром Востока, т. е. на пост, который занимал при Маркиане его дед по материнской линии Ардабур. Популярность Ареовинда у константинопольского населения, как показал порыв недовольных сделать его в 512 г. императором вместо Анастасия (Marc. Com. a. 512; Malala. 407), была высока, однако и лояльность

его (бегство от принуждавших его к принятию императорской власти горожан) не вызывает сомнений. Особое место в военной элите в первые десятилетия VI в. занимали Ипатий и Патрикий. Даже из скурых сообщений источников факт настойчивых и многократных назначений Ипатия, крайне посредственного военачальника, на разные магистерские посты предстает как многоплановый политический расчет императора. Анастасий, постоянно направляя племянника на опасные участки (персидская война, мятеж Виталиана), использовал Ипатия как члена царствующей фамилии для особого контроля над войсками и их воодушевления, предуготовляя ему, после гибели в беспорядках 501 г. своего собственного сына (Ехс. de insid 168), путь к престолу. Не совсем ясно, почему в течение долгого времени (499—518 гг.) презентальным магистром оставался Патрикий. Келер, наиболее влиятельная фигура правления Анастасия, хотя бы происходил, как и император, из Иллирика (Malala. 388); Патрикий же был фригийцем (Proc. ВР. I. 8. 2), военная карьера которого, видимо, началась еще при Зеноне. Анастасий уже в 492 г. назначил его *magister vacans* и отправил воевать с исаврами (Ехс. de insid. 167). Это первое известие о Патрикии можно понимать таким образом, что он был в числе римских офицеров, на которых и сделал ставку Анастасий в начале своего правления. Отсутствие упоминаний о нем в период исаврийского мятежа в известной мере свидетельствует о том, что он был офицером средних способностей (Захария, например, характеризует его как малоразумного человека — VII. 4), не совершавшим грубых военных просчетов, как Диогениан, но и не являвшимся талантливым полководцем, как Иоанн Скиф. Но это обстоятельство, очевидно, больше устраивало Анастасия, когда он подыскивал кандидатуру на пост презентального магистра уже в мирных условиях: императору в деле восстановления оборонного потенциала был необходим послушный исполнитель, не обладавший победными лаврами и популярностью в армии. После окончания персидской войны (в которой он проявил себя посредственным военачальником, снискавшим упреки императора — Zach. VII. 6) он вовлекался в религиозные споры и даже оказывал услуги монахам (PLRE. II. 841), хотя последнее обстоятельство (передача императору жалобы монахов на несторианство патриарха Македония), при его личном православии, еще не является доводом в пользу его влияния на Анастасия. В 512 г. он и Келер, *senatores*, как называет их Комит Марцеллин, вышли с увещеваниями к мятежному народу и были встречены камнями (Marc. Com. a. 512). Поскольку в этом случае православие Патрикия не остановило толпу, то можно сделать вывод, что он во всем был послушным императору, полностью

им манипулирующим. В самом деле, стоило Патрикию лишь однажды высказать опасения, не сочтут ли его изменником, если он потерпит поражение от Виталиана, с которым его связывала давняя дружба, как Анастасий изгнал его из дворца (Malala. 404). Если верно предположение, что неназванным в *De ceremoniis* (I. 93) магистром, выдвинутым в качестве претендента на престол схоляриями после смерти Анастасия, и был Патрикий (PLRE. II. 842), то опала его не была продолжительной. Из всего этого материала напрашивается вывод, что Патрикий был совершенно невлиятельным, послушным служакой и именно благодаря этому устраивающему императора качеству столь долго продержался на посту презентального магистра.

Итак, подчинялась ли персональная политика Анастасия в отношении военной верхушки после введения хрисотелии югов какому-то единому плану? Очевидно, да. После адэрации воинских повинностей наемнический элемент, а следовательно, и корпоративный дух, в армиях империи несомненно увеличился и потребовал со стороны правительства более эффективных мер для обеспечения лояльности войск. Анастасий при подборе командования опирался на более преданных ему людей, нежели это делалось императорами ранее. Назвать это в полной мере фамильной политикой, однако, нельзя, но устойчивые элементы ее налицо, прежде всего в том, что император использовал в качестве армейских магистров своих племянников. А. Кэмирон предположил, хотя и не совсем убедительно, что Анастасий выдал замуж своих племянниц за Сабиниана, сына Сабиниана Магна, и Мосхиана, сына одноименного магистра Иллирика, убитого при Зеноне, с целью приблизить их к императорской фамилии⁴⁸. С другой стороны, заметно, что акцент на преданность при замещении командных постов был явно в ущерб старой установке на персональный профессионализм выслужившихся офицеров, вместе с которым постепенно уходили в прошлое представления о временности компетенций магистров войск. Несомненно и то, что усиление зависимости служилых потестариев от императорской власти объективно вело к росту авторитарных тенденций последней. Все эти возникшие при Анастасии явления более рельефно обнаружили себя уже при Юстиниане.

Обеспечение мира на восточной границе позволило Анастасию больше средств направить для оборонного обустройства балканского региона. Разворачивается широкое

⁴⁸ Camiron A. *The House of Anastasius* // GRBS. 1978. V. 19. P. 261.

крепостное строительство⁴⁹, пополняются гарнизоны и корпус государственных федератов, воссоздается фракийская походная группировка и, соответственно, пост магистра Фракии. Не исключено, что в 500-х гг. его занимал гот Гунтигис (Iord. Get. 266). Во главе какого магистерия и когда был упомянутый в “Пасхальной хронике” Филоксен, сказать трудно. Предположение Д. Мартиндейла, что речь идет о Фракии (PLRE. II. 879), все-таки безосновательно. Под ὄλο στρατηλάτων (Chron. Pasch. a. 519) может подразумеваться любой магистерий, в том числе и вакантный. Неясно также, за что (можно лишь предположить, что за противодействие монофизизму) Филоксен был сослан Анастасием, хотя сам этот факт обнаруживает беспомощность и магистров, и эксмагистров в любых проявлениях их оппозиционности императору и отсутствие у них действенного средства давления на правительство.

Фактически при Анастасии лишь однажды⁵⁰ войска вышли из-под правительственного контроля — во время мятежа Виталиана. Основным ядром мятежа

⁴⁹ Capizzi C. L'imperatore Anastasio I (491—518). Studio la sua vita, la sua opera e la sua personalità. Roma, 1969. P. 188—232; Овчаров Д. Византийски и български крепости V—X век. София, 1982. С. 14—20.

⁵⁰ На наш взгляд, хронология военной смуты на Балканах в VI в., приведенная У. Э. Кэги (Kaegi W. E. Jr. Byzantine Military Unrest 471—843. An Interpretation. Amsterdam, 1981. P. 90—91), неприемлема как вследствие неверных методологических посылок, так и потому, что совершенно противоречит данным источников. Трудно себе представить военную смуту, длящуюся не только целое столетие, но даже несколько десятилетий. По У. Кэги, первая фаза смуты длилась с 500 по 520 гг.; вторая — с 520 по 592 гг.; третья — с 592 по 602 гг. Первый (двадцатилетний!) период он называет “интенсивной смутой”, причиной которой было, главным образом, умение командиров, и особенно Виталиана, использовать в своих целях солдатское недовольство снабжением, т.е. весь этот период сам автор фактически свел к мятежу Виталиана, ибо других данных о военных беспорядках просто нет. Во второй (семидесятилетний!) период имело место, по У. Кэги, “утихание непрекращающихся открытых мятежей, вызванное, вероятно, передвижением столь многих воинских подразделений из региона для службы где-нибудь в другом месте. Тем не менее причиняющие беспокойство инциденты спорадически возникали там вследствие неудачи правительства исправить старые злоупотребления”. Неясно, о каких открытых мятежах после 520 г. на Балканах (не в Африке!) говорит автор, равно как и о случайных инцидентах. Думается все же, что для армии как организованной вооруженной силы в гораздо меньшей степени, чем для более разобщенного гражданского населения, свойственно состояние долговременных бездеятельных волнений и смут. Для античных армий, состоявших из свободных граждан или наемников (а не крепостных рекрутов), это тем более справедливо. Вся римская военная история императорского периода, начиная уже с восстания паннонских и рейнских легионов 14 г., показывает, что армия легко, часто (в первые два века империи имели место более 100 восстаний и беспорядков — Pekáry Th. Seditio. Unruhen imd Revolten im romischen Reich von Augustus bis Commodus // Ancient Society. 1987. V. 18. S. 145) и по разным поводам бунтовала, как и то, что к изучению каждого отдельно взятого военного мятежа нужно подходить строго конкретно-исторически. Далеко не все военные мятежи прямо мотивировались плохим

стал корпус государственных федератов, которому Анастасий сократил выдачу федератских аннон (Ioann. Ant. fr. 214e. 1). Несмотря на сообщение Иоанна Антиохийского о полном упразднении федератских аннон, а следовательно, и всего федератского корпуса, думается все же, что император хотел лишь сократить его, полагая достаточным их меньшее количество в условиях, когда стратиотские походные подразделения Фракии достигли определенного количественного уровня. Лично для Виталиана это означало бы резкое падение его престижа, возможно, даже понижение в чине и перевод на должность одного из командиров стратиотов, где им безнаказанно помыкал бы его личный враг Ипатий. Все это, однако, не позволяет утверждать, что федератский мятеж

167

социально-экономическим положением регионов, но зачастую корпоративными интересами, в том числе недисциплинированностью армии.

подготавливался долгое время⁵¹; скорее он вспыхнул сразу после получения вестей о новшествах в сфере снабжения. Снабжение армии во Фракии являлось для правительства постоянной сложной проблемой. В то время как в восточных провинциях повинность закупки у посессоров продовольствия в фиксированных ценах (*соemptio*) и дальнейшая транспортировка его к войскам ликвидировалась, для Фракии Анастасием было сделано изъятие, “поскольку вследствие набегов варваров сократились земледельцы и не достаточна поставка продуктов установленным там воинам” (CJ. X. 27. 2. 10). Какое-то время во Фракии (локализация возможна вследствие упоминания в законе хартулариев нумеров и федератов) практиковалось, смотря по обстоятельствам, снабжение обоими видами анноны: и натуральной, и адэрированной — по желанию солдат (CJ. XII. 37. 19), пока, наконец, в 513 г. Анастасий не запретил поставлять *annona naturalis* (Exc. de insid. 143: *σπήσεως δημοσίας τῶν ... φοιδαρτικῶν ἀνῶνων*) федератам, решив в духе своей налогово-финансовой политики предоставлять им только адэрированную аннону. В условиях разоренного варварскими набегами балканского региона приобрести продовольствие было непросто и ставило федератов перед необходимостью грабежей гражданского населения, а значит, и конфликтов с властями, либо обрекало на голод⁵².

⁵¹ Stein E. *Histoire du Bas-Empire...* V. II. P. 179.

⁵² Для реконструкции мотивов мятежа важна следующая контекстуально сложная фраза Иоанна Антиохийского: “тот (= Виталиан. — Е. Г.), проводя по большей части время с гуннами, когда получил известие от императора стал более склонен к безумству” (fr. 214e. 1). Либо здесь подразумеваются постоянные конфликты с задунайскими гуннами, поскольку Иоанн Антиохийский чуть дальше локализует федератские тагмы в Скифии и Мезии, и, следовательно, фразу нужно понимать как взрыв негодования федератов из-за неблагодарности императора по отношению к их верной службе. Либо необходимо трактовать ее в том смысле, что большинство федератов были гуннами. Если верно последнее, то следует признать, что федератам-гуннам приобрести продовольствие у населения, регулярно ограбляемого их соплеменниками, было труднее, чем прочим варварам на римской службе.

Ипатию и его офицерам не удалось предотвратить разрастание бунта. Виталиан же прекрасно понимал, что без поддержки солдат походных и пограничных войск фракийского магистерия и дунайских дукатов его дело обречено на поражение, ибо о каком давлении на правительство можно говорить в той ситуации, когда в тылу находится значительное количество верных императору войск. То обстоятельство, что солдаты походных и пограничных войск не поддержали мятеж в момент его возникновения, но отнеслись к разворачиванию событий выжидательно, объясняется рядом причин. В их числе следует назвать и вполне сносное государственное снабжение (сокращение его и адэрация коснулась все-таки только федератов, что говорит о первостепенной значимости в глазах правительства стратиотов), и надежность офицерского контроля над солдатами (в том числе и неплохой уровень дисциплины), и отсутствие прочных традиций у ранневизантийской, в отличие от западноримской, армии силового давления на правительство (после Гайны, например, т. н. мятеж Анагаста 469 г. был все же карикатурной демонстрацией личных обид и амбиций военачальника, не приведшей к кровавому бунту, который нужно было бы подавлять силой оружия). Учитывая эти обстоятельства, следует признать, что та, вначале минимальная, поддержка, оказанная офицерством стратиотов и лимитанов Виталиану, основывалась на недовольстве им грубостью и кадровыми просчетами Ипатия, назначенного, вполне вероятно, после Гунтигиса, магистром Фракии. Так, известно, что Ипатий оскорбил жену Виталиана (Zach. VII. 13). Очевидно то, что Виталиану легко удалось склонить на свою сторону дукса Второй Мезии Максенция, определялось причинами того же порядка (Ioann. Ant. fr. 214 e. 1). Ряд офицеров высокого ранга, видимо, не поддались на уговоры и были убиты Виталианом (Ibidem), т. е. мятежники явно боролись за командование нейтрально настроенной армией. Виталиану, например, только при помощи запуганного им Карина, пленного близкого друга Ипатия, удалось войти в Одессос и подчинить себе гарнизон города, который антимонофизитская пропаганда в защиту православия, ставшая идейным знаменем мятежа, мало волновала уже потому, что в войсках Фракии было немало исповедовавших арианство варваров. По сути дела, в массе своей солдаты-стратиоты склонились на сторону Виталиана, когда пол-

ная дезорганизация лояльного императору командования после бегства Ипатия в столицу стала очевидной (Ibidem).

Совершив быстрый переход и остановившись в столичных предместьях, Виталиан вступил в переговоры с Анастасием. За исключением Иоанна Антиохийского, все источники утверждают, что главным вопросом для Виталиана в этих переговорах было восстановление халкедонских принципов. Рассказ Иоанна Антиохийского дает важнейшие недостающие реалистические детали: Виталиан потребовал исправить допущенные Ипатием в отношении фракийской армии несправедливости. Анастасий принял во дворце ряд офицеров мятежников (кроме Виталиана), богато одарил их и обещал выполнить их требования. Каковы были “военные” обещания императора, остается лишь догадываться. Вероятно, в их числе было урегулирование проблем снабжения государственных федератов и других категорий войск, восстановление в должностях смещенных Ипатием офицеров, устранение Ипатия с поста магистра Фракии; не исключено, что простым солдатам был обещан донатив. Что касается профессиональных аспектов программы мятежников, примечательно, что офицеры согласились подождать арбитража римского папы и не настаивали на скорейшем созыве собора в Константинополе, в этой цитадели халкедонства, т. е. теологические проблемы занимали их явно меньше⁵³. Соблюдая условия соглашения с императором, войска разошлись по местам дислокации; единой воле вновь ставшего лояльным офицерства был вынужден, как подметил уже Д. Бьюри, подчиниться и Виталиан⁵⁴.

Итоги первой фазы мятежа Виталиана поражают своим сдержанным компромиссом: после удовлетворения незначительных с общегосударственной точки зрения профессиональных требований военных не последовало ни отступлений от договора, ни репрессий, ни каких-либо видимых серьезных изменений в положении гражданского населения балканских провинций. Следовательно, военные беспорядки 513 г. были обусловлены, главным образом, корпоративными интересами армии, в которых субъективные факторы занимали не последнее место. Большая часть официальных сил была до известной степени против воли вовлечена в мятеж и приняла малейшую возможность без потерь выпутаться из него. Степень заинтересованности армии в социально-экономических проблемах гражданского населения балканских провинций, на наш взгляд, все же не

⁵³ Это подметил уже Т. Моммзен. — Mommsen Th. Bruchstücke des Johannes von Antiochia und des Joannes Malalas // Hermes. 1872. Bd. 6. S. 351: “Dieser Zug kein Kreuzzug gewesen ist, sondern eine Schilderhebung unzufriedener Söldner”.

⁵⁴ Bury J. Op. cit. V. 1. P. 449.

следует переоценивать, равно как и роль ἀγροίκου в мятеже (Ioann. Ant. fr. 214e. I) ⁵⁵. Участие земледельческого населения в ранневизантийских военных мятежах — явление не редкое ⁵⁶. Очевидно и то, что интересы их и взбунтовавшихся армий чаще всего также не совпадали. В мятеже Виталиана, вероятнее всего, участвовали беглые колонны, которым законодательство Анастасия ограничивало ряд свобод, т. е. для них военные беспорядки были просто удобным поводом уйти от своих посессоров и уж, конечно, тон в стане бунтовщиков они не задавали.

Первая фаза мятежа Виталиана продемонстрировала правительству, что надежность контроля над государственными федератами во многом зависит от личности их командира, от его персональной лояльности, поскольку, в отличие от стратиотов и лимитанов, эти федераты действительно были более инородным телом в империи. Отсюда одной из основных задач Кирилла, нового магистра Фракии, была поимка Виталиана и нейтрализация его влияния на наемников (Ioann. Ant. fr. 214e. 5). Примечательно, что командиры стратиотов и лимитанов не воспрепятствовали совершенно откровенным преследованиям Виталиана правительством, не желая больше ссориться с императором. Виталиан имел при себе лишь небольшой отряд наемников, коль скоро в Одессос он проник ночью с помощью подкупа и убил Кирилла спящим (Marc. Com. a. 514; Malala. 401). То, что после этого император настоял на объявлении его сенатом по древнему обычаю врагом отечества (Ioann. Ant. fr. 214e. 6), не было просто красивым жестом: Анастасий тем самым стремился предотвратить новый союз между федератами Виталиана и стратиотами и лимитанами Фракии. И это ему удалось, поскольку в источниках подчеркивается, что только варвары (гунны и булгары) выступили на стороне Виталиана против правительственной карательной экспедиции, во главе которой был Ипатий в ранге презентального магистра и новый магистр Фракии Алатар (Ioann. Ant. fr. 214e. 6—11). Виталиан, по сути дела, купил себе армию задунайских варваров, не связанных каким-либо договором с империей, на захваченную казну фракийского магистерия и посулами щедрой добычи. Таким образом, второй мятеж, или вторая его фаза, Виталиана типологически ближе к бесчинствам остготовов обоих Теодорихов, нежели к беспорядкам собст-

⁵⁵ Тезис (Дьяконов А. П. Византийские димы и факции... С. 208) о том, что “одновременно началось движение среди агройков Фракии, которые призывали Виталиана к восстанию”, совершенно не находит опоры в источниках.

⁵⁶ Martindale J. R. The Public Disorders in the Later Roman Empire. Oxford, 1960; Albert G. Götten in Konstantinopel... S. 136.

венно византийских войск. Очевидно, в этой же связи следует оценивать и ранг магистра Фракии, востребованный Виталианом в 515 г. у императора под нажимом после сокрушительного поражения и плена Ипатия и Алатара (Marc. Com. a. 516). Видимо, магистерий Виталиана не приняли всерьез командиры фракийских стратиотов и заняли выжидательную позицию. Во всяком случае, в числе участников третьего похода Виталиана на столицу источники упоминают лишь варваров; из лиц римского происхождения засвидетельствованы только два телохранителя (букеллария?) Виталиана (Ioann. Ant. fr. 214e. 18). В связи с этим представляется возможной следующая трактовка упомянутой лишь у Феофана (AM 6009) мотивировки причин третьей экспедиции на столицу, в которой речь идет опять о несправедливостях Анастасия по отношению к войскам: император вновь отменил указание о снабжении анноной государственных федератов, обещанное по соглашению 513 г. Видимо, параллельно было объявлено и о лишении Виталиана магистерского ранга и назначении новым магистром Фракии Руфина, выполнявшего дипломатические поручения еще во время персидской войны. Фраза Иордана (Romana. 358) о том, что Алатар и Руфин “бывали часто побеждены, часто осмеяны им (Виталианом — Е. Г.) и часто презираемы” наводит на мысль о службе Руфина в качестве одного из комитов фракийской походной группировки. Думается, что император в известной мере подчеркивал свое доверие фракийскому офицерству назначением знакомого им командира.

Второй и третий мятежи Виталиана самым непосредственным образом отразились на военной элите империи. Новые назначения потребовались не только для Фракии, но и для презентальных сил. После пленения Ипатия император сделал презентальным магистром другого своего родственника Иоанна (Ioann. An. fr. 214e. 13), который, видимо, в конце V в. занимал пост магистра Иллирика. Не исключено, что он участвовал в качестве *magister vacans* в персидской войне 502—506 гг., поскольку он, как и Патрикий, был дружен с Виталианом, но после установления мира на восточной границе был частным лицом. Назначение его презентальным магистром в 514 г. следует все же рассматривать как “пожарный вариант”, когда император изыскивал возможность решения конфликта переговорами. Для этой роли и подходил Иоанн; дальнейшее же его родство с Анастасием вовсе не было существенным фактором при его чинопроизводстве. Очевидно и то, что магистерий Иоанна был почетным, т. к. в столь сжатые сроки восстановить потерянную Ипатием армию было невозможно: даже если цифры несколько завышены, известно, что из 80 тыс. воинов Ипатия 60 тыс. пали в бою (Ехс.

de insid. 145). Отказ Иоанна выступить против Виталиана (Malala. 404) повлек за собой лишение его магистерского ранга.

Необычность ситуации, когда мятежники в третий раз стояли под столицей, проявилась в назначении командующим экс-префекта претория Марина, никогда прежде не бывшего военачальником (PLRE. II. 726—728). И то, что Марин фактически на время опалы Патрикия исполнял обязанности презентального магистра, говорит о полном отсутствии влияния высших военных на императора. Не случайно в связи с этим, что борьбу за престол после смерти Анастасия начали гражданские чиновники. Из офицеров центрального военного аппарата в этот кризисный период, вне сомнения, резко повысил свой личный престиж лишь комит экскувитов Юстин. Его успешные, хотя и не решающие, действия против мятежников в известной мере позволили ему стать через три года основным кандидатом на престол от военных.

В первое время после победы над Виталианом во фракийском магистерии сохранялась напряженная обстановка, которая, впрочем, была быстро ликвидирована умелыми действиями Руфина. Основные усилия он направил на раскол союзников Виталиана: подкупив одного из гуннских вождей Тургуна, он схватил гота Тарраха, убийцу магистра Кирилла, и передал для казни (Ioann. Ant. fr. 214e. 18). Где находился после поражения сам Виталиан, остается лишь догадываться. Утверждение, со ссылкой на Евагрия, что с остатками своей армии он три года спокойно прожил в Анхиале⁵⁷, вряд ли верно. Евагрий (у других авторов сведения отсутствуют), например, не уверен в достоверности сообщаемой им информации: “Говорят, что Виталиан некоторое время провел в Анхиале...” (Evagr. III. 43). Скорее после краткой остановки в Анхиале он где-то скрылся; во всяком случае, трудно поверить, чтобы правительство в течение трех лет терпимо относилось к остаткам мятежной армии в стратегическом тылу столицы. Нет сведений также о том, что предпринимались попытки восстановить корпус государственных федератов. На нежелание Анастасия сделать это указывает факт ослабления обороны Фракии вплоть до того, что в 517 г. анты⁵⁸ прорвались к Адрианополю, где разбила войска под командованием Помпея (Iord. Romana. 336), которого император, видимо, спешно назначил *magister vacans*.

⁵⁷ Stein E. Histoire du Bas-Empire... V. II. P. 184; Bury J. Op. cit. V. I. P. 452.

⁵⁸ Stein E. Op. cit. V. II. P. 105—106; Иречек К. История на Българите. София, 1978. С. 98. Прим. 19.

Бурные события балканского региона практически не затронули офицерство восточного магистерия. “Военная” информация об относительно мирном периоде в восточных провинциях скудна: источники фиксируют лишь наиболее значимые события. Отсюда и сведения о руководстве восточного магистерия незначительны. Известно, что после заключения мира с Кавадом магистром Востока был колх Фарасман, но неясно, до какого времени. Учитывая, что Фарасман был ревностным и лояльным служакой, не исключено, что Анастасий счел необходимым не менять его (напомним аналогичный пример с Патрикием) долгое время, видимо, вплоть до появления на Востоке Ипатия. Очевидно, император вновь решил дать племяннику возможность приобрести публичный авторитет, на этот раз в спокойном регионе, назначив его магистром Востока и поручив одновременно урегулировать ряд церковных проблем (PLRE. II. 579; 843).

Итак, вновь приходится констатировать, что и при Зеноне, и при Анастасии о преемственности в развитии военной знати говорить не приходится: военная верхушка сменилась полностью за этот период несколько раз. Родственные связи в ее среде не были нормой, но скорее исключением, во всяком случае, не влекли за собой тенденцию к возникновению особого политически привилегированного социального слоя. Напротив, родственные связи высших военных, имевших даже косвенное отношение к правящей фамилии, становились и обузой для государства, и одной из предпосылок их истребления. Личные амбиции тех из них, кто в глазах имперского населения обладал хотя бы какими-то правами на престол, провоцировали локальные политические кризисы, само возникновение которых стало показателем деформации основных принципов позднеантичной государственности и постепенного усиления авторитарности имперской власти. Ухудшение экономической ситуации, отразившейся на комплектовании армии, на фоне обострившихся внешнеполитических противоречий заставило быстро изыскивать альтернативные источники пополнения войск, что не могло не сказаться на положении высшего офицерства империи. В 70—90 гг. правящая элита, апробировав в качестве военной верхушки исавров, вновь вернулась к практике использования на ключевых постах армейского руководства империи выслужившихся при помощи персональных качеств офицеров, что вновь закрывало путь к формированию устойчивых магистерских династий. Однако возрождение магистратской модели командования не сделало ее единственной и доминирующей, поскольку переход к формированию войск на преимущественно наемнической основе потребовал от правительства дополнительных мер по контролю за армией, что привело

к своего рода экспериментам Анастасия в кадровой политике. Наметились изменения и в самих институтах армейского командования (возникновение экстраординарных постов), осложнившие поиск точных ориентиров в персональной политике. В целом установка была сделана уже Львом I на преданность в ущерб профессионализму и государственным интересам, быстро приведшая к вытеснению фамильно-династийной модели военного руководства как альтернативе модели магистратской. Фамильная же политика в формировании военной элиты империи была плохо совместима с принципами конституции Константина I. Все эти противоречивые и по своей сути противоположные тенденции высшего военного администрирования, сложившиеся в конце V в., достались в наследство Юстиниану I, и поэтому представляется, что многие реформы императора и его персональная кадровая политика могут быть лучше поняты именно с учетом их реальной эволюции.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЗНАТЬ ПРИ ЮСТИНЕ И ЮСТИНИАНЕ

После неожиданной смерти Анастасия, не имевшего прямых наследников, правящей верхушке предстояло совершить выбор императора в довольно нетрадиционной ситуации. Фактически впервые в ранневизантийской истории не только отсутствовал сильный легитимный лидер, но и не было достаточного политического равновесия между высшими чинами гражданской и военной администрации. Вследствие того, что в последние годы правления Анастасия магистры Ипатий, Иоанн, Патрикий во многом публично скомпрометировали себя военными неудачами, нарушением дисциплины перед лицом мятежников, впервые реальный баланс власти на некоторое время серьезно сместился в сторону гражданской элиты. До известной степени этим обстоятельством объясняется отсутствие переговоров между военным и гражданским руководством относительно кандидатуры будущего императора (проблема дискутировалась главным образом сенатом и гражданскими чиновниками; единственным военным был комит экскувитов), а также активная деятельность гражданских придворных по выдвижению его из собственной среды. Ипатий, кроме того, находился на Востоке и не мог воздействовать на ход выборов¹. Примечательно, что сколько-нибудь серьезно в расчет не принимались командиры и офицеры гвардии; видимо, в статусе т. н. конституционной силы им отказывали. Однако особенность сложившейся ситуации, в которой неизбежно должна была возрасти политическая роль гвардии, первыми поняли препозит Амантий, пытавшийся через Юстина подкупить экскувитов (Malala, 410; Evagr. IV. 2), и магистр официий Келер, советовавший сенату и верхушке гражданской администрации как можно скорее определиться с кандидатурой на престол, пока за них этого не сделали другие силы (De ser. I. 93). Любопытно, что только схолярии попытались хоть каким-то образом отстоять право армейской верхушки на участие в выборах императора (в чем, думается, отразились трения между старой и новой

¹ Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника// ВВ. 1971. Т. 32. С. 31. Пр. 64.

гвардией), выдвинув в качестве своего кандидата неназванного (Патрикия. — PLRE. II. 842) стратилата, не принятого, прежде всего, венетами, что говорит об утрате авторитета анastasиевыми магистрами. Господами положения тем не менее остались экскувиты, силой заставившие сенат и высших потестариев признать их ставленника. В этом плане можно говорить о политическом кризисе, во многом порожденном слабостью военного руководства империи.

Одним из первых шагов правительства Юстина стала реабилитация военных оппонентов Анастасия и назначение их на магистерские посты: возвращенный из ссылки Диогениан получил восточный магистерий, с которого был, следовательно, смещен Ипатий (Malala, 411); Виталиан стал презентальным магистром (Ibid. 412). Создается впечатление, что произведя фактически полную замену военного руководства империи, новый император как можно скорее стремился нейтрализовать возможное возмущение в его среде тем, что оно было полностью отстранено от выборов преемника Анастасия. Акцент при формировании новой военной элиты был сделан как на противников прежнего режима, так и на родственников “выбранного” императора. Последнее, на наш взгляд, объясняется слабостью связей Юстина, карьера которого была в основном связана с гвардией, с армейским офицерством. Так, Юстином был, видимо, вскоре после интронизации магистр Фракии Руфин заменен на Германа, племянника императора², под благовидным предлогом отражения набегов антов. То, что Прокопий (BG. III.40.5) называет Германа “стратегом в с е й (разрядка наша. — Е. Г.) Фракии”, прежде всего наводит на мысль о постепенной замене, но не резком смещении Руфина. Думается, Герман получил полномочия регионального стратега-автократора с подчинением ему всех командиров расквартированных во Фракии войск. Помимо политической, в этом была и военная необходимость: магистр Фракии не мог обеспечить взаимодействия походной армии и войск дукатов после недавнего мятежа Виталиана; кроме того, видимо, сказывалась ориентация дуксов на магистра оффиций, у которого они могли найти защиту от магистров войск. Уже Проб, племянник Анастасия, назначался в 517 г. против тех же антов командующим какой-то армией, но при этом Руфина не лишали его магистерского ранга. Герман фактически был поставлен во главе экстраординарной военной структуры (прямой ступени к будущей юстиниановой военной квестуре — Nov. Just. 41; 50), в состав которой вошли магистерий и дукаты

² В определении степени родства Германа принимает трактовку Х. Калленберга. — Kallenberg H. Germanus Justinians Vetter, nich Neffe // Berliner Philologischer Wochenschrift. 1915. N. 35 S. 991—992.

Фракии и Скифии в целях более эффективного управления всеми (очевидно, отсюда и у Прокопия στρατηγός λης Θράκης) ее армейскими группировками. Параллельно был достигнут и желанный политический результат: командование Фракии было поставлено под контроль и, видимо, постепенно частично заменено. Сиюминутность политической мотивированности новых назначений достаточно отчетливо отразилась в том обстоятельстве, что спустя некоторое время правительство Юстина вновь активно использовало на военной и дипломатической службе и Ипатия, и Руфина (Proc. VP. I. 11. 24).

Сложнее дело обстояло с презентальным магистерием, единственным после гибели армии Ипатия в 514 г. Неудачной претензией на престол завершилась долговременная карьера Патрикия, которого отправили упрочивать халкедонизм в Эдессу (PLRE. II. 842). На его место Юстин назначил своего племянника Юстиниана. Первоначальное официальное положение Юстиниана при Юстине, исходя из адресов переписки константинопольского двора с папой Гормиздой (Coll. Avell. 154; 162), определяют так: “Юстиниан, который до восшествия его дяди на престол служил еще в дворцовых схолах, был тотчас новым императором возведен в ранг *illustris comes* (без сомнения *domesticorum*)”³. Однако это лишь одна из возможных реконструкций, основывающаяся в значительной мере на последовательности событий в рассказе Зонары (XIV. 5): “Говорят, что они (= византийцы. — Е. Г.) по приказу императора Юстина и Юстиниана убили его (= Виталиана. — Е. Г.) во дворце... стратилатом же воинов был назначен Юстиниан” (источник этой последней детали рассказа Зонары не поддается выявлению). То есть, согласно этой версии, Юстиниан два года должен был быть комитом доместиков и наследовал презентальный магистерий путем политического убийства. Но возможна и другая реконструкция. Так, в одном из посланий к папе упомянуты *magistri militum Vitalianus ac Justinianus* (Coll. Avell. 230). Юстиниан назван коллегой Виталиана и Захарией (Zach. Rhet. VIII. 2). У Виктора Туннунского последовательность событий (с известной хронологической сдвижкой) иная: вначале “Иоанн, который раньше Юстина был избран для империя, назначается епископом в Гераклею Фракии”, затем Юстиниан был сделан “*ex candidato* (заметим, без каких-то промежуточных ступеней) *magister militum ordinarius*” (a. 520), и лишь спустя время в столицу возвращается Виталиан (a. 522). И хотя одно из своих писем 519 г. Гормизда адресовал “Юстиниану комиту доместиков”

³ Stein E. *Histoire du Bas-Empire...* v. 2. P. 222; cp. Bury J. *History of the Later Roman Empire...* v. 2. P. 21.

(Coll. Avell. 154), вряд ли новая правящая фамилия была настолько политически близорукой, что сразу представила бывшему мятежнику вместе с соответствующим рангом и единственную в империи армию.

Юстину было необходимо выманить Виталиана в столицу, в том числе для того, чтобы устранить препятствия в деятельности стратега-автократора Фракии Германа. Одна группа источников достаточно отчетливо свидетельствует об атмосфере переговоров и политического торга Юстина с Виталианом. Марцеллин Комит: Виталиан призван в столицу “благодетельством принцепса Юстина” (а. 519). Виктор Туннунский: “Виталиан возвращается в Константинополь *sacramento suscepto*” (а. 522), что, вследствие отсутствия широкого контекста, можно перевести и как “приняв присягу” и как “восприняв клятву” (обязательство Юстина). Иордан: *foedusque cum Vitaliano percussit* (Rom. 361). Последнюю версию подробно развивает Евагрий (IV. 3), повествующий о боязни императором Виталиана и о том, что зазвать последнего в столицу смогли только путем дружеских заверений. Захария сообщает о встрече Виталиана и Юстина в одном из халкедонских мартириев и их взаимных клятвах (Zach. VIII. 2; ср. Evagr. IV. 3). Далее и Захария и Евагрий говорят о назначении Виталиана *στρατηγὸν ἐν ὁσίων* (разрядка наша. — Е. Г.), *καλοῦμένων προαισέντων*. Прокопий инициатором аферы с Виталианом делает не Юстина, что ставит особняком его рассказ, а Юстиниана: “Вслед затем он призвал и тирана Виталиана, которому еще раньше предоставил ручательства относительно безопасности...” (Hist. arc. 6. 27). Думается, что резюмировать все это можно только следующим образом: сразу после избрания Юстина императором Юстиниан был назначен комитом и вскоре также презентальным магистром, которым он был к моменту прибытия Виталиана в Константинополь. Ранг презентального магистра, предоставленный Виталиану, был почетным, как например, полномочия *magister militum praesentalis* Иоанна в 515 г. В какой-то мере это подтверждается и данными Константина Порфирогенета (De them. 34), который называет Юстиниана, когда тот «был цезарем при Юстине, *μωνοστράτηγος*, т. е. как бы подразумевается время, в которое Юстиниан имел коллегу по презентальному магистерии.

У Захарии имеется одна деталь, отсутствующая у других авторов, относительно того, что Юстин после убийства Виталиана ничем не повредил войску последнего (Zach. VIII. 2). Очевидно, речь идет о какой-то небольшой личной свите Виталиана (Марцеллин Комит говорит о *satellites* — Marc. Com. а. 520), сопровождавшей его сначала к месту встречи с Юстином и затем переведенной в разряд

стратиотов или федератов. Но вряд ли этот небольшой отряд можно отождествить со второй презентальной армией сомнительно также, чтобы эта свита позволила Виталиану влиять на политику Юстина с позиции силы. Примечательно, что никаких попыток отомстить за гибель своего командира этот отряд не предпринял, очевидно, влившись после убийства Виталиана в официальные силы.

Убийством Виталиана ⁴, напугавшего Юстина своей политической активностью, завершился период упрочения новой династии у власти и реорганизации правящей элиты. Примечательными событиями начала новой эпохи стали как единовластное распоряжение Юстинианом презентальными силами, так и возвращение Ипатия на пост магистра Востока. Не исключено, что это новое назначение Ипатия мотивировалось следующими обстоятельствами: 1) Юстин и Юстиниан убедились в лояльности Ипатия и, при его бездарности как полководца и непопулярности в армейских кругах, не опасались узурпации с его стороны; 2) сам факт появления Ипатия, бывшего доверенного лица Анастасия I в религиозных вопросах, на Востоке в прежней должности должен был успокоить влиятельные монофизитские группы, встревоженные халкедонским радикализмом (достаточно вспомнить его призывы к расправе с Севером Антиохийским) Виталиана. В целом Ипатий, видимо, вряд ли проявлял оппозиционность по отношению к новому режиму; Юстин же, напротив, не избавился от подозрений. Так, когда в 525 г. переговоры с персами об условиях мирного договора и способе адаптации Хосроя не удалась, и Руфин (согласно Захарии, Фарасман — VIII. 5), один из руководителей византийской дипломатической миссии, обвинил в этом Ипатия, император приказал пытать приближенных последнего. И хотя позже обнаружилась невиновность Ипатия, он был смещен со своего поста (Proc. ВР. I. 11. 38—39).

Интересно, что Юстиниан при жизни Юстина не стремился выдвигать на высшие посты военной администрации своих людей, не желая, очевидно, до собственной интронизации ни каким-то образом скомпрометировать себя подобными действиями в глазах столичного населения, ни иметь вообще любых конкурентов в предстоящем престолонаследии. И, наоборот, активное продвижение по ступеням военной иерархии нового поколения офицерства началось только после провозглашения Юстиниана императором, которое, кстати, произошло без

⁴ Детальное обоснование прямой ответственности Юстиниана за этот акт см.: Vasiliev A. Justin the First. Cambridge (Mass.), 1950. P. 110—114; Cameron A. The Death of Vitalian (520 A. D.) // ZPE. 1982. Bd. 48. P. 93—95.

всяких выборов в довольно скромной политической обстановке (De ser. I. 95). Юстиниан в данном случае сам представлял армейскую верхушку и тем самым формально процедура конституционного избрания принципа была соблюдена. Отсюда не исключено, что смещение Ипатия было инспирировано Юстинианом, прекрасно осведомленном о состоянии здоровья своего дяди. Источники не дают однозначного ответа, кто был преемником Ипатия. Д. Мартиндейл „считает, что им стал, причем именно в ранге магистра Востока, малоизвестный дукс Осроэны Либеларий (PLRE. II. 675—676). Основанием послужило упоминание Прокопием (Proc. BP. I. 12. 23) похода какого-то войска под командованием Либелария в 527 г. на Нисибис. Чуть ранее Прокопий повествует о действиях другой армии, вторгшейся в Персармению, во главе которой были Велизарий и Ситта (BP. I. 12. 21). Захария также рассказывает о набеге на Нисибис, но произведенном Тимостратом, которого он называет дуксом и стратилатом (Zach. IX. 1). После неудачи операции под Нисибисом, по Прокопию, Юстин сместил Либелария и “назначил Велизария командиром каталогов в Даре” (BP. I. 12. 24); согласно Захарии (IX. 2), Велизарий заменил Тимострата после смерти последнего. Думается, что у обоих авторов речь идет об одном и том же походе, поскольку в обоих рассказах оба дукса предприняли его из Дары. У Захарии лишь возникла путаница в именах полководцев, ибо Прокопий вряд ли мог ошибиться, упоминая о важном событии своей биографии — назначении секретарем к Велизарию в это время. Видимо, именно в связи с рассказом о начале своей карьеры у Велизария Прокопий и упомянул этот незначительный эпизод о набеге на Нисибис. У других авторов, за исключением Захарии, он просто отсутствует. Малала же одним из первых шагов ставшего императором Юстиниана называет назначение Ипатия вновь магистром Востока (Malala. 423). Представляется, что из всех приведенных данных источников возможна следующая реконструкция: после смещения Ипатия в 525 г., произведенного из-за предстоящей интронизации Юстиниана для монополизации мнения военной элиты империи (учтем, что войсками балканского региона командовал Герман), оказывавшей в качестве т. н. конституционной силы влияние на выборы императора, магистерий Востока оставался вакантным; Либеларий и Тимострат были дуксами. В лучшем случае одного из них на время похода под Нисибис назначили *magister vacans*. Юстиниан же, став сначала официальным соправителем, а затем императором, вернул Ипатия на ту же должность. Следует, однако, подчеркнуть, что все эти маневры Юстиниана говорят вовсе не о силе и влиянии на императорскую политику магистра

Востока, но об опасениях Юстиниана относительно оппозиционных новой династии групп, которые могли бы потребовать учесть при выборах императора также кандидатуру (или, в крайнем случае, мнение) Ипатия. Примечательно также, что новый режим достаточно долгое время стремился поддерживать внешне хорошие отношения с родственниками Анастасия I, не оттесняя их совершенно от политической деятельности. Так, в 526 г. послом к гуннам в ранге стратилата был направлен Проб, племянник Анастасия (PLRE. II. 912). Тот же Проб в 528 г. позволил себе в консистории критику в адрес Юстиниана, но не был репрессирован последним (Malala. 438).

Причины последнего смещения и полного удаления Ипатия с военной службы в 529 г. были разнохарактерны. В какой-то мере это можно поставить в связь с публичными насмешками Проба над императором, т. е. с проявлениями оппозиционности остатков прежнего режима (не исключено, что Проб съязвил по поводу “выборов” Юстиниана). Поэтому политически стремление Юстиниана избавиться от Ипатия, последнего представителя военной верхушки Анастасия I, вполне объяснимо. С другой стороны, ввиду назревавшего крупного конфликта с персами Юстиниан нуждался в талантливом военачальнике в восточных провинциях. Поэтому, думается, что вряд ли главной причиной отзыва Ипатия в столицу стали его неудачные переговоры с персами, как считает Д. Мартиндейл (PLRE. II. 580). Очевидно, у Захарии и Прокопия речь идет об одной и той же дипломатической миссии, только первый автор ее руководителями называет Ипатия и Фарасмана (VIII. 5), второй — Ипатия и Руфина (BP. I. 11, 38). Главным же итогом отозвания Ипатия стало как обновление армейской элиты, так и завершение срежиссированного Юстинианом государственного переворота.

Желание Юстиниана выдвигать на ключевые посты в государстве своих людей вполне понятно. Примечательно уже то, что Юстиниан, нуждавшийся в самом начале своего правления в престижном военном успехе, назначил магистром Востока своего молодого дорифора Велизария. Незначительные успехи Велизария и Ситты, совершивших рейд в глубь Персармении еще при Юстине (BP. I, 12, 21), вряд ли рассматривались императором в качестве достаточного доказательства военной опытности Велизария и его зрелости как полководца, тем более, что первые его неудачи случились тогда же. Прокопий отметил, что Юстиниан придал Велизарию двух сильных советников: дипломата Руфина и магистра официий Гермогена. Последний был призван выполнять те же функции, что и Апион и Келер в войне 502—506 гг. То, что Гермоген обладал большим организаторским опытом, по достоинству

оцененным Юстинианом, свидетельствует его прежняя служба у Виталиана (Proc. ВР. I. 13. 9—11). Фактически Гермоген должен был корректировать военные решения Велизария, и в этом плане справедливо говорят об их совместном командовании ⁵. Как бы не щадили Прокопий самолюбие и репутацию Велизария на начальном этапе его карьеры ⁶, тем не менее отчетливо в рассказе Прокопия просматриваются на фоне умелого руководства Гермогена военные промахи Велизария, вплоть до ссор с командирами и неумения навести дисциплину в армии (ВР. I. 14—18). Показательно в этом плане, что в присутствии Гермогена была одержана победа при Даре, и, наоборот, когда он отсутствовал, Велизарий был разгромлен у Евфрата. Примечательно, однако, что Юстиниан фактически не поверил донесению Гермогена о личной виновности Велизария за поражение римских войск. Из столицы для перепроверки направляется специальная комиссия Константиола, и только после подтверждения ею сведений Гермогена Велизарий смещается с восточного магистерия (Malala. 465). Сравнение этого эпизода с безоговорочными смещениями Ипатия с той же должности при первом же подозрении свидетельствует не только о том, что значительное доверие Юстиниана к Велизарии переросло в переоценку способностей последнего. В известной мере эта переоценка явилась следствием принципов кадровой политики, в которой доминировал фактор личной преданности императору, а со стороны последнего большее, нежели при предыдущих правлениях, авторитарно-монархическое ⁷ отношение к высшим армейским должностям. Профессиональным военным старшего поколения, заслужившим известность до интронизации Юстиниана, отводилась второстепенная роль советников молодых офицеров юстиниановой “команды”. В самом деле, на фоне того, что прежде офицеры достигали армейских магистериев путем долгого, “правильного” *cursus honorum*, служба нередко магистрами при разных императорах (Аспар, Ардабур, Иоанн Скиф, даже Зенон), а нетрадиционные

⁵ Cameron Av. *Procopius and the Sixth Century*. London, 1985. P. 157.

⁶ Cameron Av. *Procopius*. P... 158—159.

⁷ Практически любая работа о Юстиниане и его правлении уделяет внимание окружению императора, подчеркивая, что Юстиниан подбирал соратников из неаристократической среды. Но нам более важна верно подмеченная “служебная” характеристика этого окружения. — Browning R. *Justinian and Theodora*. London, 1971. P. 73: “В Поздней Римской империи срок пребывания на высоком посту, военном или гражданском, обычно был коротким. Главные министры Юстиниана, с другой стороны, удерживали часто должности десятилетиями. И когда общественное мнение принудило к их отставке, как это случилось во время великого восстания 532 г., он восстановил их вновь, как только это стало безопасным. Если они были лояльными по отношению к нему, он также был лоялен по отношению к ним”.

карьеру (прямое назначение магистрами войск без длительной предварительной службы) были характерны для членов правящих фамилий (Василиск, Ипатий), “старт” всей первой генерации юстиниановой военной элиты являет собой значительное отступление от сложившихся традиций чинопроизводства. Велизарий и Ситта совершили просто головокружительную карьеру, превратившись из дорифоров Юстиниана в региональных магистров. Факт, что Велизарий некоторое время был дуксом Месопотамии, лишь подтверждает это, поскольку в подавляющей массе офицеры пограничной и походной армии могли выслужиться только в одной из категорий войск.

Карьера Ситты представляет собой наиболее яркий образец юстиниановой кадровой политики. Молодой дорифор вскоре после интронизации Юстиниана⁸ был назначен сразу командующим нового регионального магистерия, включившего в себя Первую и Вторую Армению, Полемониакский Понт, Анзитену, Ингилену, Софену и Софанену (СЖ. I, 29. 5; Malala. 429), т. е. ему фактически была поручена организация новой крупной военно-административной единицы, поводом к чему послужило начало крупного конфликта с персами на фоне слабости оборонной системы региона (Proc. De aed. III. 1. 14—16). Очевидно, он хорошо с этим справился, поскольку еще до начала военных действий против цаннов в 530 г. его назначили презентальным магистром (BP. I. 15. 3). В свое время Д. Бьюри, пытаясь прокомментировать не вполне ясное место Прокопия, предположил, что Ситта одновременно обладал двумя магистериями — армянским и презентальным⁹. По Н. Адонцу, Ситте “как главнокомандующему всей армией вполне подходит титул *magister militum per Armeniam et Pontum Polemoniacum et gentes*. Дорофей же был, вероятно, никто иной, как дук Армении”¹⁰. На наш взгляд, если это место (Proc. BP. I. 15. 3: “Стратегом Армении был тогда Дорофей, муж благоразумный и опытный во многих войнах. Ситта же имел должность стратега в Византии и был поставлен над всем войском в Армениях”) сравнить с фразой Малалы о том, что Юстиниан приказал письменно Ситте, презентальному стратилату, бывшему тогда в Армении, отправиться на Восток *πρὸς οὐραχίαν* (Malala. 465), то представляется возможной и другая интерпретация. Ситта назначался региональным стратегом-автократором; магистр Армении Дорофей был ему подчинен. После ото-

⁸ По мнению Н. Адонца, в 529 г. — Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. 2-е изд. Ереван, 1971. С. 137.

⁹ Bury J. History... V. 2. P. 90. N. 4.

¹⁰ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана... С. 135.

звания Велизария в столицу в 531 г., согласно Прокопию, по приказу Ситта ὡς φυλάζων τὴν ἐώαν ἐνταῦθα ἦλθε (ВР. I, 21. 3—4). Коль скоро речь не идет о ранге магистра Востока, и из Малалы известно, что преемником Велизарии в качестве стратилата Юстиниан назначил Мунда (Malala. 466), то можно говорить о региональном расширении функций Ситты как стратега-автократора. В. Энслин, сопоставляя данные Прокопия и Малалы и отдавая явное предпочтение первому автору, заметил, что, видимо, Малалой ошибочно намерение Юстиниана назначить Мунда магистром Востока принято за действительность, поскольку несколько месяцев спустя, в январе 532 г., Мунд подавлял восстание Ника в столице¹¹. Не исключено, однако, что Мунд, двинувшись на Восток, был возвращен, как только в Константинополе осенью 531 г. была получена весть о смерти Кавада, и Юстиниан рассчитывал на скорейшее заключение мира. Восточный же магистерий был заменен Мунду на иллирийский (Proc. ВР. I. 24. 43). Ситта же, обладая чрезвычайными полномочиями, остался на Востоке до заключения “Вечного” мира, после чего вызванная войной необходимость в его функциях стратега-автократора отпала.

Когда именно Ситта вернулся в столицу, не ясно, известно лишь, что презентальный ранг за ним был сохранен, причем не исключено, что только почетный. Во всяком случае, в перечне лиц, которым для ознакомления была направлена новелла о браках 536 г., названы три презентальных магистра: Герман, Ситта, Максентиан (Nov. Just. XXII. epil.). Учитывая, что Ситта был родственником Юстиниана, женатым на его свояченице Комито (Malala. 429), трудно предположить, чтобы презентальный ранг оставался у практически неизвестного по другим источникам Максентиана, если бы он не был командующим одной из презентальных армий; второй, видимо, после интронизации Юстиниана, командовал Герман (или, правильнее для 527 г., — единственной презентальной армией, во главе которой до провозглашения императором был сам Юстиниан).

Обращает на себя внимание очередность (соответственно, и реальное место в правящей элите) подписей под указанной новеллой о браках, данной на имя префекта Востока. Открывает перечень высших чиновников империи в ранге *gloriosissimi* префект Константинополя, за ним следует магистр оффиций, комит священных щедрот, квестор дворца, три презентальных магистра и комит священных (= частных по терминологии *Notitia Dignitatum*) дел. По иерар-

¹¹ Enßlin W. *Mundus* // RE. 1933. Bd. 16. Sp. 560; cp. Croke B. *Mundo the Gepid: From Freebooter to Roman General* // Chiron. 1982. Bd. 12. P. 135.

хии иллюстриев в *Notitia* (Or. I. 4—13), презентальные магистры следуют сразу за префектом Константинополя, затем — региональные магистры, и лишь потом идут прочие гражданские чиновники. Это перемещение презентальных магистров на несколько ступеней вниз в иерархии 536 г. не случайно: оно отражает снижение их реального значения в государстве и военной организации.

Представляется, что начало процесса падения их значимости как военачальников и на базе этого — их политической роли прямо связано с расширением практики региональных стратегий-автократий, в свою очередь вызванной административными реформами и завоеваниями Юстиниана. На наш взгляд, верно говорить именно о более частом, становящемся систематическим, применении стратегий-автократий при Юстиниане, но не о создании их, в качестве совершенно нового ранга, как полагает Д. Бьюри. Его тезис основывается на том, что Велизарий, назначенный стратегом-автократором в вандалской экспедиции 533 г. (*Proc. V. I. 11. 18*), не имел никакого другого военного ранга, и, следовательно, Юстиниан “ввел новый и чрезвычайный пост”¹². Данные источников все же противоречат этому положению. Прежде всего, приведем фразу Прокопия полностью: “Император над всеми поставил стратегом-автократором Велизария, который вновь командовал каталогами Востока” (*Ibidem. Cp. VP. I. 26. 1. “Тогда вновь император назначил стратегом Востока Велизария и послал в Ливию...”*). В пространной конституции 534 г., детально рисующей юстинианову схему управления Африкой, Велизарий назван просто магистром войск Востока. Причем последние ее формулировки убеждают в том, что Велизарий на момент ее издания находился в Африке: “Итак, да припишет слава твоя, чтобы то, которое наша вечность установила этой прагматической санкцией, манципировалось и соблюдалось для проведения в жизнь” (*CJ. I. 27. 2. 36*). Таким образом, Велизарий, будучи стратегом-автократором, все же обладал одним из официальных магистриев, как это было и в случае с Ситтой в 530—(?)532 гг. и с Германом в (?)519—(?)527 гг.

Сущность автократии при стратеге (— магистре армии; *imperium magistri militum* или *magister militum cum imperio*)¹³, если перефразировать термин, состояла, по Прокопию, в возможности отдавать такие распоряжения, словно бы их сделал сам император, что юридически было оформ-

¹² Bury J. *History...* V. 2. P. 127 N. 2; Guiland R. *Recherches sûr les institutions byzantines*. Berlin., Amsterdam, 1967. V. I. P. 380—383.

¹³ Семантику термина “автократия” см.: Mason J. *Greek Terms for Roman Institutions*. Toronto, 1974. P. 117—121.

лено специальными письменными полномочиями (Proc. BV. I. 11. 20). Однако совершенно не ясно из текста, функций какой именно власти касались эти распоряжения. К экспедиционной армии в качестве префекта воинского снабжения и советника был придан императором Архелай-патрикий и бывший префект Константинополя и Иллирика (BV. I. 11. 17). Т. е. ситуация напоминает и прежние африканские, походы V в., и персидскую войну 502—506 гг. Тот же Прокопий отметил, что префект воинского снабжения Апион был объявлен в 503 г. Анастасием I в письменных полномочиях “соучастником императорской власти” (BP. I. 8. 5. κοινῶνός τῆς βασιλείας (=consors imperii); ср. Lyd. De mag. III. 17), т. е. он тоже был своего рода “автократом”, но при этом никакого вмешательства Апиона в деятельность военного командования не прослеживается, он был, прежде всего, χορηγὸς τῆς τοῦ στρατολέδου δαλάνης. Итоги конфликта с персами Прокопий оценивает невысоко, отметив, что, вследствие отсутствия “автократора войны”, стратеги не желали соединиться и действовали независимо друг от друга (B. P. I. 8. 20). Описывая экспедицию Василиска 469 г., Прокопий называет его “автократом войны” (BV. I. 6. 2), т. е. можно полагать, что функции гражданской власти у него отсутствовали. Итак, данные Прокопия показывают, что в тандемах “магистр армии — префект воинского снабжения”, начиная со второй половины V в., различались две модели стратегии-автократии: с превалированием гражданского или военного элементов. Обе модели практиковались и при Юстиниане, каждая сообразно конкретной ситуации. Сущность военного типа стратегии-автократии при Юстиниане до начала административных реформ состояла в усилении принципа единоначалия командующего в экспедиции, призванной решить крупную стратегическую задачу, но только на период боевых действий. После достижения желаемого результата “автократия” (= imperium) уступала место действию старого принципа разделения властей, как это видно из конституции об административном обустройстве Африки: Архелаю, назначенному префектом Африки, переходили, согласно плану императора, все дела гражданской сферы управления; Велизарию — только военной (CJ. I. 27. 1—2). Отсюда командующий не утрачивал своего прежнего официального ранга, а “автократом” объявлялся в силу того, что в его экспедиционной армии были соединены войска разных магистериев. Это было тем более необходимо, если в такой армии было несколько региональных магистров (в африканской кампании. 533 г. вместе с магистром Востока Велизарием участвовал и магистр Армении Дорофей — Proc. BV. I. 11. 5), т. е. высших потестариев равного ранга. Учитывая, что magisterium

potestas была высшей ступенью potestas в сфере военного управления, введение внутренней иерархии между такими потестариями, чтобы заставить прочих подчиняться одному, потребовало, не нарушая при этом общеимперский *ordo dignitatum*, временного предоставления *imperium* (= автократии). В свою очередь, это свидетельствует и о живучести магистратских основ полномочий армейских магистров.

Все сказанное относится, однако, к ориентированным на завоевание Запада стратегиям-автократиям. Почему же стратегии-автократии, являвшиеся, по сути, экстраординарными, неконституционными структурами, использовались и на территории Византии? Одна из главных причин состоит в независимости и неподконтрольности друг другу командования походной и пограничной армии, заложенных в качестве конституционного принципа еще Константином I и неукоснительно соблюдавшихся его преемниками. В мирное время существование параллельных командных систем являлось одной из гарантий политической стабильности в регионах, но в период боевых действий становилось помехой в управлении разными категориями войск. Эта проблема всегда остро стояла именно в восточных провинциях, где серьезным противником была сасанидская держава с ее арабскими сателлитами. Возникновение любого крупного конфликта с персами автоматически требовало экстраординарной командной структуры, которой подчинялись бы походные и пограничные силы. На протяжении всего периода войн с Ираном в IV в. роль главнокомандующих были вынуждены брать на себя императоры: Констанций II, Юлиан, Иовиан, Валент. Выступив в поход в период очередного столкновения с персами в 441—442 гг., был вынужден стать главнокомандующим даже Феодосий II, что следует из сообщения Комита Марцеллина: “Феодосий император вернулся в город *ex expeditione Asiana*” (Marc. Com. a. 443). И, наоборот, личное неучастие императоров в экспедициях падает на мирный период на восточной границе во второй половине V в. Персидская война 502—506 гг. вновь потребовала экстраординарных командований, и тогда, впервые на Востоке, появляется “соучастник императорской власти”, которому письменно делегировались полномочия заместителя императора.

Другой причиной становящегося все более систематическим применения стратегий-автократий стали все более обостряющиеся трудности с набором армии и процесс неуклонного падения численности войск на Востоке и на Балканах, ставший при Юстиниане хроническим¹⁴. Походная

¹⁴ Fotiou. A. Recruitment Shortages in Sixth-Century Byzantium // *Byzantion*. 1988. V. 58. P. 1. P. 65—77; Teall J. L. The Barbarians in Justinian’s Armies // *Speculum*. 1965. N. 2. P. 315—322.

группировка одного регионального или презентального магистерия была уже не в состоянии самостоятельно решить крупную военную задачу. Отсюда уже во второй половине V в. правительство прибегло к такому средству, как составление экспедиционных сил разных магистериев в одну армию, командующий которой, по Малале, получил ранг презентального стратилата (Malala, 378; 398; Zach. VII. 4). Стратег-автократор являлся рангом высшей экстраординарной командной структуры в силу того, что под ее началом объединялись войска разных (презентальных, восточных, балканских) магистериев, дукатов и федератов.

В какой-то мере ситуация с военной администрацией при Юстиниане напоминает аналогичные процессы кризисной эпохи III в., когда армейские группировки целых регионов объединялись под единым командованием, экстраординарным по своему характеру. Фактически региональные стратегии-автократии в балканских и восточных провинциях при Юстиниане до известной степени были возрождением той практики в новых условиях. Разница же состояла не только в более жестком сохранении принципа разделения властей до начала административных реформ IV в., но и в том, что процесс “административной революции” Юстиниана был в меньшей степени стихийным, но в большей мере продуманной и управляемой системой новаций. Это отразилось, например, в том, что при Юстиниане не возродился цезарат, бывший в III в. одним из наиболее точных индикаторов кризисов власти в разных регионах. Общим же было то, что экстраординарность новых структур командования при Юстиниане, как и в ходе кризиса III в., с неизбежностью влекла за собой деформацию существующих магистратур.

Активная внешняя политика Юстиниана повлекла за собой неизбежную перегруппировку войск империи. Уже из закона об организации армянского магистерия видно, что к имевшимся в провинции этого региона частям были добавлены подразделения “не только те новые, которые мы учредили в настоящее время, но также выделенные из презентальных, восточных и других войск, не уменьшив, однако, величину тех войск (CJ. I. 29. 5). Это практически единственное прямое, с точным обозначением всех переброшенных войск, свидетельство об оттягивании части презентальных армий на военные нужды других регионов. Разумеется, высока степень вероятности, что презентальные части выделялись и для африканских и италийских экспедиций. Перечисляя стратиотов, федератов и варваров-симмахов, входивших в состав армии Велизария в 533 г., Прокопий выделяет среди них две тысячи *ἑνὸς ἑκατονταρίου* (BV. I. 11. 16). Вернулись ли они к началу 535 г. в Константинополь неизвестно; очень вероятно, что они

остались с Соломоном в Африке, как какая-то часть экскувитов (BV. II. 14. 17). Все это позволяет говорить, что численность презентальных войск близ столицы при Юстиниане уже в 530-х гг. стала меньшей, чем при его предшественниках. Это сокращение презентальных армий вкупе с пристальным интересом императора к обустройству завоеванных территорий постепенно привело к переоценке им реальной значимости презентальных магистров и, соответственно, к тому, что эти должности обретали все более титулярный характер и теряли влияние в государственном аппарате и консistorии.

На новых землях, и прежде всего в Африке, Юстиниан, руководствуясь интересами более прочной централизации империи, впервые приступил к административным экспериментам, совмещая в руках наместников функции военной и гражданской власти. Однако не следует переоценивать темпы и сущность отступлений Юстиниана от конституционных принципов Диоклетиана и Константина: совмещение обеих властей производилось далеко не везде и не по одному образцу. Император учитывал сложившиеся в разных регионах реальные факторы геополитики и во многом руководствовался этими обстоятельствами при проведении своих реформ. Так, Соломон, преемник Архелая и Велизария, в официальных документах назван только префектом претория Африки (Nov. Just. 36; 37), при том, что все оккупационные войска, особенно в первое время, после отбытия Велизария в Константинополь, были фактически подчинены ему. Современные исследователи, корректируя тезис Ш. Диля о единовременном создании префектуры и магистерия Африки¹⁵, подчеркивают, что постоянного командующего войсками Африки не было до 570 г.; упомянутый же в надписях *magister militum Africae* в правовом отношении не был равен коллегам по традиционным византийским магистериям. По мнению Ж. Дюрлиа, в Африке до 570 г. “в случае особых трудностей император посылал генерала, облеченного чрезвычайными и временными полномочиями, или доверял префекту претория командование того же рода. Но этот главнокомандующий не обладал какими-либо собственными войсками, кроме редких подкреплений, которые посылались ему при возникновении особой трудной войны, и командовал солдатами, ответственность за которых несли дуксы”¹⁶.

В последовавшей вслед за африканским экспериментом целой серии административных новаций всем чиновникам,

¹⁵ Diehl Ch. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533—709). Paris, 1896. P. 122—124.

¹⁶ Durliat J. Magister militum — Stratil. ÇthV dans l'Empire byzantin (VIe— VIIe siècles) // BZ. 1979. Bd. 72. P. 310.

исполнявшим одновременно функции военной и гражданской власти, была определена только гражданская титулатура (Nov. Just. 24—31; 102—103; Ed. 13)¹⁷. С чисто внешней стороны административные реформы сдвинули баланс власти в сторону гражданской бюрократии. Передача функций командования над войсками и их снабжение комиту Фригии Пакатианы, Галатии, Востока (Nov. Just. 8, cap. 2; 2; 5; 12. 1) означали изъятие у магистров определенной части армии, поскольку нигде в юстиниановых новеллах нет речи о праве командования магистрами теми подразделениями, которые были переданы новым гражданским структурам. Теоретически как бы узаконивалось создание новой категории войск, ставшей постоянными гарнизонами вновь образованных провинций и не подотчетных армейскому командованию. Думается, что прежде всего в эту категорию вошли подразделения *pseudocomitatenses*, которые были учреждены после мирного договора с персами 363 г., чьим следствием стало выведение римских войск из транстигританских областей и расквартирование внутри восточных провинций¹⁸. На момент составления *Notitia Dignitatum* эти воинские части находились под командованием магистра Востока (Or. VII. 49—58). Уже начиная с Анастасия, как полагают, начался процесс постоянного размещения *comitatenses* в городах пограничных провинций в качестве поддержки *limitanei*¹⁹. Он явно усилился при Юстиниане. В 527 г., например, император приказал комиту Востока (но не магистру Востока) расквартировать на лимесе, в Пальмире, подразделение стратиотов вместе с лимитанами (Malala. 426). Иными словами, административные реформы узаконили передачу части *comitatenses* гражданским властям провинций и городам. При отсутствии прямых данных из юстиниановой эпохи, в нашем распоряжении имеется любопытное свидетельство, относящееся к концу VI в. Феофилакт Симокатта, повествуя об экспедиции против аваров в 595 г., рассказывает о том, как Петр, брат императора Маврикия, прибыв в город Асим, попытался включить в свою армию городской гарнизон и натолкнулся при этом на ожесточенное сопротивление граждан и епископа. Их неподчинение имело законный характер в их глазах, постольку горожане ссылались на указ Юстина (очевидно,

¹⁷ О некоторых причинах этого мероприятия см.: Maas M. *Roman History and Christian Ideology in Justinianic Reform Legislation* // DOP. 1986. V. 40. P. 25: “Наличие исторического материала в предисловиях законов о реформах частично было ответом на оппозицию автократии Юстиниана”.

¹⁸ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire...* V. 2. P. 609; Hoffmann D. *Das spätrömischen Bewegungsheer...* Bd. 1. S. 309 ff.

¹⁹ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire...* V. 2. P. 660.

Юстина II), согласно которому гарнизон подчинялся только городским властям (Theoph. Sim. VII. 3. 1—4).

Результатом административных реформ Юстиниана, видимо, стало сокращение территорий, ранее подконтрольных в военном отношении магистрам армии и дуксам. Но в тех восточных провинциях, которые были пограничными, гражданским чиновникам передавались лишь часть войск в качестве гарнизонов городов и четко определялось количество армейских подразделений, командовать которыми надлежало дуксам и магистрам. Например, при создании проконсулата Палестины и передаче ему функций контроля над частью войск, магистрам и дуксам запрещалось выводить эти войска из городов (Nov. Just. 103. cap. 3. 1). Наместнику Финикии Ливанской было передано подразделение Тertiодалматов (Ed. Just. IV. cap. praef.), которое, согласно Notitia (Or. VII. 27), некогда было в группировке магистра Востока, причем правительство обязалось предоставить новый легион в случае, если этот оно переведет в другое место (Ibid. cap. 2. 2). Дуксу Аравии запрещалось поддерживать связи с подразделениями, специально выделенными модератору, а также вмешиваться в гражданские дела (Nov. Just. 102. cap. 2). Дуксам и филархам лимеса Финикии Ливанской был адресован запрет того же рода (Ed. Just. IV. cap. 2. 2). То есть в приграничных восточных, в отличие от малоазийских, провинциях принцип разделения властей, главным образом на уровне *magistratus medii*, все же сохранялся.

Таким образом, при Юстиниане наибольшие изменения коснулись магистерия Востока, из которого сначала был выделен армянский магистерий, а затем — малоазийские провинции. Сокращение контролируемых территорий вместе с частым оттягиванием войск для нужд завоеваний не могло не вести к деформации восточного магистерия и на этой основе — места поста магистра Востока в государстве.

Административные реформы 535—536 гг. затронули и самый юный магистерий — армянский. При реорганизации (уже второй за семь лет) региона провинции Третьей (бывшей Второй) Армении был определен наместник в ранге комита с передачей ему функций контроля над какими-то войсками (Nov. Just. 31. cap. 1. 2; cap. 3). Если сравнить эту новеллу с законом об учреждении армянского магистерия (CJ. I. 29. 5), становится очевидным, что магистр Армении утратил командование над войсками Третьей (бывшей Второй) Армении и Полемониакского Понта который был передан модератору Геленопонта (Nov. Just. 28. praef.). Подразделения армянского магистерия, также, как и восточного, во главе с магистром Дорофеем участвовали в африканском походе 533 г. (Proc. BV. I. 11. 5). Не исключено, что после смерти Дорофея в Африке

BV. I. 14. 14), они там и остались. Эти обстоятельства позволили провести реорганизацию Армении безболезненно, без запретительных предписаний ее командованию.

В балканском регионе административные новации в большей мере, чем в других провинциях, обуславливались военными причинами. После того, как Герман стал презентальным магистром в 527 (?) г., фракийская стратегия-автократия прекратила существование, но должность магистра Фракии сразу не была восстановлена. Малала (Malala. 437) и Феофан (AM 6031), описывая набег булгар в 529²⁰, неких Юстина и Бадуария называют стратилатами Мезии и Скифии. Учитывая, что скоротечные боевые действия произошли именно в Мезии и Скифии, а после гибели Юстина его преемником стал Константиол (Malala, 437), то, очевидно, стратилатами Малала назвал дуксов Мезии и Скифии. Магистром Иллирика был назначен Мунд (Proc. BP. I. 24. 43). В 530 г. император Хилбудия, “назначив стратегом Фракии, поставил для охраны реки Истр” (Proc. BG. III. 14. 2). По Прокопию, все три года службы до своей гибели Хилбудий лично пробыл именно на Дунае, часто вторгаясь на варварскую территорию (Ibid. III. 14. 2-6). Видимо, можно говорить о том, что должности дуксов Скифии и Мезии в 529—533/534 гг. не восстанавливались, а Хилбудий фактически в ранге магистра Фракии был стратегом-автократом. Видимо, этот эксперимент с объединением двух дунайских дукатов — Скифии и Мезии — под одним командованием окончательно убедил императора в целесообразности новой административной структуры, которой вскоре стала военная квестура. Заметим попутно, что военачальникам во Фракии и Иллирике после 527 г. назначаются лично преданные Юстиниану люди: гунн Аксум был крестником императора (Malala. 438), Хилбудий был его ойкетом (Proc. BG. III. 14. 1) — т. е. принципы юстиниановой кадровой политики и для восточного и для балканского офицерства были одинаковыми.

В 535 г. победу над булгарами у Ятруса одержал Ситта (Marc. Com. a. 535), т. е. презентальный магистр был послан специально для того, чтобы поправить сложившееся тяжелое положение с обороной Фракии. В этих условиях там начинаются административные преобразования. Новеллой от 18 мая 535 г., предписавшей создание претуры Фракии, соединились викариат фракийского диоцеза и викариат Длинных стен, и при этом какие-либо упоминания о магистре Фракии отсутствовали (Nov. Just. 26, praef.;

²⁰ Очевидно, при датировке этого набега у Феофана возникла путаница. Датировать его 538/539 гг. невозможно уже потому, что в это время Мезия и Скифия были частью военной квестуры (Nov. Just. 41; 50; 69), но квестор не упомянут ни единым словом.

сар. 1) В том, что претору Фракии определялось командование только над войсками зоны Длинных стен, отразился факт отсутствия фракийской походной группировки и, соответственно, фракийского магистерия. Недаром против вторгнувшихся в том же году болгар потребовалось двинуть презентальную армию во главе с Ситтой. На территории же бывшего диоцеза претор в лучшем случае мог командовать незначительными гарнизонами городов. Лимитаны придунайских дукатов были переданы год спустя *quaestor Iustinianus exercitus*, чьи полномочия император распространил на Карию, Кипр, Киклады, Мезию и Скифию (Nov. Just. 41. praef.). Таким образом, квестор войска на Балканах заменил лишь дуксов Мезии и Скифии (Lyd. De mag. II, 29: ἐλαρχὸν ἐλόπτην τῶν Σκυθικῶν δυνάμεων), но вряд ли под его командованием были походные силы.

В квесторе войска, отнесенном Юстинианом к разряду *gloriosissimi*, видят “четвертого префекта претория, но с военными функциями”, а в качестве мотива странного объединения геополитически разнородных провинций — как попытку уменьшения власти префекта Востока, так и средство поправить сложное финансовое положение дунайских провинций за счет более богатых островных и малоазиатских ²¹. Вслед за Э. Штейном ²², С. Садецки-Кардош полагает, что юстинианова военная квестура была прямым историческим прецедентом фемы каравизианов ²³.

Если верно то, что викариат войск зоны Длинных стен был ранее подчинен презентальным магистрам ²⁴, то следует признать, что наибольший ущерб административные реформы на Балканах нанесли значимости постов *magistri militum praesentales* в государственном аппарате и их престижности при дворе. Сам Юстиниан (если, конечно, эта информация надежна) утверждает, говоря о викариате Длинных стен, что “в той местности имеются многие военные силы” (Nov. Just. 26, praef.), которые после 535 г., следовательно, изымались из-под командования презентальных магистров. Все это повлекло за собой уже в 536 г. понижение их официального статуса в административной иерархии (Nov. Just. 22. epil.), но при этом оставались все-таки в высшем ранговом слое *gloriosissimi*.

Резкое сокращение презентальных армий противоречит тезису Э. Штейна о специальном учреждении поста третьего

²¹ Bury J. Op. cit. V. 2. P. 340—341.

²² Stein E. Histoire du Bas-Empire... V. 2. P. 474—476; Stein E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constaninus. Stuttgart, 1919. S. 165—168.

²³ Szádeczky-Kardoss S. Bemerkungen über den “*Quaestor Iustinianus Exercitus*”. Zur Frage der Vorstufen der Themenverfassung // From Late Antiquity to Early Byzantium. Prag, 1985. S. 61—64.

²⁴ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... V. 2. P. 656.

magister militum praesentalis между 528 и 536 гг.²⁵. Все-таки количество презентальных магистров определялось достаточностью презентальных войск; любые сверхштатные ранги были почетными.

На фоне падения численности презентальных армий отклоняющимся от нормы выглядит факт наличия “многих тысяч дорифов и гипаспистов” у префекта Востока Иоанна Каппадокийского (Proc. ВР, I. 25, 7). Хотя прямых данных об этом нет, думается, что отряд Иоанна Каппадокийского выполнял (во всяком случае, частично) функции презентальных армий. По всей видимости, организация этого отряда произошла после восстания Ника, поскольку об участии его в подавлении восставших или охране им правительственных учреждений сведений нет. На наш взгляд, Иоанн Каппадокийский, один из авторов реформ, попытался распространить принципы управленческих новаций и на высший эшелон имперской администрации: префектуры претория и презентальные магистерии. Как следствие, произошло известное перераспределение военных функций как по защите столицы, так и охране внутреннего порядка между префектом Востока и презентальными магистрами. Думается, что образцом к этому послужил африканский эксперимент. В самом деле, с точки зрения правового положения (руководство гражданской администрацией плюс командование войсками) префектуры Африки уже при Соломоне во многом аналогично статусу префектуры Востока при Иоанне Каппадокийском или военной квестуре.

Презентальным же магистрам Юстиниан отводил роль постоянных резервных полководцев на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств в том или ином регионе империи. В какой-то мере начался возврат к статусу презентальных магистров первой половины IV в. Так, Ситта, насколько это видно из источников, трижды направлялся императором именно в те районы, где складывались критические ситуации: в 530—531 гг. в войне против персов с территории Армении, и особенно после отозвания Велизария в столицу после поражения у Евфрата (Proc. ВР, I. 15. 3; 21. 3. 4); в 535 г., когда он у Ятруса разгромил глубоко вторгшихся во Фракию болгар (Marc. Com. a. 535); в 539 г. — против взбунтовавшегося армянского населения и ввиду угрозы персидского вторжения (ВР. II, 3, 8). Своего двоюродного брата Германа Юстиниан посылал в 536 г. усмирять солдатский мятеж в Африке после того, как с ним не справились ни Соломон, ни Велизарий (BV. II. 16. 1), и в 540 г. — на помощь Антиохии от персов (ВР. II. 6. 10). Примечательно, что именно после административных преобразований на Балканах и Ситта, и Герман

²⁵ Stein E. Histoire du Bas-Empire... V. 2. P. 431. N. 4.

посылались в районы критических ситуаций с незначительными военными силами. Например, на смену Соломону в Африку Герман отправился $\xi\acute{\upsilon}\nu\ \acute{\omicron}\lambda\acute{\iota}\gamma\omicron\iota\varsigma\ \tau\iota\sigma\acute{\iota}\nu$ (BV. II. 16. 1), а для спасения Антиохии привел с собой лишь триста воинов (BR. II. 6. 9); Ситта подавлял возмущение аспетианов с помощью небольшой свиты (BR. II. 3. 19). Из того факта, что, узнав о гибели Ситты, император приказал магистру Востока Бузесу двинуться против армян (BR. II. 3. 28), следует вывод, что армянский магистерий после административной реорганизации региона просто реально не существовал, а число походных войск там было незначительным. Лишь в 540 г. Юстиниан решил на отзыв части сил во главе с Велизарием из Италии для войны с персами (BR. II. 14. 8—10). Прибывшему вместе с ним Валериану было приказано взять на себя командование каталогами в Армении. Все приведенные свидетельства говорят о сильном снижении численности презентальных армий как прямом следствии завоевательной политики и административных реформ. На наш взгляд, это подтверждается также известным сообщением Прокопия о периодических намерениях Юстиниана отослать в Африку, Италию или против персов гвардейские подразделения. Думается, что вряд ли они мотивировались только финансовым шантажом. Из текста видно, что подобные планы появлялись у императора еще до того, как в 539 г.²⁶ магистром официий стал Петр Патрикий.

Итак, результаты всех новаций Юстиниана за период 530—536 гг., которые так или иначе отразились на военном руководстве империи, просто трудно переоценить. На наш взгляд, есть все основания говорить о том, что император в известной мере подвел итог очередному этапу эволюции административной инфраструктуры военной элиты. Одновременно наметились новые тенденции в государстве, которые непосредственно или через ряд промежуточных ступеней вели к постепенному оформлению определенных административных элементов будущего фемного строя. На наш взгляд, то, что первая волна административных реформ (18 мая 535 г.) предшествовала началу италийской кампании (конец июня 535 г.), не было случайностью: все провинциальные административные новации были в значительной мере подчинены целям завоевательной политики. Магистры войск частично освобождались от управленческих проблем и от полицейских функций в византийских регионах, превращаясь из военных администраторов, командующих крупными военными округами, в полководцев, занятых по преимуществу войной. Прямым

²⁶ Clauss M. Der Magister Officiorum... S. 181.

следствием этого процесса является то, что юстинианова военная верхушка постепенно утрачивала магистратский характер своих полномочий. Попытаемся именно с этой точки зрения и проанализировать кадровую политику Юстиниана.

Прежде всего бросается в глаза, что военная верхушка империи в течение всего длительного правления Юстиниана в массе своей состояла из одних и тех же военачальников и полководцев, перемещавшихся с одного поста на другой, из одной части государства — в другую. Иными словами, все установки на временный характер полномочий высших военных постепенно уходят в прошлое. Император предпочитал (кроме крайних случаев) не лишать своих магистров их должностей навсегда; да и сами смещения были редким явлением. Практически известны два таких случая, когда в 554 г. Юстиниан отстранил, стратега Бессу от командования, конфисковал его имущество и отправил в ссылку (Agath. III. 2. 7); в 557 г. последовало предписание Мартину сложить командование византийскими войсками в Лазике и удалиться в частную жизнь (Agath. IV. 21. 1). Чаше практиковалось лишение должности за проступки на какое-то время: отозвание Велизария с поста магистра Востока в 531 г. как виновного за крупное поражение у Евфрата; лишение полномочий магистров Востока Велизария и Бузеса за неосторожные высказывания. Но возможность продолжения военной карьеры для обоих была вскоре предоставлена вновь. Смещение Дагисфея с поста стратега Армении по обвинению его лазами в персофильских настроениях было явлением того же порядка уже потому, что через год он воевал вместе с Нарсесом в Италии (Proc. BG. IV. 9. 1—4; IV. 26. 13). Император удалил своего магистра, просто не желая ссориться с лазами.

Типичными были все же должностные перемещения, мотивировавшиеся целым комплексом военных и политических причин. Кроме упоминавшихся в той или иной связи карьер юстиниановых военных “звезд первой величины”: Германа, Ситты, Велизария — хотелось бы в этом плане сослаться на пример Мартина и Валериана — полководцев, участвовавших практически во всех войнах и на всех фронтах на всем протяжении правления Юстиниана. Оба они, видимо, в ранге *magistri vacantes* воевали против персов, вандалов, готов (Proc. BP. I. 21. 27; II. 13. 16; BV. I. 11. 6; II. 3. 4; BG. I. 24. 18 etc). В 540/541 гг. Валериан получил армянский магистерий (BP. II. 14. 8); в 547 г. в этом же ранге он отправился вновь в Италию (BG. III. 27. 3); около 554 г. его переводят в Лазик (Agath. III. 20. 8). Мартин в 543 г. был назначен магистром Востока вместо впавшего в немилость Велизария (BG. II.

14, 9) и находился на этом посту еще в начале 50-х гг. VI в., когда ему было приказано вести войну в Лазике (BG. IV. 17. 12) и выполнять функции стратега-автократора (Agath. IV. 21. 1; III. 2. 8). Аналогичными были карьеры Бессы и Юстина, сына Германа, также длительное время воевавших на западных и восточных фронтах. Бесса после возвращения из Италии в 550 г. был магистром Армении (BG. IV. 9. 4), войдя тем самым в официальную военную верхушку империи.

Нужды завоевательной политики Юстиниана с неизбежностью потребовали увеличения количества командующих походными группировками в ранге высшего офицерства империи. Практика применения вакантных магистериев, обозначаемых Прокопием и Агафием термином “стратег”, становится фактически постоянной, особенно после 535 г., как на Западе, так и на Востоке. Однако серьезных изменений в правовом положении офицеров, долгое время исполнявших функций *magistri vacantes* тем не менее не произошло. Они так и продолжали оставаться вторым эшелоном и готовым резервом высшего военного руководства империи; частью военной элиты они автоматически, с приобретением вакантных магистериев, не становились. В источниках совершенно отчетливо прослеживается, что к элите военной организации относились только обладатели традиционных региональных и презентальных магистериев. Практически только им доверялась стратегия-автократия (т. е. какие-то “правила” *cursus honorum* все же еще сохранялись); ими принимались ответственные военные и политические решения; они отдавали приказы вакантным магистрам. Фактически известен лишь один случай, когда стратегом-автократором стал стратег, до этого ни разу не занимавший ни один из официальных магистериев. Речь идет о Юстине, сыне Германа, которого император в 557 г. назначил вместо смещенного Мартина стратегом-автократором в Лазике (Agath. IV. 21, 1). О том, что и в середине VI в. региональные магистры обладали высоким престижем в обществе, свидетельствует Агафий, сообщающий о восприятии современниками военных такого высокого ранга. Персидский полководец Нахогаран, обращаясь к Мартину, Магистру Востока и стратегу-автократору в Лазике, называет его: *οὐ...τῶν παρὰ Ῥωμαίους δυνατωτάτων* (Agath. III. 19. 2).

После первой волны юстиниановых реформ 535—536 гг., изменивших административную инфраструктуру региональных магистериев, в течение десятилетия (во всяком случае, насколько можно судить по нарративным источникам, при отсутствии юридических) не произошло каких-то серьезных новшеств. Разделение восточного магистерия в 540 г. (Proc. BP. II. 6. 1: “Незадолго до того император разделил надвое

должность стратегиды Востока. То, что до реки Евфрат, было оставлено славе Велизария, который прежде обладал всей должностью, вверив то, что оттуда и вплоть до персидских границ Бузесу, которому он еще раньше приказывал исполнять полное командование над Востоком, пока Велизарий не вернулся на Восток из Италии”) было все-таки временным, произведенным в сложных условиях армянского восстания, последовавшего после гибели Ситты, и перед лицом крупномасштабного персидского вторжения. Юстиниан тогда экстренно вернул Велизария с рядом стратегов из Италии, отправив их срочно на восточный фронт и назначив Валериана магистром Армении (ВР, II. 14. 8). Но уже в 543 г. в результате отзыва Велизария и Бузеса в столицу восточный магистерий был вновь соединен и передан Мартину.

Армянский магистерий, переживавший упадок в краткий мирный период 532—539 гг. (или даже упраздненный в результате административных реформ?) в связи с практически не прекращающимися военными действиями в регионе, восстанавливается и находится в течение 540—550-х гг. под постоянным контролем правительства. Но самостоятельность армянских магистров даже в военных вопросах постоянно лимитировалась сложной политической обстановкой. Юстиниан был вынужден до известной степени считаться с мнением правящих кругов Лазики и отсюда постоянно под их давлением соглашался на смену командования в магистерий. После смещения Бессы и 554 г. с поста магистра Армении (Agath. III. 2. 7), при том, что в Лазике все войска и их командование подчинялись стратегу-автократору, трудно с определенностью сказать, существовал ли далее армянский магистерий или император решил на какое-то время его вообще не восстанавливать. Можно лишь в качестве гипотезы принять следующее: Юстиниан преемником Бессы назначил Юстина, сына Германа, если в этой связи трактовать приведенную Агафием сложившуюся после смещения Бессы командную субординацию в Лазике, что среди военачальников первым был Мартин, вторым — Юстин, Бузес — третьим и т. д. (Agath. III. 2. 8). После же отстранения Мартина от командования и, соответственно, назначения Юстина стратегом-автократором в 557 г. в источниках исчезают всякие упоминания об армянском магистерии. Не исключено, что после окончания войны в Лазике его уже не восстанавливали. Возможно, это произошло потому, что вследствие перевода Юстина с какими-то подразделениями на Дунай (Agath. IV. 22. 7) в регионе остались лишь незначительные гарнизоны в крепостях. Агафий, например, говоря о дислокации имперских войск в конце 50-х гг. VI в., подчеркивает, что только немногие из них

располагались на персидской границе (Agath. V. 13. 8). Вследствие отсутствия информации остается также неясным, кому в административно-военном отношении подчинялись остатки армянского магистерия.

В свое время Э. Штейн выдвинул тезис, что вслед за падением Иоанна Каппадокийского были упразднены все инспирированные им новые административные структуры, демонтированные с той же последовательностью, с какой они вводились в 535—536 гг.²⁷ То есть, следуя логике этого положения, вновь в прежнем объеме должны были быть восстановлены в прежнем объеме все военные структуры и вновь жестко должны были быть разделены гражданская и военная сферы управления. Однако, на наш взгляд, материал источников позволяет говорить о прямо противоположном. Воссоздав в 547 г. понтийский диоцез, “начиная от этой соседней Вифинии и вплоть до самых Армении и Трапезунта и до персидских границ нашего государства” (Ed. Just. 8, cap. 2), Юстиниан вовсе не изъяс у викария военные функции, что на деле означало бы возвращение к декларированному в начале эдикта прежнему (т. е. до начала реформ 535 г.) статусу викариата. Напротив, эдикт усиливает принцип соединения обеих властей у викария: “Пусть повинуется ему все войско (πῶσα στρατεία), имеющееся в тех местах, и пусть подчиняются назначенным им (командирам — Е. Г.) domestici и протикторы, схолярии и стратиоты” (Ibid. cap. 3. 3). Новому викарию, ответственному за охрану внутреннего порядка в целом диоцезе, было предоставлено также право суда над военными, как если бы последние судились дуксами и магистрами; в обязанность викария вменялось снабжение всех категорий войск диоцеза. Вмешательство всех высокопоставленных (как военных, так и гражданских) должностных лиц в его дела были запрещены (Ibid. cap. 3. 4). Новелла 542 г., из содержания которой обычно делают вывод об упразднении административных принципов, на которых держалась управленческая схема Иоанна Каппадокийского на Востоке, никакой информации о том, были ли изъятые военные функции у воссозданного комита Востока, все-таки не дает (Nov. Just. 145). И уж если идти по пути аналогий, предложенному Э. Штейном, говоря о новом возрождении викариатов, то сравнение с приведенными из Понтики сведениями с неизбежностью приводит к заключению, что комит Востока, как и викарий Понтики, совмещал на своей территории и гражданскую и военную власть. Учреждение в 553 г. во Фракии, Писидии, Лидии и Ликаонии полицейских должностей биоколитов (Nov. Just. 145), подчиненных префекту Востока (во всяком случае, такой

²⁷ Stein E. Histoire du Bas-Empire... V. 2. P. 747.

вывод напрашивается из адреса новеллы), скорее укрепило позиции последнего и никоим образом не усилило власть региональных магистров. Весь приведенный материал позволяет утверждать, что те установки, которые лежали в основе нового административного устройства, были скорее углублены, нежели демонтированы.

Вторая волна административного законодательства 547— 553 гг. еще отчетливее выявила то, что конституционные новации в значительной мере были подчинены целям завоевательной политики, и эта волна до известной степени довела до конца замыслы, лежавшие в основе начальной стадии реформ: контроль над локальными повседневными проблемами военного администрирования был уже практически полностью передан гражданским чиновникам с тем, чтобы ничем не отвлекать магистров от полководческой деятельности. Затянувшиеся боевые действия на Западе и на Востоке во многом содействовали ускоренному превращению региональных военачальников в боевых командиров. Войска из большей части восточных провинций были отведены вместе с не связанными местными управленческими проблемами магистрами на основные фронты. Так, обращает на себя внимание то, что по срокам вторая волна административных реформ совпадала с подготовкой императором последней, решающей кампании на Западе,

Следствием снижения численности войск в восточных провинциях стала обострившаяся проблема поддержания внутреннего, порядка, приведшая к учреждению биоколитов. Создание официальных полицейских постов (и, видимо, полицейских сил) для ряда бывших провинций диоцеза Азиана в 553 г. в течение трех лет вызвало слабо контролируруемую правительством цепную реакцию самовольного насаждения биоколитов более мелкого ранга, и в 556 г. последовал запрет целому ряду гражданских и военных чиновников, в том числе магистрам войск, иметь заместителей, биоколитов, преследователей разбойников и объезжать без надобности подконтрольные территории (Nov. Just. 134, cap. 1) поскольку, очевидно, это могло привести к осложнению и без того накаленного положения в лишенных войск провинциях. Эта проблема не была новой для эпохи Юстиниана: биоколиты по сути дела стали преемниками упраздненных еще в 409 г. иренархов (CTh. XII. 14. 1).

Обращает на себя внимание в новелле 553 г. следующее обстоятельство. При создании биоколитов, подчиненных префекту Востока, на территории провинций бывшего диоцеза Азиана (Not. Dign. Or. XXIV. 12—13) выпадала Кария, которая еще в 537 г. вошла в состав военной квестуры. То есть пресловутое восстановление викариатов (в том числе и фракийского) военной квестуры не коснулось, хотя, само ее существование в отдельные периоды

40—50-х гг. VI в. было номинальным. Затянувшаяся война в Италии в условиях недостатка солдат заставила Юстиниана отослать туда подразделения военной квестуры во главе с самим *quaestor exercitus* Боном. Так, Агафий отметил, что в конце 553 г. Нарсес оставил в Луке “Бона, стратега из Мезии, расположенной у реки Истр, мужа выдающегося ума и очень опытного в гражданских и военных делах” (Agath. I. 19. 1). Возможно, именно он упомянут под 561 г. Менандром в Италии в ранге *προεστῶς τῆν βασιλεῶν περιουσίας* (Menandr. fr. 8)²⁸, т.е. ни сам Бон, ни подразделения военной квестуры на Дунай не вернулись, куда после завершения войны в Лазике и после набега Забергана в начале 60-х гг. VI в. была переброшена высвободившаяся группировка Юстина, сына Германа, назначенного, видимо, *quaestor Iustinianus exercitus*²⁹. Уже гуннский набег 540 г., доказавшийся вплоть до предместий Константинополя (ВР. II. 4. 4), продемонстрировал слабость (если не полное отсутствие) пограничных сил военной квестуры, равно как и то, что фракийский магистерий все еще не был восстановлен.

Сведения о варварских вторжениях 40—50-х гг. VI в. полностью подтверждают этот тезис. Так, вторгшихся в начале 546 г. в пределы Фракии славян Нарсес смог отбить лишь с помощью недавно набранных герулов (ВГ. III, 13. 24—25). Зимой 547/548 гг. славяне прорвались вплоть до Эпидамна; против них маневрировали лишь имперские отряды из Иллирика (ВГ. III. 29. 1—3), о фракийских же вновь нет никаких упоминаний, равно как и спустя несколько месяцев во время набега Ильдигеса (ВГ. III. 35. 22). Зимой 550 г. три тысячи славян переправились через Марицу и вторглись во Фракию, где разделились на два отряда в 1800 и 1200 человек, соответственно для грабежа Иллирика и Фракии. Тогда впервые упомянуты выступившие против них и без труда разбитые *οἱ τοῦ Ρωμαίων στρατῶ ἀρχοντες ἐν τε Ἰλλυρῶν καὶ Θραξίν* (ВГ. III. 38. 3), под которым вряд ли следует подразумевать магистров войск. Затем славяне разгромили отряд дорифора и кандидата Асбада вблизи Длинных стен. Последнее весьма примечательно: Асбад “командовал многими превосходными конными каталогами, которые издревле были установлены в Цурулоне, фракийской фрурии” (Ibid. III. 38. 5). Думается, что речь идет о каком-то из регулярных всаднических подразделений одной из презентальных армий, коль скоро в качестве места расквартирования названа провинция Европа. Летом 550 г. славянам только присутствии Германа с войском в Сердике, которое должно

²⁸ Hartmann L. M. Bonus // RE. 1898. Bd. 3. Sp. 714.

²⁹ Stein E. Histoire du Bas-Empire... V. 2. P. 543.

было отбыть в Италию, помешало совершить набег на Фессалонику (Ibid. III. 40. 1—3). И, наоборот, отвод войска в Салону на зимние квартиры (Ibid. III. 40. 11) дал возможность им беспрепятственно (III. 40. 31) проникнуть во Фракию вплоть до Адрианополя (III. 40. 36). Юстиниан, не желая снимать армию из Далмации, что вновь осложнило бы подготовку к новому походу в Италию, выслал против них στρατιὰν ἀξιολογωτάτην. Уже в этих словах, как и во всем повествовании о набегах славян, отразилась сложная гамма иронии и эзопова стиля Прокопия при скрытой критике юстинианова режима. На наш взгляд, в данном случае семантика ἀξιολογωτάτη, в отличие от обычно употребляемых автором для войска дефиниций типа ἄριστοι, πλῆθος, πολλοί, позволяет утверждать, что в ней содержится намек на то, что император отправил против славян доместиков, протикторов и дворцовые школы. Думается, что в качестве прямой параллели этому может служить одно из мест из “Тайной Истории”: доместиков и протикторов, неопытные и малоценные в военном отношении подразделения, Прокопий называет ἀξιωτεροί (НА. 24, 24). Перечисляя командиров высланного против славян войска, Прокопий называет, сознательно при этом избегая обозначения их рангов, “среди прочих” Константиана, Аратия, Назара, Юстина, сына Германа, Иоанна Фагу, над которыми был поставлен (ἐπισημῶς) один из евнухов дворца Схоластик (BG. III. 40. 34—35). Складывается впечатление, что каждый из них, прославленных и опытных в прочих войнах полководцев, получив под свое начало один из отрядов доместиков и протикторов, должен был воодушевить невоинственные части. Основная часть доместиков, протикторов и схолариев была явно отправлена из столицы, поскольку общее командование было поручено евнуху Схоластику; не исключено, что другие откомандировывались из Галатии (НА. 24. 25), т. е. изымались у викария Понтики (Ed. Just. 18. cap. 3. 3). Летом 551 г. гуннский набег был отбит экспедиционными войсками Нарсеса, которые в тот момент находились в Филиппополе, совершая марш к Салоне (BG. IV. 22. 21—22). Зимой 552 г. к грабящим Иллирик славянам даже не посмело приблизиться византийское войско (BG. IV. 25. 1—3), состоящее, очевидно, из тех же доместиков и протикторов, насколько можно судить по именам их командиров.

За достаточно длительный период времени от гибели Хилбудия в 553 г. и до смерти Юстиниана в источниках лишь один раз упомянут магистр Фракии, но при обстоятельствах, не оставляющих сомнения в том, что в указанное время ни фракийский магистерий, ни фракийская походная группировка реально не существовали. Речь идет

о назначении в 549 г. Артабана магистром Фракии с воследовавшей немедленной отправкой его в Сицилию (BG. III. 39. 8). Думается, что Артабан даже не был во Фракии, а его назначение должно было означать как возвращение ему императорской милости. С другой стороны, Юстиниан стремился не допустить беспрецедентной деформации сложившейся схемы чиновничества: ни разу не зафиксирован факт, чтобы офицер, занимавший когда-либо один из постов официальной военной верхушки, был бы впоследствии назначен вакантным магистром. И тем не менее ранг магистра Фракии, дарованный бывшему презентальному магистру Артабану, был почетным; во всяком случае, в дальнейшем ни один источник не называет Артабана, воевавшего в Италии, магистром Фракии.

Полное отсутствие походной группировки во Фракии, не позволявшее возродить фракийский магистерий, продемонстрировал и набег Забергана, отряды которого без всякого сопротивления (Agath. V. 12—14) достигли стен столицы.

В этой связи закономерен вопрос о принципах оборонного строительства во Фракии в 536—562 гг. Все изложенное позволяет утверждать, что ради успешного завершения войн в Африке, Италии, Лазике и на Востоке, в условиях постоянной нехватки войск, Юстиниан сознательно пошел на временное упразднение военно-административных структур среднего и высшего звена во Фракии. Это стало прямым следствием почти полной перекачки войск фракийского региона на западный и восточный фронт. Проблему обороны Фракии Юстиниан пытался решать средствами дипломатии и крепостного строительства. В этом контексте вопрос об уничтожении претуры Фракии и восстановлении викариата Юстинианом и, более широко, о сознательном возвращении к жестким принципам диоклетиано-константиновой конституции представляется надуманным. Умозрительная гипотеза Э. Штейна, согласно которой военные функции упраздненной в середине VI в. претуры Фракии были переданы специально учрежденному комиту стен, а гражданские — викарию Фракии³⁰, постепенно начинает пересматриваться. Итак, Б. Кроук, специально изучивший вопрос о времени создания поста комита стен, аргументированно отнес его к началу VIII в. По его мнению, “нет, таким образом, надежного свидетельства, что “комит стен” когда-либо ассоциировался с анastasиевой Длинной стеной, или что он был преемником юстинианова претора. В самом деле, странно, что о юстиниановом преторе ничего не слышно после 536 г., вскоре после того, как был создан пост. Во время гуннского набега 557 г. нет признака какого-либо

³⁰ Stein E. Histoire du Bas-Empire... V. 2. P. 747—748; Jones A. H. M. The Later Roman Empire... V. 3. P. 56. N. 60.

постоянного гарнизона на стене, не говоря уже о преторе. Новое появление “викария Фракии”, упраздненного Анастасием в момент учреждения “викариев Длинных стен”, может предполагать, что должность претора доказала свою непрактичность и неэффективность. В отчетах о более поздних нападениях на Длинную стену в 583 и 600 гг. вновь нет признака претора или любого другого особого чиновника, ответственного за координацию и наблюдение за обороной стены”³¹. Нам остается лишь добавить, что претура Фракии исчезла без всяких специальных официальных объяснений, как и фракийский магистерий, вследствие переброски войск из зоны Длинных стен в другие регионы; ни магистру, ни претору в 40—50 гг. VI в. было просто нечем командовать. Хрестоматийный пример: Заберган нашел все фортификационные сооружения, вплоть до Феодосиевой стены, полностью обезлюдевшими, а отражать гуннов вышли димоты³² и триста ветеранов Велизария (Agath. V. 16. 1; Theoph. AM 6051).

Количественное восстановление фракийского оборонного потенциала Юстиниан предпринял только после завершения всех войн на Западе и на Востоке. В 561 г. из Лазики перебрасывается какая-то часть войск на Дунай, что стало началом возрождения военной квестуры³³. В 562 г. император приказал вывести из вифинских городов семь схол и расквартировать их в Гераклее-Перинфе и окрестных полисах (Theoph. AM 6054). Но магистерий Фракии так и не был восстановлен до его смерти.

Иллирийский магистерий, находясь в 40—50 гг. VI в. в известной мере в аналогичной фракийскому магистерии ситуации, обнаруживает тем не менее ряд особенностей в своем развитии. Сходство проявляется в том, что войска Иллирика также часто перебрасывались в Италию и уже не возвращались обратно. Например, в 544 г., когда Велизарий вербовал добровольцев во Фракии, “с ним по приказу императора был и Виталий, стратег Иллирии, недавно прибывший из Италии, где он оставил иллирийских стратиотов” (BG. III. 10. 2). В 538/539 гг. стратег Иллирии Юстин прибыл в Италию с экспедицией Нарсеса (BG. II. 13. 17) и, насколько это видно из Прокопия, воевал только там и никогда уже, как, собственно, позже и его преемник Виталий, не был возвращен на иллирийский магистерий.

³¹ Croke B. The Date of the “Anastasian Long Wall” in Thrace // GRBS. 1982. V. 23. P. 77—78.

³² О военных функциях димов см.: Cameron A. Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976. P. 105—125; О возрастании роли димов в обороне городов как оборотной стороне складывания фемного строя см.: Курбатов Г. Л. К проблеме типологии городских движений в Византии // ПССИСО. 1974. Вып. 1. С. 59—60.

³³ Stein E. Histoire du Bas-Empire... V. 2. P. 543.

Иоанн, племянник Виталиана, назначенный магистром Иллирика в 549 г., через год должен был следовать в Италию (BG. III. 39. 10). Примечательно, что он повел туда свою ойкию и войско, которое его тесть Герман на вербовал в балканских провинциях (BG. IV. 26. 11). Об иллирийских стратиотах имеется лишь такое известие: в 545 г. стратиоты, прибывшие некогда с Виталием в Италию, узнав о том, что гунны в их отсутствие разграбили их родные места и увели в плен их жен и детей, самовольно вернулись домой (BG. III. 11. 13—15). Варварские набеги на Иллирик при чрезвычайной пассивности византийских сил свидетельствуют, что Иллирик, как и Фракия, обладал незначительными походными силами, а иллирийский магистерий (Иоанн, судя по источникам, так и остался в Италии), как и фракийский, до смерти Юстиниана не восстанавливался, а ранги обоих магистериев являют собой наиболее законченный образец инфляции военной титулатуры в период завоеваний.

Отличия в развитии иллирийского магистерия от фракийского обусловились его стратегической ролью в завоевательной политике Юстиниана. Иллирийский магистерий был призван стать одним из основных плацдармов для разгрома остготского королевства. Захват византийцами Салоны (BG. I. 5. 11) привел к расширению иллирийского магистерия. Видимо, поэтому Прокопий, обозначая ранг стратега Иллирика, употребляет топоним во множественном числе, как бы напоминая о воссоединении восточного, северо-западного Иллирика и Далмации³⁴. Думается, что по образцу перенесения резиденции префекта Иллирика из Фессалоники (Nov. Just. 11) преторий и оффикий магистра Иллирика постепенно перемещается в Салону, пока, наконец, в результате неуклонной трансформации магистра Иллирика в одного из рядовых стратегов под началом италийских стратегов-автократоров не исчезает совсем. В известной мере этому способствовало учреждение Юстинианом в Далмации проконсулата, обладавшего определенными военными полномочиями³⁵; явление, аналогичное процессам на Востоке, как и снижение численности войск. Агафий (V. 13, 8), рассказывая о местах дислокации византийской армии, не упоминает под 558 г. в их числе ни Фракию, ни Иллирик.

³⁴ Реконструкцию событий процесса объединения всего Иллирика под византийской властью см.: Wozniak F. E. *East Rome, Ravenna and Western Illyricum: 454—536 A. D.* // *Historia*. 1981. Bd. 30, Hf. 3. P. 374—382; Максимович Л. Северни Илирик у VI веку // ЗРВИ. 1980. Т. 19. С. 17—47.

³⁵ Разбор всех имеющихся гипотез о времени и обстоятельствах создания проконсулата Далмации см.: Ferluga J. *L'amministrazione bizantina in Dalmazia*. Venezia, 1978. P. 68—83.

Сведения о презентальных магистериях после падения Иоанна Каппадокийского чрезвычайно скудны, что делает сложной реконструкцию их реального развития в 40—60 гг. VI в. Отстранение Иоанна Каппадокийского от власти сопровождалось тем, что у него была отнята ойкия и передана Велизариию (Marc. Com. a. 544. 3). Задействованная вначале на Востоке против персов, эта ойкия, очевидно, частично вернулась в столицу, когда Велизарий впал в немилость, а ойкеты (не все, но несколько подразделений) были распределены среди придворных евнухов (Proc. HA. 4. 13). Но данных о том, что эти “многие тысячи дорифоров и гипаспистов” были переданы презентальным магистрам, нет. Отсутствуют и какие-либо сведения о том, кем был замещен один из презентальных магистров после гибели в 539 г. Ситты; не исключено, что он оставался вакантным. Этим можно объяснить факт, что просьба Артабана о его переводе в столицу из Африки и назначении на должность презентального магистра (BG. III. 31. 10) была так легко удовлетворена императором. Примечательно, однако, следующее: Артабан одновременно с презентальным магистерием получил и пост комита федератов. Подобный беспрецедентный в административной практике случай, на наш взгляд, объясняется как полным отсутствием одной из презентальных армий, так и стремлением Юстиниана возродить, хотя бы частично, презентальный магистерий за счет федератов, т. к. стратиотов просто не хватало. Отсюда и столь необычный двойной ранг у Артабана. Когда после заговора Артабан вновь обрел милость императора, последний послал его в 550 г. в Сицилию, “придав небольшое войско” (BG. III. 39. 8); не исключено, что именно из федератов.

Подразделения второй презентальной армии, хотя и сокращенной в размере, продолжали дислоцироваться близ столицы. На это указывает факт разрешения Герману в 550 г. выбрать для италийской экспедиции несколько конных каталогов, установленных во Фракии (BG. III. 39. 18). Но с определенностью невозможно сказать ни того, существовал ли в 40-е гг. VI в. второй презентальный магистерий, ни того, кем он был замещен, поскольку никаких сведений об этом нет. Предполагать, что Герман оставался на этом посту до самого назначения в 550 г. стратегом-автократором, мешает не только тот факт, что у Германа, упомянутого в источниках после возвращения из Антиохии в деле со сватовством Иоанна, племянника Виталиана, и при описании заговора Артабана, не засвидетельствован никакой военный ранг. Арсак, склоняя Юстина, сына Германа, к заговору против императора, отметил, что ни Юстин, ни его отец не только не занимают ведущих постов в государстве, но и являются частными лицами

(BG. III. 32. 17), и, напротив, на высшие должности империи назначаются простолюдины. Может быть, в числе последних подразумевался и Свартуя, герул, предложенный Юстинианом в качестве короля племени герулов в первой половине 40-х гг. VI в. Когда герулы оставили Свартуя в пользу другого претендента, он бежал в Константинополь, где был сразу назначен презентальным магистром (BG. II. 15. 32; IV. 25. 11). В 552 г. Свартуя был одним из командиров войска, посланного императором на помощь лангобардам. Дальнейшие следы его теряются; можно лишь предположить, что он либо отбыл в Италию, либо в Лазику с Юстином, сыном Германа, либо погиб во Фракии вместе с Аратием (BG. IV. 27. 14).

Последующие свидетельства о презентальных магистрах позволяют утверждать, что и в случае с презентальными магистериями Юстиниан не отказался навсегда от административных принципов приписываемой Иоанну Каппадокийскому схемы имперского управления. Так, новелла от 8 сентября 553 г. о запрете биоколиту Лидии и Ликаонии оперировать на территории биоколита Фригии и Писидии адресована Ареовинду, названному префектом Востока, экспрефектом Константинополя и стратилатом (Nov. Just. 145), причем 13 февраля того же года Ареовинд обозначается в адресе новеллы лишь как префект претория (Nov. Just. 146). 15 апреля 554 г. Ареовинд все еще был префектом Востока и стратилатом (Nov. Just. 147), а в новелле 563 г. он назван префектом Востока, экспрефектом Константинополя и эксстратилатом (Nov. Just. 143). В качестве *terminus ante quem* окончания стратилатуры Ареовинда, очевидно, надо считать 559 г., когда среди оборонявших стену Феодосия от кутригуров засвидетельствованы схолы, протикторы и ἀριθμοί. (Theoph. AM 6051), которыми, судя по терминологии, могли быть только стратиоты презентальных сил, но участие Ареовинда как их командующего в обороне столицы не прослеживается. Однако сам факт совмещения одним лицом должностей префекта Востока и презентального магистра свидетельствует о тех же процессах, которые уже наблюдались и у региональных магистров: сильное сокращение презентальных войск близ Константинополя, учащающееся использование презентальных магистров в качестве экспедиционных командиров, значительное упрощение функций презентальных магистериев вплоть до того, что их стало возможно безболезненно (сэкономив при этом на жаловании презентальных магистров?) передать гражданской администрации.

Ареовинд не случайно стал презентальным магистром в 553 г.: Нарсес для своей экспедиции в Италию “вывел из Византии множество римских стратиотов” (BG. IV. 26. 10). Думается, что использование столичных гражданских

чиновников в качестве командиров полицейских и военных отрядов практиковалось более или менее регулярно и в период от отстранения Иоанна Каппадокийского от власти и до назначения Ареовинда презентальным магистром. Так, Прокопий отметил, что после того, как Велизарий впал в немилость в 543 г., его дорифоры, гипасписты и ойкеты по приказу императора были распределены τῶν τε ἀρχόντων καὶ τῶν ἐν Παλατίῳ ἐννούχων (НА. 4. 13). Очевидно, с этим можно увязать назначение евнуха Схоластика главнокомандующим высланных против славян в 550 г. сил (BG. III. 40. 34), тем более, что Артабан незадолго перед тем был лишен презентального магистерия. По всей видимости, назначение Схоластика стало прямым прецедентом к наделению Ареовинда стратилатскими полномочиями и, тем самым, к полномасштабному восстановлению административной модели Иоанна Каппадокийского.

Упрочение процесса соединения гражданской и военной власти в руках одного администратора прослеживается также на территориях завоеванной Африки и Италии. Здесь эта тенденция прокладывала себе дорогу, хотя и не всегда последовательно, но тем не менее быстрее, чем на Востоке. В качестве одной из причин этого явления справедливо называют то, что “здесь столь сильным, как в центре, было влияние традиций античной бюрократической системы, а специфические социальные и политические условия заставляли обращаться к новым методам управления”³⁶. При чрезвычайной малочисленности чиновников гражданских ведомств (юстинианова схема управления Африкой 534 г. так и осталась недостижимым идеальным образцом) в период постоянной военной опасности и боевых действий (фактор, признаваемый всеми исследователями), когда сложился “специфический военно-оккупационный режим”³⁷, ведущим административным элементом стали высокопоставленные военные. Основное отличие в вызревании протоструктур фемного строя на византийском Западе от византийского Востока, где функции военного администрирования среднего и высшего звена в результате известной демилитаризации обширных регионов перешли в ведение гражданских лиц, позволяет поставить закономерный вопрос: существовала ли вообще на территориях завоеванной Африки и Италии ранневизантийская военная знать позднеантичного типа, тем более, что там так и не сформировались магистерии в их традиционной форме. Анализируя реальное развитие провинциальной организации византийской Африки после 539 г., исследователи отмечают, что на практике “хроничес-

³⁶ Бородин О. Р. О времени возникновения Равеннского экзархата // ВО. М., 1982. С. 54.

³⁷ Там же. С. 62.

кое состояние войны часто вело к назначению чрезвычайного полевого командира с рангом, превосходящим ранг известного префекта, или к тому, что то же лицо было и префектом и полевым командиром. Назначением экзарха, который принял контроль над гражданскими и военными аспектами администрации, Маврикий поэтому сделал в известном смысле более постоянным административное устройство, которое ранее использовалось в качестве временно соответствующего обстоятельствам. Непосредственным предшественником экзарха, однако, был *magister militum Africae* — пост, впервые ясно засвидетельствованный в 570-е гг., который, видимо, также комбинировал военные и гражданские функции. Поэтому, очевидно, не является совпадением, что первым зарегистрированным экзархом был прежний *magister militum Africae* Геннадий, который принял свой новый титул и функции между 6 мая 585 г. и июлем 591 г.”³⁸.

К этой суммарной и в целом верной оценке все же необходимо добавить, что указанный процесс иногда протекал противоречиво вследствие сиюминутных локальных тактических обстоятельств. Так, не желая в 545 г. отзывать из Африки Сергия, Юстиниан “приказал, чтобы он и Ареовинд были стратегами Ливии, разделив страну и каталоги стратиотов” (Proc. VV. II. 24. 4), т.е. стратегия-автократия была разделена между двумя администраторами равного ранга. Но после гибели Стотзы и, соответственно, ликвидации второго фронта в Африке, император “счел бесполезным исправлять должность двумя стратегами, тотчас отослав Сергия с войском в Италию; Ареовинду же вручил власть над Ливией” (Ibid. II. 24. 16). Префект претория Афанасий, прибывший с Ареовиндом в Африку, подчинился его приказам (Ibid. II. 26. 6).

Сходные явления прослеживаются и в завоевываемой Италии. В отличие от вандальской кампании, когда вместе с экспедицией в Африку 533 г. прибыл специально из Константинополя будущий, по плану императора, глава гражданской администрации префект претория Архелай (BV. I. 11. 17). Велитарий в Риме в 536 г. своей властью назначил сенатора Фиделия префектом Италии (BG. I. 20. 20). Несмотря на неоднократные упоминания префекта Италии в юстиниановом законодательстве, видимо, его как администратора серьезно в Константинополе в расчет не принимали. В его адрес специально не издано ни одного эдикта; император, направляя конституцию префекту Вос-

³⁸ Pringle D. The Defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest. An Account of the Military History and Archaeology of the African Provinces in the Sixth and Seventh Centuries. London, 1981. Part I. P. 41—42.

тока по ряду гражданских дел, мимоходом оговаривает, что они имеют силу и для префекта Италии (Nov. Just. 69 epil.; 70. 1; 73 epil.; 79. 2). Перед нами вновь образец пропагандистской риторики, в которой, однако, по сравнению с идеальной схемой провинциального устройства Африки 534 г., гораздо меньше “административного романтизма”: Юстиниан с трудом представлял себе будущую префектуру Италии. На практике же Сицилию, которая некогда находилась под юрисдикцией префекта Италии (Not. Dign. Occ. II. 18), он подчинил в 537 г. константинопольскому квестору священного дворца (Nov. Just. 75). Префектам Италии, насколько это видно по источникам, на период завоевания была определена одна функция: снабжение византийской армии за счет взимаемой с италийцев анноны. Это, очевидно, было вменено в обязанность и Фиделию и его преемнику Репарату, хотя прямо засвидетельствовано только начиная с Афанасия (BG. II. 29. 29—30). Таким образом, о подлинном возрождении прежней италийской префектуры, с которой пришлось бы, по нормам диоклетиано-константиновской конституции, делить власть военным, говорить не приходится; префекты Италии на деле были такими же епархами снабжения, как Апион в 503 г. или Архелай в 533 г. В 540 г. функции снабжения и финансирования византийских войск в Италии выполнял логофет (даже не префект!) Александр. Именно в силу этого он входил, наряду с исполняющим полномочия стратега-автократора Константианом, в двойку первенствующих среди одиннадцати полководцев.

Полнотой власти, таким образом, обладали только стратеги-автократоры. В Италии, в отличие от Африки, магистерии не засвидетельствованы даже титулярно, т. е. не предпринималось ни одной попытки их учреждения. Думается, что в Италии при значительной концентрации обладателей рангов вакантных магистерий это было просто невозможно, вследствие опасности их неповиновения магистру Италии, если бы таковой пост был учрежден. Юстиниан, например, задержал в 551 г. отправку в Италию войск Иоанна, племянника Виталиана, поскольку последний не назначался стратегом-автократором. Император справедливо полагал, что остальные полководцы будут выполнять приказы только носителя этих полномочий, но не равного им по рангу магистра Иллирика Иоанна (BG. IV. 21. 5—9). Примечательным в развитии италийской стратегии-автократии после 540 г. и до смерти Юстиниана является то, что ею больше уже не надеялись магистры войск. Константиан в 540—544 гг. и Велизарий в 544—549 гг. были стратегами-автократорами в ранге комита императорских конюшен (HA. 4. 39). Герман был призван на этот пост

из частной жизни (BG. III. 32. 17); Нарсес является препозитом священной опочивальни³⁹.

Лишь один раз под давлением обстоятельств император отступил от модели полновластия стратега-автократора в Италии. Дело в том, что прозорливый Тотила ударил в наиболее уязвимую точку налоговой политики Юстиниана в Италии. Он заставил посессоров всю аннону, в том числе адэрированную, вносить в его казну, вследствие чего византийские войска лишились местных источников продовольствия и денег (BG. III. 6. 6—7). Основательно подорвав тем самым имперский принцип “война кормит войну”, остготский король вынудил византийские войска к непокорству своим командирам и дезертирству, а Юстиниана в 542 г. — к назначению главнокомандующим в Италии префекта претория (очевидно, именно поэтому вместо обычного “стратег-автократор” Прокопий, поскольку речь идет о гражданском чиновнике, употребляет τὸς τε ὄρχουσιν ἐς τὸν λόλεμον ἐλιστάτης) Максимиана, совершенно неопытного в военных делах, который должен был восстановить прежнюю систему снабжения оккупационной армии (BG. III. 6. 9). При этом Константиан оставался реальным главой византийских сил в Италии (BG. III. 9. 5). Назначение главнокомандующим префекта Италии должно было продемонстрировать итальяским посессорам возрождение гражданского управления с его твердо фиксированными ставками налогов и отмену бесконтрольных военных реквизиций. Провал миссии Максимиана привел к возвращению военных форм управления завоеванными территориями Италии, в том числе и в деле снабжения армии. В 551 г., например, император приказал Нарсесу позаботиться обо всем необходимом для войск не только в Салоне при подготовке экспедиции, но и расплатиться с солдатами, находившимися в Италии (BG. IV. 26. 5—7). Примечательно, что в этом случае Прокопий совсем не упоминает ни о каких гражданских чиновниках, ответственных за снабжение армий. Отсюда можно предположить, что названный в Прагматической Санкции префектом Италии Антиох (Pragm. Sanct. subscr.) был, скорее всего, прислан позже, после того, как обозначился окончательный перелом в войне с готами.

До окончания войны с готами в Италии, как показали новые исследования, происходил кризис старых правящих структур, и баланс власти на всех уровнях смещался к военным командирам. Милитаризация администрации во многом была прямым следствием неспособности гражданских чиновников обеспечить нужды армии, церкви, собственников. Формирование новой правящей элиты в

³⁹ Lippold A. Narses // RE. 1970. Splbd. XII. Sp. 874.

византийской Италии, состоящей из военных, стало возможным только вследствие утраты контроля над армией со стороны гражданской администрации ⁴⁰. Этот процесс особенно интенсивно протекал после победы над готами. В самом деле, если при Тотиле зависимость от снабжения и финансирования из Константинополя была достаточной, то после окончания войны она резко ослабла. Прокопий приводит первое послание Велизария из Италии, в котором тот просит о дополнительных поставках оружия и стратиотов (BG. I. 24. 8). О том же Велизарий просил Юстиниана и в письме 545 г. (BG. III. 12. 3). Думается, что правительство сознательно предписало византийскому командованию в Италии обеспечивать войска, насколько это возможно, из местных источников. В этой связи не случайно то, что уже в ходе войны функции высшей гражданской администрации в Италии перешли к военным и остались у них и после разгрома готов.

Согласно оригинальному и хорошо аргументированному предположению О. Р. Бородина, Нарсес сменил (подчеркнем, однако, что это произошло не сразу вслед за изданием Прагматической Санкции ⁴¹) Антиоха на посту префекта Италии ⁴², оставшись при этом главнокомандующим византийскими силами. Такой акт соединения военной и гражданской власти у одного лица мог, конечно, произойти только после официального разрешения Константинополя. Обращает внимание то, что именно в эти годы в Константинополе префектом Востока и стратилатом одновременно был Ареовинд. Скорее всего, это не случайное совпадение: Юстиниан распространил эту административную модель также на Африку и Италию. Последствия этого акта трудно переоценить: функции снабжения армии анноной в мирное время переходят к ее командованию, и, следовательно, утрачивается гражданской администрацией один из ее важнейших рычагов удержания войск в повиновении. Вследствие отсутствия информации нельзя точно ответить на вопрос, утратили ли магистры оффиций свое право назначения младшего и среднего командного звена армии. Можно лишь предполагать, что такие назначения могли иметь место на территории восточных провинций, поскольку эта функция квестора священного дворца и магистра оффиций последний раз зафиксирована в юстиниановом кодексе (CJ. I. 30. 2—3), т. е. до начала готской

⁴⁰ Brown T. S. *Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy A. D. 554—800.* Hertford, 1984. P. 82—108.

⁴¹ Префектом Италии под 556 г. З. В. Удальцова справедливо считает Панфрония. — Удальцова З. В. *Италия и Византия в VI веке.* М., 1959. С. 499.

⁴² Бородин О. Р. *О времени возникновения...* С. 63—64.

войны. Думается, что реально эти полномочия распространялись в период завоеваний на лимитанов и стратиотов Востока, набранных посредством конскрипции и на основе наследственной повинности военной службы, и в гораздо меньшей степени, если распространялись вообще, на ойкетов-добровольцев.

Итак, проанализированный материал позволяет говорить о значительной деформации административной структуры военной организации ранней Византии в период 535—565 гг., что не могло не отразиться на месте военной элиты империи в обществе и ее роли в политической жизни. На византийском Западе в условиях полного краха позднеантичной административной модели формирования военного руководства зарождалась новая военная аристократия, все отчетливее становясь ведущей силой в правящей элите подконтрольных регионов. На византийском Востоке, наоборот, военная знать позднеантичного типа оттеснялась от проблем администрирования, превращаясь в полководцев. Но общим и для Запада, и для Востока является то, что старая военная аристократия постепенно уходила в прошлое. Как будто этому выводу о постепенном исчезновении прежней военной знати противоречит один из важных тезисов традиционной теории о нарастании частнобукеллариатских отношений к середине VI в. и, как следствие, роста независимости обладателей ойкий по отношению к государству и резком усилении их вмешательства в формирование политики. Но соответствует ли действительности последнее положение? Оставим в стороне, так сказать, провинциально-гражданский букеллариат, неоднократно запрещавшийся юстиниановым законодательством (Nov. Just. 30. cap. 7. 1; 116. cap. 1). Исследования Ж. Гаску показали, что официально разрешенный крупным провинциальным собственникам букеллариат был общественным *munus*⁴³. Соответственно, запреты касались лишь самовольных, бесполезных с точки зрения государства в тех или иных местностях, частных вооруженных свит; проблема отнюдь не новая для юстиниановой эпохи. В перечне обязанностей проконсула Каппадокии, например, числится следующее: “Пусть обуздывает он дорифоров динатов” (Nov. Just. 30. cap. 7. 1). Что же касается букеллариив армейских офицеров⁴⁴, то все исследователи, настаивающие на их частном характере, апеллируют к данным Прокопия и Агафия. Под дорифорами, гипаспистами, ойкетами (и ойкиями как их

⁴³ Gascou J. L'institution des bucellaires // BIFAO. 1976. V. 76. P. 143—156; Gascou J. Les grands domaines, la cité et l'état en Egypte byzantine // TM. 1985. T9. P. 53—59.

⁴⁴ Классификацию обладателей букеллариив см.: Lécivain Ch. Les soldats privés au Bas-Empire // MEF. 1890. T. X. P. 267—283.

совокупностью) понимаются частные солдаты из личных вооруженных свит полководцев и гражданских дигнитариев ⁴⁵.

Однако анализ терминологии Прокопия, а также ее исторический контекст, позволяют сделать и другие выводы. Во многом проблема частных вооруженных свит зависит от установления точной семантики связанных с ними основных понятий в ряде часто цитируемых мест Прокопия, не желавшего ломать аттицизм собственного стиля. Однако и он был вынужден иногда разъяснять читателям свое словоупотребление, стремясь быть правильно понятым, так как с течением времени значение терминов изменилось (BV. I. 11. 4). И хотя его авторское толкование не коснулось дорифоров, гипаспистов и ойкий, полисемичность этих лексем в его языке не вызывает сомнений. Например, “дорифор” употребляется в старом значении — “преторианец” ⁴⁶ (BG. I. 1. 6: Одоакр), а также — “доместик” (BP. I. 12. 21: Ситта и Велитарий были доместиками, когда Юстиниан был в 518—519 гг. комитом доместиков; другая военная реалья, связанная с термином “доместик”, оговаривается специально — BV. I. 11. 16). Но гораздо чаще под дорифорами и гипаспистами Прокопия скрывается явление новое для первой половины VI в., которое лучше может быть понято путем сопоставления его трактовок с другими авторами, современниками Прокопия.

Первостепенную важность в этом плане имеют свидетельства Иоанна Лида, который, описывая составные элементы республиканских и раннеимперских легионов, пытается дать своим читателям как точный перевод, так и максимально близкий ранневизантийский эквивалент. Обращает на себя внимание, что Лид, как и Прокопий, ни разу не прибег к термину “букелларий”, объясняя значение дорифоров и гипаспистов: ἀστᾶτοι = δорυφόροι; βηξιλλᾶριοι = δорυφόροι; αὐξιλλᾶριοι = ὑλασπισταί (De mag I. 46). В первой паре представлен прямой перевод обоих терминов, т. е. “копьеносцы”; Лид напоминает, что гастаты были низшей категорией республиканской легионной пехоты. Но во второй и третьей парах, на наш взгляд, специально представлен греческий эквивалент старой римской армей-

⁴⁵ Традиционная научная модель букеллариата, сформировавшаяся в ходе дискуссии 1889—1912 гг. между Т. Моммзенем, Ш. Лекривзном, К. Беньямином и Ж. Масперо (Mommsen Th. *Gesammelte Schriften*. B., 1910. Bd. 6. S. 241—245; Lécrivain Ch. *Op. cit.*; Benjamin C. *De Iustiniani imperatoris aetate quaestiones militares*. B., 1892; Maspero J. Στρατιῶται et φοιδεράτοι dans l'armée byzantine au VIe siècle // BZ. 1912. Bd. 21. P. 97—109.), утвердилась в литературе с “подачи” Р. Гроссе (Grosse R. *Römische Militärgeschichte...* S. 283—291) в формулировках О. Зеэка (Seeck O. *Buccellarii* // RE. 1899. Bd. 3. Sp. 934—939).

⁴⁶ Mason J. *Greek Terms for Roman Institutions...* P. 39.

ской терминологии. Автор счел необходимым разъяснить смысл современных ему армейских дорифоров и гипаспистов, отграничивая от традиционного, гвардейского (т. е. дорифор = преторианец) значения. Иными словами, подчеркивается, что общим для римских вексилляриев и византийских дорифоров первой половины VI в. было откомандирование лучших солдат из разных армейских подразделений для экспедиций. Такой способ составления экспедиционных армий прямо подтверждается данными законодательства. Новелла 542 г., касаясь иммунитетов солдат, указывает: “То, что нами было определено относительно находящихся в экспедиции и собранных в войска (будь то стратиоты или федераты или любые другие отобранные для какой-то прочей военной службы), нам угодно, чтобы было приведено в порядок более тщательно...” (Nov. Just. 117. cap. 11). Официальная терминология не признавала наличия в имперской армии таких категорий войск, как букелларии, дорифоры, гипасписты: “Мы же называем воинами тех, о которых известно, что они в такой же степени несут службу под началом выдающихся магистров войск, в какой и те, которые распределены по одиннадцати преданнейшим схолам, а также тех, которые отличены именем федератов под началом разных оптионов” (CJ. IV. 65. 35. 1). С этим вполне согласуется оценка Прокопием 15-тысячного экспедиционного войска (частью которого была и ойкия Велизария), отправляемого в 533 г. в Африку как составленного (συνελεγεμένους) из стратиотов и федератов (BV. I. 11. 2), а не из дорифоров и гипаспистов. Называя в дальнейшем солдат этого войска дорифорами и гипаспистами, Прокопий тем самым, в угоду своему аттицизму, заменил официальные понятия на литературные.

Более сложен вопрос, почему Лид поставил знак равенства между гипаспистами и ауксилиариями. Напрашивается вывод, что это было сделано с целью подчеркнуть более низкому месту *auxilia* как в римской армии эпохи принципата по отношению к *legiones*⁴⁷, так и в период составления *Notitia Dignitatum*, в списках которой вексилляции всех войсковых категорий и легионы разряда *palatinae* первенствуют над *auxilia* того же, разряда (Not. Dign. Or. V—XI). Знаменитая гребнольская надпись эпохи Галлиена показывает, что вексилляциям придавались собственные вспомогательные войска: *vexil(lationum) leg(ionum) (G)ermaniciarum... (cu)m auxillis (e)arum...*⁴⁸ Думается, что

⁴⁷ Parker H. M. *The Roman Legions*. Cambridge, 1958. Passim.

⁴⁸ Подробнее см.: Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. N 2. С. 58—59.

под гипаспистами как ауксилиариями первой половины VI в. следует понимать откомандированных в экспедиционные силы федератов и наемников-одиночек. Прокопий подчеркивает, что прежде федератами считали лишь заключавших с империей союз варваров, а теперь, т. е. в первой половине VI в., принимать на себя это имя⁴⁹ не возбраняется никому (BV. I. II. 2—4). Видимое противоречие между такой трактовкой природы гипаспистов, существованием федератского корпуса в качестве одной из категорий официальной армии империи и указанием Прокопия на участие в экспедиции 533 г. отдельных отрядов федератов может быть легко снято, если принять, что в гипасписты попадали путем откомандирования лучшие солдаты-федераты. Прокопий сам постоянно характеризует дорифоров и гипаспистов как наиболее опытных в военном деле людей. Отсюда очевидно, что дорифоры и гипасписты не являлись частными свитами военной верхушки и копировали не германские, но римские образцы. Представляется, что более корректным латинским аналогом для их обозначения стал бы *equites et pedites singulares* — институт, характерный для военной организации принципата и существовавший еще в начале IV в.⁵⁰

Ставший при Юстиниане нормой подобный способ составления экспедиций не только прямо напоминает аналогичные процессы кризисной эпохи III в., когда из пограничных легионов постоянно оттягивались вексилляции. Он свидетельствует и о прогрессирующем развале старой пограничной армии — *limitanei*, о постоянном стирании различий между ней и *comitatenses*, которыми, начиная с Анастасия I, стали “латать дыры” в обороне имперских рубежей⁵¹. позднеантичная походная армия, сформировавшаяся в ходе кризиса III в., со второй половины V в. вновь начала “вращаться” в провинции и пограничные районы, шаг за шагом утрачивая свой характер мобильного резерва империи. Проблема пополнения экспедиционных сил уже при Анастасии начала решаться не только широким

⁴⁹ В 70—80 гг. V в. древний институт федератов еще продолжал существовать под старым названием. Например, Малх X(fr. 11) заметил, что к Зенону прибыли из Фракии союзные готы, “которых римляне называют федератами”. В первой половине VI в. отношения империи с федератами древнего типа, (симмахия)”, Прокопий уже связывает только с племенами, названными им “эксподдами”. — Иванов С. А. Понятие “союза” и “подчинения” у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 27—32.

⁵⁰ Speidel M. *Die Equites Singulares Augusti. Begleittruppe des zweiten und dritten Jahrhunderts.* Bonn, 1965; Isdem. *Guards of the Roman Armies. An Essay on the Singulares of the Provinces.* Bonn, 1978.

⁵¹ Глушанин Е. П. Военно-государственное землевладение в ранней Византии // ВВ. 1989. Т. 50. С. 22—23.

привлечением наемников-федератов, но и откомандированием стратиотов в помощь (εἰς βοήθειαν) отдельными лицами; в этом случае предписывалось переводить их с натуральной анноны на адэрированную (СJ, XII. 37. 19). Завоевания Юстиниана лишь резко форсировали эти процессы, предоставив большому количеству походных командиров (практически ими обладали все магистры) экспедиционные вексилляции.

По Прокопию и Агафию заметно, что, как правило, дорифоры и гипасписты не отождествляются (и не смешиваются) с ойкиями, личной прислугой полководцев, состоявшими по большей части из свободных, но не обладавших военным званием людей. Прокопий, например, рассказывает о некоем Андрее, ойкете Бузеса, исполнявшем обязанности банщика этого стратега, а прежде бывшего преподавателем в палестре (ВР. I. 13. 30). Этот Андрей, хотя и не являлся стратиотом, продемонстрировал в бою личную храбрость и умение. Из таких ойкетов, нанимавшихся персонально, и складывались личные свиты, применяемые полководцами по необходимости и в военном деле. Число их обычно было небольшим. Малх свидетельствует о “немногих наемниках” у Сабиниана Магна (Malch. fr. 18). Прокопий отметил, что у Велизария в ходе персидской кампании 530—531 гг. также было немного ойкетов (ВР. I. 18. 41). Известно, что в составе экспедиции, отбывающей в Италию в 535 г., находились 4 тысячи стратиотов из каталогов и федератов, 3 тысячи исавров, 200 симмахов-гуннов и 300 маврусиев; сам Велизарий имел многих и испытанных дорифоров и гипаспистов” (ВГ. I. 5. 2—4). Об ойкии нет и речи, хотя она, конечно, была, как и перед началом африканской кампании 533 г. В войске, готовом отплыть к Сицилии, Прокопий перечисляет те же солдатские категории (стратиотов, федератов, симмахов), а у Велизария фиксирует наличие дорифоров и гипаспистов (В.V. I. 11. 2—19). Об ойкии упоминается косвенно, в связи с ее снабжением, о котором заботился некий Иоанн; “оптионом такого называют римляне“, — поясняет Прокопий (ВV. I. 17. 1). Тем самым он отличает его от хорега всего войска, функции которого в этой кампании были возложены на будущего префекта Африки Архелая (ВV. I. II. 17), и сближает со снабженцами федератских тагм (Nov. Just. 130. 1; СJ. IV. 65. 35). Отсюда в лучшем случае (если, конечно, Прокопий не делает акцент просто на функции снабжения) можно предположить, что ойкия Велизария включала в себя максимум 500 человек⁵², хотя она не упоминается (во всяком случае, терминологически) при описании боевых действий. В 532 г. в Константинополь, помимо дорифоров

⁵² О численности тагм см.: Grosse R. Op. Cit. S. 192—193.

и гипаспистов, вошла также свита⁵³ (Θεραλεία) Велизария (ВР. I. 24. 40). В “Тайной истории”, там, где повествуется об изъятии в период опалы у Велизария дорифоров и гипаспистов (император имел на это право, поскольку они были частными солдатами), отмечено, что отняты были и те из ойкетов (вместе с оружием, — съязвил Прокопий), которые были известны как хорошие воины (НА. 4. 13). В этой связи представляется, что не следует переоценивать то знаменитое место из энкомия Велизарию, в котором утверждается, что он на собственные средства содержал семь тысяч всадников (ВГ. III. 1. 20), т. е. практически количество солдат, отправленных с ним в 535 г. в Италию. Хотя Прокопий и отождествляет риторически всех этих всадников полностью с ойкией (ВГ. III. 1. 21: “Одна ойкия разрушает мощь Теодориха”), однако здесь же он утверждает, что Велизарий превосходил “мощью гипаспистов и дорифоров когда-либо бывших стратегов” (Ibid. III, 1. 18). Последнее однозначно указывает лишь на то, что прежде экспедиционная группировка таких масштабов (причем не ясно, каких именно) не предоставлялась полководцу, но не на ее частнособственнический характер. Поэтому безоговорочное утверждение о том, что из Италии Велизарий привел только своих букеллариев⁵⁴, вряд ли верно. Точное количество ойкетов Велизария (а обычно в историографии считается, что его ойкия была самой большой в первой половине VI в.) не приводится нигде, хотя не приходится сомневаться в их росте в 533—540 гг., когда Велизарий мог бесконтрольно за счет добычи увеличить свою ойкию. С другой стороны, случаев дезертирства готов, из которых Велизарий мог бы пополнять свою ойкию, в 535—538 гг. было немного (ВГ. I. 5. 12; I. 8. 3). Во время осады Рима плебс включался Велизарием в разряд стратиотов, а не ойкетов (ВГ. I. 25. 11); подкрепления, шедшие из Византии (Ibid. I. 27. 1—2), также невозможно отождествить с ойкией. Рост византийских войск за счет включения в них готов начался лишь в 539—540 гг., но зачислялись они в категорию стратиотов (Ibid. II. 27. 34; I. 10. 37). Велизарий отбирал из них всадников, поскольку приказ вернуться в Константинополь был мотивирован надвигающимся столкновением с персами (ВР. II. 14. 8; ВГ. II. 30. 2); с этими готами (а также со своей ойкией, дорифорами и гипаспистами) весной 541 г. он отправился на Восток (ВР. II. 14. 10).

⁵³ Сомнительно, что эта свита была большой. Чуть ниже (ВР. I. 24. 44) Прокопий рассказывает, как Велизарий вместе с ней не рискнул напасть на какую-то часть нейтрально настроенных экскувитов, число которых, как известно, не превышало 300 человек (Lyd. De mag. I. 16).

⁵⁴ Hannestad K. Les forces militaires d'après La Guerre Gotique de Procope // *Classica et Mediaevalia*. 1960. V. 21. P. 146.

Очевидно, эти семь тысяч всадников Велизарий содержал на свои средства во время переезда из Италии в Константинополь и, может быть, в течение зимы 540/541 гг., которую он провел в столице (ВР. II. 14. 8). Вне сомнения, средства для этого у Велизария, который до начала завоеваний был небогат (ведь происходя из фракийского местечка, он не унаследовал крупных имуществ — ВV. I. 11. 21), имелись.

Все сведения о его богатствах Прокопий приводил на период после 540 г., т. е. после возвращения из Италии. В “Войнах” и “Тайной истории” говорится, что Велизарий сдал в императорскую казну захваченные сокровища Гелимера и Витигиса (ВG. III. 1. 2; НА. 4. 34), но царствующая чета заподозрила его в утайке гораздо большей части из захваченных трофеев, нежели это позволял обычай. Прокопий приводит достаточно фактов, которые могли дать пищу для подозрений императору. Антонина, жена Велизария, убеждала его, что она вместе с ойкетом Феодосием прячет от императорской казны самые ценные вещи из добычи (НА. 1. 19); Феодосий же, которому было поручено ведать всей добычей, украл 100 кентенариев золота из дворцов Карфагена и Равенны (НА. 1. 33). Фотий, пасынок Велизария, заточив Феодосия в Киликии, с огромными богатствами последнего прибыл в Константинополь (НА. 3. 5), передав, видимо, часть Велизарию. Поэтому как только представился случай, “императрица, узнав, что на Востоке есть многие сокровища (Велизария. — Е. Г.), послала дворцовых евнухов забрать их все” (НА. 4. 17). После того, как с Велизария было снято подозрение в мятежных высказываниях, Феодора вернула ему какую-то часть средств, но тридцать кентенариев золота передала императорской казне (НА. 4. 31).

Несомненно, эти средства были военной добычей Велизария, о чем говорит сравнение имеющихся в источниках некоторых сведений о крупных состояниях и разовых тратах в Византии и Италии. Хосрой брал с городов Востока небольшие, по сравнению с отнятыми у Велизария 30 кентенариями, суммы: с Эдессы — 2 кентенария золота (ВР. II. 12. 2), столько же с Халкиды (Ibid. II. 12. 34). В 540 г. персы требовали от империи за охрану кавказских проходов ежегодных выплат размером в 5 кентенариев (Ibid. II. 10. 2). Консулы в Константинополе обязаны были издерживать на общественные нужды в течение года более двадцати кентенариев золота, но из своего имущества они вносили лишь незначительную часть, а основные суммы давал император (НА. 26. 13). Сенаторы Италии без всяких дотаций самостоятельно тратили от двадцати до сорока кентенариев в период магистратских полномочий; ежегодные доходы от поместий у знатных родов достигали

также сорока кентенариев (Olymp. fr. 44). Иными словами, если бы те отнятые императрицей 30 кентенариев золота были получены с земельных имуществ, это означало бы, что Велизарий был одним из крупнейших землевладельцев империи. У него же засвидетельствован лишь проастиий под Константинополем (ВР. I. 25. 21), что, как мы видели, было традиционным для ранневизантийской военной элиты. Все это позволяет сделать вывод о том, что возникшая у ранневизантийских армейских магистров уникальная возможность создания собственных крупных вооруженных свит за счет ограбления Африки и Италии, не успев реализоваться, была пресечена императором. Повествуя о подготовке экспедиции Нарсеса, Прокопий не делает даже намека на то, что евнух хотя бы один раз воспользовался для этих целей своими средствами: буквально все было предоставлено государством (ВГ. IV. 26. 6—16). Велизарию же в 544 г. было приказано оплатить все необходимое для экспедиции из собственных средств (НА. 4.39); Юстиниан таким образом мстил за попытку обретения независимости. Велизарий с магистром Иллирика Виталием едва наwerbвали четыре тысячи добровольцев (ВГ. III. 10. 1—2), соблазнив их, видимо, в большей мере будущей добычей, нежели одноразовой выплатой. Но второй возможности быстро сколотить в Италии крупное состояние уже не было, о чем говорят постоянные просьбы Велизария о деньгах, продовольствии, воинских подкреплениях. Отчитываясь, например, о своем пути в Италию, Велизарий мотивирует свою просьбу прислать к нему, его прежних дорифоров и гипаспистов таким образом: “Мы прибыли в Италию, о могущественный император, без людей, без лошадей, без оружия... Беспрестанно обходя Фракию и Иллирик, мы набрали воинов жалких, никогда не державших оружия в руках и неопытных совершенно в военном деле” (ВГ. III. 12. 3—4).

На наш взгляд, не следует абсолютизировать и тот фрагмент, где Прокопий вновь говорит об использовании собственных средств для набора войска: вербовка солдат Германом осуществлялась частью на личные, частью — на государственные деньги. Однако, допуская возможность, что в этом случае перед нами *typus* богатого подданного императора, не следует забывать о политических пристрастиях Прокопия. Герман для него в гораздо большей мере является идеалом, нежели Велизарий; ни в “Войнах”, ни в “Тайной истории” не содержится ничего негативного в его адрес. Поэтому можно предположить, что пассаж о щедрости Германа при вербовке солдат является частью посмертного энкомия Герману, развернутого в следующей главе (ВГ. III. 40. 9), и, следовательно, Прокопий допустил известное преувеличение, говоря о большей доле личных

средств Германа, чем государственных. Возможно также, что Герман частично тратил деньги Матасунты, на которой он женился незадолго до начала подготовки экспедиции (BG. III. 39. 14), а император предоставил большие средства, надеясь на очевидные военно-политические выгоды от этого брака. То есть траты Германом личных денег на снаряжение экспедиции приобретали отчетливо выраженный публичный характер государственного поручения по водворению в Италии легитимной наследницы Теодориха.

Примечательно, что и в 550 г. экспедиции составлялись таким же образом, как и в 533 г.: Юстиниан разрешил Герману включить в его войско конные каталоги из Фракии (BG. III. 39.18) и откомандировать часть солдат из соседних подразделений. Именно в этом смысле мы предлагаем трактовать фразу Прокопия о том, что “римляне, мужи опытные в военном деле, оставив в пренебрежении многих архонтов, у которых они были дорифорами и гипаспистами, присоединились к Герману...” (BG. III. 39. 17). Дело отнюдь не в особой идиосинкразии солдат по отношению к Герману, но в приказе, который явно получили командиры тех подразделений от императора откомандировать стратиотов (отсюда речь идет именно о дорифорах и гипаспистах) в экспедицию.

Думается, что военная элита Византии в период войн и завоеваний стала более зависимой непосредственно от императора, чем от гражданских ведомств, в силу такой структуры формирования армий. Для византийского Запада эта зависимость стала ослабевать, как уже отмечалось, после 554 г.; на византийском Востоке — наоборот. Отсюда неудивительно, что военные мятежи, за единственным исключением (тирания Гонтариса), были делом самих солдат, шли “снизу”, но не инспирировались магистрами армии. Тирания Гонтариса, строго говоря, была последней фазой сепаратистских африканских солдатских бунтов и типологически более близка движению Стотзы, нежели выражениям недовольства византийских магистров правительством. Редкие же засвидетельствованные случаи недовольства магистров войск довольно курьезны, непоследовательны и разнотипны. Первый из них произошел в 543 г. и возник вследствие неточности информации о болезни и смерти Юстиниана во время чумы. Слухи об этом докатились до действовавшей против персов армии и вызвали брожение среди командиров, заявивших, “что они никогда не потерпят, если римляне им кого-либо другого поставят в Византии императором” (НА. 4. 3). Прокопий не договаривает даже здесь, в “Тайной истории”, допуская, тем самым, разные варианты понимания. Требовала ли восточная армия выдвижения императора только из своей сре-

ды или настаивала на своем праве участия в выборах кандидатуры будущего правителя? Вырвались ли эти крамольные слова в действительности у Велизария и Бузеса, в чем их обвинили другие стратеги, как только была получена весть о том, что Юстиниан здоров, или же с обоими магистрами Востока пытались свести личные счеты — неизвестно. Если эти высказывания действительно имели место, то поведение Велизария и Бузеса означает страх за свое будущее, за возможность продолжения карьеры. Оно подразумевает и то, что в Константинополе были оппозиционные силы, готовые сместить при смене правителя юстинианову “команду”⁵⁵. Но как бы там ни было, Велизарию этот инцидент стоил потери ойкии, ранга, военной добычи из африканской и италийской кампаний, многих месяцев опалы, а Бузесу — более чем двухлетнего тюремного заключения (НА. 4. 3—20). Таким образом, как лояльность высшего офицерства, так и их полная беспомощность перед императором в этом случае очевидны.

Быстрая расправа над Велизарием и Бузесом послужила предостережением для других магистров войск, которые отныне опасались любых высказываний и советов императору, как показывает интрига Мартина и его единомышленников против Губаза. В самом деле, византийские магистры не рискнули настоять перед Юстинианом относительно корректировки политики Губаза с целью большего учета армейских интересов, но предпочли тайное убийство их непосредственного раздражителя — лазского царя. Повод к другому проявлению недовольства магистров войск Юстинианом связан с его семейной политикой. Отношение Юстиниана к родственным связям со своими магистрами не было однозначным и претерпело известную эволюцию. До восстания Ника, когда император стремился по преимуществу опираться во всех своих делах на своих выдвиженцев, чести быть его родственником удостоился Ситта, получив в жены Комито, сестру Феодоры (Theoph. AM 6020; Malala, 429). После восстания, уроки которого заставили Юстиниана считаться с мнением прочих властных групп в столице⁵⁶, он больше принимал в этом плане в расчет ноблированную гражданскую аристократию. Так, его племянница Прейекта сначала была выдана замуж за знатного сенатора Ареовинда, который был в 545 г. послан в качестве стратега-автократора вместе с женой в Африку (BV. II. 16. 1—3), очевидно, именно в силу семейных связей с правящим домом, и где, не обладая никаким военным опытом, он был убит. Затем брака с Поейектой

⁵⁵ Browning R. Justinian and Theodora. London, 1971. P. 183.

⁵⁶ Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986. С. 136.

добивался, в расчете на видное положение при дворе (BG. III. 31. 5), Артабан, презентальный магистр, происходивший из армянского царского рода Аршакидов. Прейекта была сначала ему обещана, но затем была отдана в жены Иоанну сыну Помпея, племянника Анастасия I (Ibid. III. 31. 11; 31. 14). Значение этого факта трудно переоценить: Юстиниан не только породнился с бывшим правящим домом, но и как бы амнистировал участников восстания Ника из числа аристократии; Артабану же, по Прокопию, такое вероломство дало повод примкнуть к заговору против Юстиниана.

Заговор Артабана⁵⁷ достаточно отчетливо выявил и недовольство Юстинианом его ближайших родственников, которых заговорщики не без оснований надеялись склонить на свою сторону. Прокопий приводит достаточно фактов травли Германа и его семьи императорской четой. Так, Юстиниан лично вмешался в дела наследия умершего брата Германа Бораида, изменив завещание последнего не в пользу Германа и его детей (BG. III. 31. 18; 32. 18). Феодора вплоть до своей смерти настойчиво разрушала все брачные проекты детей Германа. Когда же Иоанн, племянник Виталиана, твердо вознамерился взять в жены дочь Германа, в чем поклялся последнему, императрица прямо заявила, что ради расстройств этого брака она не остановится даже перед ликвидацией Иоанна (НА. 5. 8—12). Вероятно, тем самым императорская чета стремилась не дать своим потенциальным наследникам усилить их позиции в обществе родственными связями с прочими представителями имперской верхушки и не вызвать возможные заговоры или даже узурпацию. Вне зависимости от того, в самом ли деле члены императорской фамилии участвовали в заговоре или нет, то, что Арсак и Артабан рассчитывали на их помощь, заставило Юстиниана маневрировать. Никто из заговорщиков не понес наказания (BG. III. 33. 51), и, наоборот, многие из них спустя год получили новые назначения и были отправлены в Италию. Брак Иоанна, племянника Виталиана, с дочерью Германа был разрешен (BG. III. 33. 10); сам Иоанн получил пост магистра Иллирика с предписанием отбыть в Италию. Такой же приказ получил и Артабан, которого лишили презентального магистерия, сделав магистром Фракии (BG. III. 39. 8.). Герману было разрешено жениться на Матасунте, внучке Теодориха Великого, и в ранге стратега-автократора он должен был возглавить поход в Италию в 550 г.; оба его

⁵⁷ См. современные оценки заговора в историографии — Kaegi W. *The Byzantine Military Unrest...* P. 57: “Он включал в себя личные амбиции, а не более широкое недовольство... Он был заговором Артабана, а не какой-либо большой группы генералов”.

сына, Юстин и Юстиниан, отправлялись вместе с отцом (BG. III. 39. 9—17). Таким образом, император под почетным предлогом стремился удалить заговорщиков из столицы. Примечательно, что Юстиниан не побоялся предоставить бывшим заговорщикам (как прямым, так и поневоле) армии. Очевидно, он увлек их перспективой плана занять видные места при будущем “малом дворе” в завоеванной Италии, которой управляли бы Герман и Матасунта⁵⁸. После крушения, вследствие смерти Германа, этого плана Юстиниан предусмотрительно поставил своих родственников под контроль опытного в политических интригах Нарсеса, отличив его, а не их рангом стратега-автократора.

В какой-то мере карьеры сыновей Германа и двоюродных братьев (за исключением Германа, карьера которого началась с высоких рангов в силу политической необходимости еще при Юстине) Юстиниана отражают общие принципы фамильной политики императора, все еще антично-магистратской в своей основе. Так, после смерти Германа его сыновьям Юстиниан не предоставил особых отличий на том основании, что они были его племянниками. Им было приказано вести войска в Италию вместе с Иоанном, зятем (а, следовательно, также родственником императора) Германа (BG. III. 40. 10), т. е. они фактически остались *magistri vacantes*. В этом ранге они были и в 552 г. во время набега славян, поскольку Прокопий, говоря о высланном против них войске, упоминает сыновей Германа в числе прочих его командующих (BG. IV. 25. 1). В качестве вакантного магистра Юстин участвовал в войне с персами в Лазике. Иными словами, Юстиниан при жизни Феодоры и в первые годы после ее смерти, предоставляя своим родственникам наравне с другими возможность выслужиться, вовсе не стремился выделять их особыми военными рангами. В этой связи хотелось бы сослаться на карьеру Юста, двоюродного брата императора. Впервые он упомянут во время ареста Ипатия, т. е. в январе 532 г. (BP. I. 24. 53); следующие сведения о нем приходятся уже на 540—544 гг., когда он служил одним из офицеров восточной армии под началом Бузеса, Велизария, а затем Мартина (BP. II. 20. 20—21), видимо, одним из вакантных магистров. Во всяком случае, Прокопий просто называет его стратегом, когда в 545 г. Юст умер от болезни (BP. II. 28. 1). То есть за много лет службы

⁵⁸ Browning R. Justinian and Theodora... P. 198: “Хотя нигде нет прямого утверждения о намерениях Юстиниана, трудно отвергнуть вывод о том, что он надеялся, если все пойдет хорошо, восстановить Западную Римскую империю с Германом в качестве младшего соимператора на Западе и преемника, определенного ему самому. Восстановленная Западная империя могла бы быть империей, в которой вновь могли бы уживаться римляне и готы”.

Юст так и не достиг ни одного из региональных магистериев, и, следовательно, его родство с императором не стало автоматической гарантией вхождения его официальную военную элиту. Аналогично сложилась карьера другого племянника Юстиниана, Маркелла. После упоминания о его назначении сразу по достижении совершеннолетия в 545 г. на освободившийся вследствие смерти Юста пост (*Ibid.*) любая информация о нем надолго исчезает из источников,

Однако, начиная со второй половины 550-х гг. проявляется отчетливая тенденция значительно большего поворота Юстиниана к своим родственникам, к назначению их на высокие посты в государстве. Эта тенденция в известной мере совпадала по времени с постепенной заменой старой военной элиты, выдвинувшей начальную фазу завоевательной эпохи. И уже поэтому мотивацию этой новой волны фамилльной политики, очевидно, было бы неверно искать только в династическом факторе и стремлении престарелого императора обеспечить престолонаследие. Противоречивость и неоднозначность обоих процессов на фоне того, что Ситы и Германа уже не было в живых, Велизарий фактически был не у дел, а его соратники и сверстники — Нарсес, Мартин, Бузес — находились в зените своей военной славы выявляется уже в случае с племянником императора Юстином, с которого, собственно, и началась новая волна фамилльной политики. Его чинопроизводство в 557 г. в стратеги-автократоры (с одновременным наследованием от смещенного Мартина и его поста магистра Востока?) Агафий мотивировал как опытностью Юстина, так и его родством с императором (*Agath. IV, 21, 1*). Думается, однако, что императору в тот момент просто не из кого было выбирать, поскольку и он сам и лазы подозревали, что все остальные командующие византийскими войсками, давние друзья и соратники Мартина (например, Валериан), были в той или иной мере замешаны в интриге, приведшей к убийству Губаза. Дальнейшая карьера Юстина вплоть до смерти Юстиниана протекала уже только на самых высоких постах.

Под 562 г. вновь появляются упоминания о Маркелле, который в этом году был стратилатом (*AM 6055*). Видимо, он был презентальным магистром, назначенным на этот пост в связи с постепенным возрождением презентальных сил, первым шагом к которому явился перевод из Малой Азии и расквартирование вокруг Гераклеи-Перинфа семи схол (*Theoph. AM 6054*). О Юстиниане, сыне Германа, в период последних лет жизни императора нет никаких известий. Таким образом, до известной степени появление родственников Юстиниана на ряде высших военных должностей в 562—565 гг. обуславливалось не столько дина-

стейной политикой, сколько естественным ходом их служебного роста и смены поколений в военной элите. Не совсем понятным и неожиданным является только следующий факт: в 562 г. Юстиниан отослал в Африку для умиротворения мавров Маркиана ⁵⁹, “племянника его и стратилата” (Theoph. AM 6055; Malala. 469). Длительность пребывания Маркиана в Африке неизвестна, как и его ранг до экспедиции в византийской военной иерархии. Может быть, это в какой-то мере связано с заговором аргиропратов, участие в котором бездоказательно приписывалось Велизарии? Не исключено, что кандидатуру Маркиана на пост стратега-автократора Африки подсказал Юстиниану куропалат Юстин, стремившийся удалить из столицы всех возможных претендентов на императорскую власть, ибо о здоровье своего дяди Юстин был осведомлен лучше других своих родственников, постоянно находясь при императоре по долгу службы.

Но постоянное присутствие при дворе куропалата Юстина, сына Вигилантии, трудно назвать последовательным шагом в династийной политике Юстиниана, поскольку официальным преемником он так и не был признан при жизни императора, как и не был возведен в достоинство цезаря. Неуверенное поведение Юстина, сына Вигилантии, после смерти дяди, его страх перед появлением возможного претендента на престол, отмеченные несимпатизирующим ему Евагрием (V, 1), и, наконец, сообщение сенату о решении Юстиниана передать власть Юстину, исходящее только от Калиника, которому якобы только одному открыл свою волю умирающий император (Coripp. In laudem Iust. I. 76—124) ⁶⁰, говорит о том, что престарелый Юстиниан так и не решил окончательно вопрос о престолонаследии. В этой связи сведения Евагрия о переговорах между обоими Юстинами о будущей судьбе власти и месте каждого из них в ее структуре еще при жизни Юстиниана вполне заслуживают доверия (Evagr. V. 1). Они лишней раз убеждают также в том, что племянники Юстиниана, будучи простыми исполнителями, не оказывали серьезного политического влияния на дядю. Думается, Юстиниан безучастно относится к вопросу о престолонаследии, понимая, что оставляет после себя запрограммированный конфликт, как это было с родственниками Льва I при Зеноне.

В самом деле, Юстин II в первые же годы своего правления отстранил юстинианову военную верхушку от власти.

⁵⁹ Об идентификации Маркиана см.: Stein E. Histoire... V, 2. P. 743.

⁶⁰ См. также примечания и комментарий Ав. Кэмирон к этим местам Кориппа; Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris libri IV / Edited with Translation and Commentary by Av. Cameron, London, 1976. P. 132—137.

Юстин, сын Германа, был отозван с Дуная, направлен в Александрию и там казнен (Evagr. V. 2); Маркиан и Нарсес, видимо, параллельно были лишены своих полномочий в Африке и Италии. И хотя и Маркиан и Юстиниан, сын Германа, привлекались позже к командованию разовыми экспедициями (Evagr. V. 8—9; Theoph. Sim III. 11. 1; III. 12. 6), они не были избавлены от подозрений в нелояльности. Преемственность военной знати, иными словами, не состоялась и при Юстине II.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в какой мере изученный материал соответствует имеющимся в историографии моделям позднееримской военной знати? Однозначный ответ может быть дан лишь на самые общие выводы, сформулированные в концепции А. Демандта. Наследственно-стабильного, замкнутого социального слоя, состоящего из породненных между собой магистров войск, императоров и варварских вождей в эпоху от Диоклетиана и до Юстиниана включительно, и особенно на территории ранней Византии в 364—565 гг., не существовало. И хотя нельзя сказать, что на протяжении этих трех столетий абсолютно недоказуем такой основополагающий, выработанный А. Демандтом, критерий, как монополизация в руках отдельных семей высших военных постов империи, все-таки следует отметить его спорадический, локальный, кратковременный и мотивированный конкретно-историческими ситуациями характер. Это обстоятельство не позволяет возвести случайные факты фамильной преемственности по службе даже в ранг тенденции, имманентно присущей позднеантичным социальным отношениям. Все подобные известные случаи не были результатом действовавшей социальной тенденции; они были вызваны к жизни сознательными политическими усилиями в сфере административного и конституционного устройства государства.

Следовательно, уже этот параметр не дает никаких оснований утверждать, что военная верхушка ранней Византии была знатью феодальной, раннефеодальной или феодализирующейся. Не прослеживаются у нее и другие фундаментальные признаки, свойственные аристократии феодального типа: высшее офицерство империи IV—VI вв. не было прослойкой крупных землевладельцев, которые могли бы содержать личные вооруженные свиты, не говоря уже об отрядах вассалов и клиентов. Весь рассмотренный материал, на наш взгляд, убедительно свидетельствует, что даже путь эволюции ранневизантийской армейской элиты в сторону феодализации был закрыт, поскольку все стадии ее существования, от зарождения и до упадка, были все еще связаны с условиями античной социальной системы. В самом деле, если длительный процесс генезиса феодальной военной знати на Западе протекал в условиях полного слома античного государства, а в Византии, начиная с середины

VII в., при крайнем его ослаблении, то период второй половины III в. и обеих тетрархий, время зарождения позднеантичной военной аристократии, эпохой, близкой к коллапсу государственности и всей системы общественных отношений, все же назвать трудно. Кризис III в., конечно же, продемонстрировал несовершенства государственно-административной и военной организации принципата, серьезную разбалансированность их отдельных элементов, но он в той же мере выявил и необычайную жизнеспособность системы, нашедшей в себе силы для структурных модификаций “на марше”. Период активного поиска форм “ответа на кризис”, начавшийся задолго до того, как варварский натиск “выдохся” и империя перехватила стратегическую инициативу, четко обозначил первоочередные задачи стабилизации политической системы, к числу которых относилась противоречивая проблема одновременного резкого качественного улучшения оборонного потенциала и обеспечения его лояльности правительству. В процессе вынужденной “административной революции” III в. предстояло создать новый надежный механизм, обеспечивающий подчинение командования войск императору и предотвращающий узурпации. Резко возросшая в эпоху кризиса III в. политическая роль армии была на том этапе трудно совместима с кровнородственной легитимацией, поскольку последняя не учитывала властнополитических устремлений командующих войсками, зависящих больше от настроений населения своих регионов и легионов, чем от центрального правительства. Диоклетиану удалось на время снять это противоречие, создав цезарат нового типа, основывавшийся на политической адаптации наиболее влиятельных и популярных в армии командиров, по сути дела, командующих региональными походными группировками, которая надеждой на будущий августат делала императорскую коллегию устойчивой. Добавившееся к этому сакральное и реальное породнение августов и цезарей привело к образованию специфического режима военных, военно-императорской правящей элиты. Учитывая, что тетрархи одновременно были командующими армиями, следует говорить о сознательном учреждении, но не о вытекающем из естественной эволюции социальной структуры и политической организации, Диоклетианом военной знати. Статус знатности она обрела из факта родства с правящим домом, частью которого она одновременно являлась. Однако кровавая история второй тетрархии отчетливо продемонстрировала тот факт, что принцип политической адаптации жизнеспособен лишь на протяжении одного поколения, а далее, уже во втором поколении, вступает в противоречие с родственно-легитимными установками, находящими поддержку у военных и у гражданских слоев,

которые были оттеснены от участия в государственной власти. Легитимный принцип утвердился на фоне полного искоренения диоклетиановой военной знати и серьезной реформы разделения военной и гражданской власти на высшем уровне имперского управления, превратившей при Константине I армейскую верхушку империи в административную группу, подконтрольную во многом гражданской элите; иными словами, он утвердился на фоне демонтажа военного режима. И если во всех прочих аспектах военных преобразований Константин всего лишь завершил дело Диоклетиана, то в отношении определения административного места и конституционной роли армейской верхушки в государстве их деятельность была диаметрально противоположной. В отличие от политического эксперимента Диоклетиана, в какой-то мере подводящего итог конфронтации столично-римского сенаторского правительства и провинциального населения, линия Константина, вводящая армию и ее командование в конституционные рамки, обладала исторической перспективой уже потому, что она укладывалась, с учетом всех происшедших изменений, в русло античных традиций государственности. Константин, превратив армейскую верхушку в позднеантичных магистратов-потестариев и в часть имперской служилой аристократии, тем самым, “запрограммировал” их дальнейшую эволюцию в четко определенных параметрах. Магистратское начало в модифицированной позднеантичной форме, заложенное в основу позднеримской и ранневизантийской военной служилой знати, предопределило ее историческое своеобразие.

Превратившись из распорядителей судеб государства, каковой она была в III в., в потестариев антично-магистратского типа, военная знать Поздней Римской империи была просто не в состоянии утвердить фамильное воспроизводство на административном, не говоря уже о политическом, уровне. И, наоборот, именно установка на преобразование высших армейских постов из экстраординарных командований в военные магистратуры, можно сказать, целенаправленная реакция против мятежных офицеров III в. и цезарей диоклетианова типа, вместо фамильной преемственности вела к высокой степени вертикальной мобильности при достижении этих должностей. В военной элите стали появляться и варвары, поскольку во многом офицерские карьеры зависели от личной храбрости и профессионализма. В числе критериев армейской кадровой политики императоров IV в., и особенно восточноримских, совершенно отсутствовали такие, как знатное происхождение претендентов на высшие военные посты, равно как и их богатство. И, наоборот, установка на магистратско-потестарные особенности в характере полномочий военной

верхушки “подпитывала” сильную тенденцию к сохранению ее преимущественного существования за счет платы за службу и военной добычи, прямо пропорциональных личному профессионализму, а не происхождению и собственному землевладению, как при феодализме.

Последовательный отказ от системы тетрархии и ее рецидивов в пользу династизма привел в 50-х гг. IV в. к созданию региональных магистериев, территориальному и количественному увеличению военной верхушки империи. Соответственно, перед императорами вновь встала проблема создания надежного контроля за крупными региональными военачальниками. Она возникала еще раз в связи с учреждением презентальных сил и в конце концов была решена на основе передачи большого количества функций по снабжению армии и назначения среднего и младшего командного состава гражданским потестариям. В такой институциональной форме, с вариацией числа магистериев, прямо зависевшего от количества походных армий, с изменяющимся время от времени объемом компетенций, военная элита ранней Византии, начиная с 364 г., просуществовала до начала завоеваний и административных реформ Юстиниана. Это, однако, не означает, что каких-либо изменений в ее реальном положении в государстве за этот период не произошло.

Прежде всего, вряд ли можно утверждать, что ранневизантийская военная верхушка, хотя и не обладавшая частными вооруженными свитами, не играла никакой роли в политической жизни. После реформ Константина I, учредивших региональные префектуры и магистерии, она стала одним из гарантов конституции и сохранения позднеантичной формы монархии, взаимно уравновешивая амбиции гражданской администрации. Ее значение выявилось уже в ходе кризиса 337 г. при отстаивании династийного принципа. В последующие периоды относительной внутривластной стабильности империи политическая роль армейской элиты чаще всего была прямо пропорциональна объему их компетенций в государственном аппарате. Примечательно, что внешнеполитические ситуации, если они изначально не увязывались с базовыми конституционными принципами ранневизантийской внутренней стабильности, не оказывали заметного влияния на “прогрессирующий рост” значимости магистров армии. Хотя А. Джонс в свое время предполагал большее могущество западноримских военных, их “власть за трон”, по сравнению с восточноримскими, в более сложном внешнеполитическом положении Запада ¹, думается, что это не так.

¹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... V. I. P. 341—346.

Например, на всем протяжении 40-х гг. IV в. противоборство Западной империи с варварами было неизмеримо более легким, чем войны с Ираном на Востоке, но тем не менее узурпация случилась при Константе, а не при Констанции II. Мятеж Гайны вспыхнул, когда Аларих направился на Запад. Аттила оказывал на Византию не меньшее давление и совершил на ее территорию больше набегов, чем на Западную империю, однако в Константинополе не появился свой Аэций. И, наоборот, заметное нарастание влияния Аспара протекало на фоне мира на всех византийских границах. Назвать Илла восточноримским Рицимером также было бы натяжкой. Наконец, ни один из византийских стратегов-автократоров, имея при себе армии, не предпринял попыток антиправительственных мятежей.

В самом общем смысле все это было связано с гораздо большей устойчивостью восточноримской экономики и социальной системы, по сравнению с западноримской, сообщавшими, соответственно, большой запас прочности ранневизантийской государственности. В значительной мере это вело к консервации позднеантичных начал институтов власти и на базе этого к отсутствию, либо слабостью их выраженности, традиций у военной элиты ранней Византии к достижению своих целей при помощи мятежей. Гораздо большая зависимость армейской верхушки от гражданской администрации в ранней Византии, чем на позднеримском Западе, вела к долголетней выработке у нее привычки следовать в периоды внутривластной нестабильности за гражданскими дигнитариями. Это касалось непростых моментов пересечения династий, когда высшим офицерам предоставлялось лишь подобрать кандидата на императорскую власть по заранее заданным параметрам. Даже во время серьезных конфликтов, которые в той или иной мере обуславливались политическим универсализмом — попытками использовать ресурсы Византии в целях интеграции Запада — армейские магистры не представляли собой, как это видно на примере Гайны и Аспара, независимой силы, лишь в собственных интересах давящей на правительство; за военачальниками стояли разные группы столичной гражданской элиты.

Пожалуй, лишь дважды в ранневизантийской истории военная элита выступила против правительства в качестве ведущей силы, преследующей свои собственные интересы. Речь идет о борьбе наследников Льва I при Зеноне и вражде между исаврийскими кланами, вожди которых в силу сиюминутных действий противоборствующих сторон оказались на вершине ранневизантийской пирамиды власти. В первом случае отчетливо проявились опасные для устойчивости государства последствия деформации принципов комплектования высших эшелонов имперской администра-

ции, сложившихся в результате реформ Константина I: родственники императора, обладавшие легитимными правами на престол, не должны были занимать ключевых постов в империи. В какой-то мере близок к этому объяснению и “исаврийский эпизод” ранневизантийской истории. Эскалация розни исаврийских носителей армейских магистерских рангов началась, когда они “по-родственному” попытались помыкать императором, быстро потерпев политическое и военное поражение. Однако оба эти случая вынужденной семейной политики продемонстрировали то, что объективные условия для ее применения в военной организации в 60—70 гг. V в. еще не созрели.

Но апробированная в качестве нового принципа комплектования армейской верхушки в кризисные периоды при Льве I и Зеноне семейная политика продемонстрировала свои серьезные возможности в качестве средства борьбы за власть. Не в той мере, как Лев I, но к семейной политике все-таки изредка прибегали Анастасий, Юстин и Юстиниан, преследуя конкретные цели. Если Анастасий, вдохновленный примером семейной политики Льва I, стремился облегчить Ипатию путь к престолу, то Юстин, произведя, по сути дела, государственный переворот, опасался возмущения со стороны офицерства за свои антиконституционные действия. Юстиниан прибегал к этому средству крайне редко. То есть, несмотря на возникновение время от времени тенденции к использованию семейной политики в формировании военной верхушки, своеобразная, магистратская модель армейского руководства ранней Византии оставалась основной до завоеваний и административных реформ Юстиниана.

С другой стороны, элементы семейной политики, обозначившиеся в стремлении императоров, начиная с Анастасия, назначать в качестве магистров войск лично им преданных, а не выслужившихся офицеров, были в значительной мере объективно обусловленным явлением. Завершившаяся фаза позднеантичной “стабильности” в ранней Византии до известной степени подвела черту под традиционными, конскрипционными, источниками пополнения армии. Анастасий, вынужденный считаться с фискальными интересами и интересами землевладельцев, пошел на адэрацию воинских повинностей, увеличив количество наемников в войсках империи, что и заставило его сделать упор в кадровой политике на личную преданность военачальников в ущерб их персональному профессионализму. Тем самым наметилась тенденция к эрозии магистратских основ в институтах армейского командования, усилившаяся, но по другим причинам, при Юстиниане. Рубеж V—VI вв. стал поэтому началом нового периода в истории ранневизантийской военной организации в целом, а также

отчетливо выявил наступление последней стадии существования военной знати позднеантичного типа.

Юстин I и Юстиниан до 533 г. фактически придерживались старой модели военного администрирования, лишь изредка прибегая к экстраординарным формам командования армиями. Завоевания на Западе привели не только к преимущественно “ойкосному” строению экспедиций и становящимся нормой экстраординарным стратегиям-автократиям, но и в силу нарастающей переброски походных сил в Африку и Италию к постепенному стиранию различий между мобильными и пограничными войсками на византийском Востоке. Увязывая с этими процессами поиск более соответствующих новой ситуации институтов командования на Востоке, Юстиниан в 535 г., после ряда пробных экспериментов в Африке и на Балканах, сознательно встал на путь глубокой трансформации прежних структур военной администрации в Византии. Завоевание Запада с неизбежной переброской больших масс войск шаг за шагом вело к выхолащиванию прежних магистратско-потестарных компетенций региональных и презентальных магистров, к превращению их из магистратов в полководцев. На византийском Востоке в течение 30—50 гг. VI в. протекал процесс передачи многих функций военного администрирования, в том числе и прямого командования над оставшимися там войсками, в руки гражданских властей. Этот процесс своеобразного географического размежевания разных моделей командования армией — более “военной” на византийском Западе и более “гражданской” на византийском Востоке — был, конечно, не случаен. Своим стратегам, завоевывавшим Италию, Юстиниан показывал, что ключ к победе лежит на Востоке, откуда для них, не справившихся с обеспечением войск на покоряемых территориях, шли деньги, оружие, пополнение, продовольствие. Юстиниан “придерживал” свою полководческую элиту старыми принципами армейского снабжения. Во многом этим объясняются и редкие рецидивы фамильной политики Юстиниана в отношении высших военных. Родством был почтен Ситта по воле императора до 535 г.; “завязших” в Африке и Италии стратегов из профессиональных офицеров, зависевших от поставок из Константинополя, в этом смысле в расчет можно было не принимать. Находясь на службе бессменно десятилетиями, они до прекращения войн оставались своего рода заложниками находящейся в состоянии кризиса позднеантичной военной системы. Например, изощренное наказания Велизария после снятия с него опалы за неосторожные высказывания, чем взять с него обещание не требовать от казны поставок в грядущей экспедиции, трудно было придумать.

И лишь после завершения завоеваний в условиях сильного расстройтва гражданских управленческих структур, уже не способных обеспечить армию анноной, и перманентной военной опасности на византийском Западе соединение обеих властей проходило под контролем армейских командиров, что открыло дорогу к созданию экзархатов. Однако повсеместно новая “административная революция” привела к деформации базовых принципов Константиновой конституции, с медленным исчезновением которой уходила в прошлое и военная знать позднеантичного типа.

Думается, не будет преувеличением сказать, что после правления Юстиниана I началась длительная переходная эпоха к фемному строю (метко названная Р. Лилие “двухвековой реформой”²), в течение которой долгое время сосуществовали разные типы высших командных институтов, все чаще замещаемых императорами на основе фамильной политики. На наш взгляд, такая ситуация с армейской верхушкой явилась отражением реальных сдвигов, происшедших в военной организации Византии во второй половине VI в. Перекачка походных войск империи с Востока и балканского региона на Запад привела к резкому ослаблению мобильных сил на традиционных византийских территориях и постепенному переходу как к системе локальной обороны, так и, в условиях расстроенных финансов, к более дешевым, локальным, методам проведения экспедиций. Кризис позднеантичной военной системы на фоне прогрессирующего ухудшения социально-экономической ситуации приобретал непреодолимый характер. Правительство, насколько это видно из источников, не предпринимало попыток вернуться к прежним нормам военного строительства; оно принимало и узаконивало большинство происходивших в военной организации изменений. Те стратиотские категории, которые остались на византийском Востоке, дислоцировались по городам и пограничным укреплениям, восстановленным в ходе юстиниановой оборонительной застройки, и собирались для проведения кампаний только в регионах их расквартирования и распускались, как правило, к наступлению зимы. Старая система распределения между ними военной анноны ежемесячно либо ежеквартально, с ее гибкими чередованиями денежных выплат и натуральных поставок, уходила в прошлое. Войскам, собираемым раз в год, и платить стали с такой же периодичностью (Theoph. Sim. III. 1. 5). Более того, правительство даже форсировало процесс разложения остатков прежних походных войск. В 588 г. Маврикий издал

² Lilie R. Die zweihundertjährige Reform: zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // BS. 1984. V. 45. S. 27—39.

закон, по которому военная аннона стратиотам сокращалась на четверть (Theoph. Sim. III, 1. 2). Походная армия активно противилась этому: поводом к мятежу, вознесшему Фоку на престол, было, как известно, предписание Маврикия стратегу Петру заставить войска самоснабжаться за Истром, чем они дали бы возможность прекратить им поставку анноны (Theoph. Sim. VIII. 6. 1). Парадокс заключался в том, что если в Африке армия в ходе движения Стотзы фактически выступила за новый военный строй и тем самым за новую систему общественных отношений, то на византийском Востоке остатки походных войск с оружием в руках стремились спасти разлагавшуюся позднеантичную военную организацию и стали одной из сил, видимо, последней, боровшейся за консервацию античных порядков. С этой точки зрения мятеж Фоки вряд ли можно признать “социальной революцией”, скорее это была последняя реакция на неспособность ослабевшего государства справиться с развалом в стране. Оставшаяся старой в своих основах армия повела борьбу с уже в чем-то ушедшими вперед институтами власти и командования.

В самом деле, комплектуемому подобным образом походному войску фактически уже был не нужен постоянный, отделенный от пограничных командиров и обладавших определенными военными функциями гражданских властей командующий, типа позднеантичных региональных магистров, неотлучно находившийся в районах дислокации своих экспедиционных группировок. Примечательно, что в последней четверти VI в. часто для новой кампании из Константинополя присылался командующий. Например, в 583 г. Маврикий назначил стратегом (магистром Востока) своего родственника Филиппика, который на зиму 584 г. отбыл в столицу, а весной вновь отправился к армии (Theoph. Sim. I. 13. 2; 14. 10; 15. 1). Возвращаясь очередной раз в Константинополь, Филиппик приказал письмом гипостратегу Ираклию (офицеры, не достигшие магистерского ранга, и дуксы всегда находились при подчиненных им отрядах) передать командование над войском наместнику города Константины, т. е. представителю гражданской власти (Theoph. Sim. III. 1. 1). В 593 г. стратег Европы (магистр Фракии) Приск распустил осенью свое войско и вернулся в столицу. Солдаты рассеялись по Фракии, добывая продовольствие по деревням; весной же 594 г. вся армия вновь собралась близ Гераклеи, куда прибыл и Приск, произведя там раздачу годового жалования (Theoph. Sim. VI. 6. 1—4). Авторитет присылаемых из столицы стратегов был в войсках невелик; солдаты часто конфликтовали с ними. И, наоборот, высоким был престиж местных командиров, которых солдаты избирали вождями своих мятежей (Theoph. Sim. III. 2; VIII. 7; Evagr. VI. 5; VI. 10). В этой связи резко

увеличивается количество назначений на такие посты членов правящей фамилии. Усиливается персональная связь императора с армией вплоть до того, что, начиная с Маврикия, императоры все чаще лично участвуют в походах. Высшее офицерство во второй половине VI в. фактически, насколько это видно по источникам, утрачивает свою функцию конституционной силы при подборе кандидата на императорскую власть. Во всем этом отразились как прогрессирующий военный кризис, внутривластная нестабильность и попытки становящихся полководцами императоров факторами семейной политики обеспечить лояльность войск, так и то, что во второй половине VI в., в постюстинианову эпоху, ранневизантийская военная знать позднеантичного типа сошла с исторической сцены.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Источники

- Иешу Стилиит Хроника Иешу Стилита /Русский перевод с сирийского и примечания Н. Пигулевской // Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.-Л., 1940. С. 130—170.
- Agath. Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque/ Rec. R.Keydell. Vol. 1—2. B., 1967.
- Amm. Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt/ Ed. W. Seyfarth. Vol. 1—2. Leipzig, 1978.
- Anon. Des Byzantiner Anonymos Kriegswissenschaft// Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. 2. Theil: Die Taktiker. 2. Abteilung. Leipzig, 1885.
- Aur. Victi Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus/ Rec. F. Pichlmayr-R. Gruendel. Leipzig, 1970.
- Candid. Candidi fragmenta // FHG. T. IV. P. 135—137.
- Cedren. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope/ Rec. I. Bekker. V. I. Bonnae, 1838.
- Chron. Pasch. Chronicon Paschale/ Rec. L. Dindorf. V. 1. Bonnae, 1832.
- CJ Codex Justinianus/ Ed. P. Krüger. B., 1906.
- Claud. Claudii Claudiani Carmina/ Rec. Th. Birt.// MGH AA. T. X.
- Coll. Avell. Epistulae imperatorum, pontificum, aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae, Avellana quae dicitur collectio/ Rec. O. Guenter. Vol. 1—2. Vindobonae, 1895, 1898.
- Coripp. Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris/ Ed. with Translation and Commentaries by Av. Cameron. London, 1976.
- CTh Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes/ Ed. Th. Mommsen et P. Meyer, B., 1962.
- De cer. Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis au-

- lae byzantini/ Ed. G. Reiske. V. I. Bonnae, 1829.
- De them. Constantini Porphyrogeniti De thematibus/ Ed. A. Pertusi. Vatican, 1952.
- Dig. Digesta/ Ed. Th. Mommsen. B., 1954.
- Dio Cass. Cassius Dio Cocceanus. Historia Romana/ Ed. U. Boissevain. Vol. 1—5. P., 1895—1931.
- Eunap. Eunapii Sardiensis Fragmenta // FHG. T. IV. P. 7—56.
- Euseb. Eusebius. Über das Leben des Kaisers Konstantin/ Ed. F. Winkelmann. B., 1975.
- Eutrop. Eutropii Breviarium ab Urbe condita/ Ed. C. Santini. Leipzig, 1979.
- Evagr. Evagrius. The Ecclesiastical History/ Ed. J. Bidez and L. Parmentier. Amsterdam, 1964.
- Exc. de insid. Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta/ Ed. U. Boissevain, C. de Boor, Th. Buttner-Wobst V. 3: Excerpta de insidiis/ Ed. C. de Boor. B., 1905.
- Exc. Val. Excerpta Valesiana/ Ed. J. Moreau -V. Velkov. Leipzig, 1968.
- Fest. Festus. The Breviarium/ Ed. J. W. Eadie. L., 1967.
- Gai. Inst. Gaii Institutionum iuris civilis Commentarii quattuor/ Ed. Ph. E. Huschke. Lipsiae, 1886.
- Herod. Herodiani ab excessu divi Marci libri VIII/ Ed. K. Stavenhagen. Lipsiae, 1922.
- Hydat. Hydatii Lemici continuatio Chronicorum Hieronymianorum/ Ed. Th. Mommsen // MGH. AA. T. XI. P. 1—36.
- Ioann Ant. Ioanni Antiocheni Fragmenta // FHG. T. IV. P. 535—622; T. V. P. 27—39.
- Ioann. Lyd. Ioannes Lydus. De magistratibus populi Romani libri tres/ Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903.
- ILS Dissau H. Inscriptiones Latinae Selectae Vol. 1—4. B., 1892—1916.
- Iord. Iordanis Romana et Getica/ Rec. Th. Mommsen // MGH AA. T. V.
- Lact. Lactantius. De mortibus persecutorum/ Edited and translated by J. L. Creed. Oxford, 1984.
- Lib. Libanius. Opera/ Rec. R. Förster. Vol. 1—12. Lipsiae, 1903—1922.
- Malala Ioannis Malalae Chronographia/ Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831.
- Malch. Malchi Fragmenta // FHG. T. IV. P. 111—132.
- Marc. Com. Marcellini Comitis Chronicon/ Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. XI. P. 37—108.

Menandr.	Menandri Protectoris Historia // FHG. T. IV. P. 200—269.
Not. Dign.	Notitia Dignitatum accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae et Laterculi Provinciarum/ Ed. O. Seeck. B., 1876.
Nov. Just.	Novellae Justiniani/ Ed. R. Schoell, G. Kroll. B., 1954.
Olymp.	Olympiodori Fragmenta // FHG. T. IV. P. 57—68.
P. Abinn.	The Abinnaeus archive: Papers of a Roman Officer in the Reign of Constantinus II/ Ed. H. J. Bell, V. Martin, E. G. Turner, D. van Berchem. Oxford, 1962.
Pan. Lat.	Panegyriques latins/ Texte établi et traduit par E. Galletier. T. 1—3. P., 1952—1955.
Philost.	Philostorgius. Kirchengeschichte/ Ed. J. Bidez - F. Winkelmann. B., 1972.
Prisk.	Priski Paniti Fragmenta // FHG. T. IV. P. 69—110; T. V. P. 24—26.
Proc.	Procopii Caesariensis opera omnia/ Rec. J. Haury — G. Wirth. Vol. 1—3. Lipsiae, 1962—1964.
Prosp.	Tiro Prosperis Tironis Epitoma Chronicon/ Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. IX. P. 385—485.
RGDA	Res Gestae Divi Augusti/ Ed. P. A. Brunst and J. M. Moore. L., 1967.
SHA	Scriptores Historiae Augustae/ Ed. E. Hohl — Ch. Samberger — W. Seyfarth. Vol. 1—2. Leipzig, 1971.
Sid.	Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina/ Rec. R. C. Luetjohann // MGH AA. T. VIII.
Socr.	Socrates' Ecclesiastical History/ Ed. R. Hussey — W. Bright. Oxford, 1893.
Soz.	Sozomenus. Kirchengeschichte/ Ed. J. Bidez — F. Winkelmann. B., 1972.
Suda	Suidae Lexicon/ Ed. A. Adler. Vol. 1—4. Lipsiae, 1928—1935.
Suet.	Suetonius With an English Translation by J. C. Rolfe. Vol. 1—2. L., 1964.
Syn.	Synesii Cyrenensis Opuscula/ Rec. N. Terzaghi. Romae, 1944.
Them.	Themistii orationes/ Ed. G. Downey — A. F. Norman. Vol. 1—3. Leipzig, 1965—1974.
Theoph.	Theophanis Chronographia/ Rec. C. de Boor. Hildesheim, N. Y. 1980.
Theod. Anagn.	Theodoros Anagnostos. Kirchengeschichte/ Ed. G. C. Hansen. B., 1971.

Theoph. Sim.	Theophylacti Simocattae historiae/ Ed. C. de Boor — P. Wirth. Stuttgart, 1972.
Veget.	Flavii Vegetii Renati Epitome rei militaris/ Ed. C. Lang. Lipsiae, 1885.
Vict. Tonn.	Victoris Tonnennensis episcopi Chronicon/ Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. XI. P. 184—206.
Vita Dan. Styl.	Vita S. Danielis Stylitae // Les saints Stylites par H. Delehaye. Bruxelles, 1923. P. 1—103.
Zach. Rhet.	Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor/ Übers. von K. Ahrens — G. Krüger. Leipzig, 1899.
Zon.	Ioannis Zonarae Epitomae historiarum/ Ed. L. Dindorf. Vol. 1—6. Lipsiae, 1868—1875.
Zos.	Zosime. Histoire Nouvelle/ Texte établi et traduit par F. Paschoud. Vol. 1—3. Paris, 1971—1989.

2. Периодические и серийные издания

АДСВ	Античная древность и средние века. Свердловск
ВВ	Византийский временник. Москва
ВДИ	Вестник древней истории. Москва
ВО	Византийские очерки. Москва
ВС	Византийский сборник. М. - Л., 1945
ЗРВИ	Зборник Радова Византинолошког Института. Београд
ПССИСО	Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Ленинград
AAASH	Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AE	
ANRW	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt/ Hrsg. von H. Temporini. B. — N. Y., 1972 ff.
BASP	
BCH	
BF	
ВНАС	
BIFAO	Bulletin de l'Institut Francais d'Archéologie Orientale. Le Caire
BJ	Bonner Jahrbücher. Bonn
BS	Byzantinoslavica. Praha
BZ	Byzantinische Zeitschrift. München

CQ	Classical Quarterly. London
CLRE	R. S. Bagnall, A. Cameron, S. R. Schwartz, K. A. Worp. <i>Consuls of the Later Roman Empire</i> . Atlanta, 1987.
CS	<i>Critica Storica</i> . Roma
DOP	Dumbarton Oaks Papers. Washington
FHG	<i>Fragmenta Historicorum Graecorum</i> / Ed. C. Müller. Vol. 1—5. Paris, 1841—1884.
GRBS	Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham (North Carol.)
HZ	<i>Historische Zeitschrift</i> . München
JRS	<i>The Journal of Roman Studies</i> . London
MEFR	<i>Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'École Française de Rome</i> . Paris
MGH AA	<i>Monumenta Germaniae Historica Auctores Antiquissimi</i> . Vol. I—XIII. Berolini, 1877—1894.
OR	<i>Opuscula Romana</i> . Lund
PCPhS	<i>Proceedings of the Cambridge Philological Society</i> . Cambridge
PG	J. - P. Migne. <i>Patrologia cursus completus. Series Graeca</i> . Tt. 1—161. Paris, 1857—1866.
PLRE	A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. <i>The Prosopography of the Later Roman Empire</i> . V. I. A. D. 260—395. Cambridge, 1971; J. R. Martindale. <i>The Prosopography of the Later Roman Empire</i> . V. II. A. D. 395—527. Cambridge, 1980.
RE	Pauly — Wissowa — Kroll — Ziegler. <i>Real -Encyclopedie der klassischen Altertumswissenschaften</i> . Bd. 1—83. Stuttgart, 1893—1975.
REA	<i>Révue des études anciennes</i> . Bordeaux
REB	<i>Révue des études byzantines</i> . Paris
TM	<i>Travaux et Mémoires</i> . Paris
ZPE	<i>Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik</i> . München

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Генезис позднеантичной военной знати	27
Ранневизантийская военная знать в 364—400 гг.	71
Военная верхушка ранней Византии в первой половине V в.	94
Ранневизантийская военная элита при Маркиане и Льве I	113
Военная знать при Зеноне и Анастасии	137
Ранневизантийская военная знать при Юстине и Юстиниане	176
Заключение	229
Список сокращений	239